

Норвежские первооткрыватели Америки

Г. М. Готорн-Харди

THE
N O R S E
Discoverers of
AMERICA

The Wineland Sagas

translated & discussed

By G. M. Gathorne-Hardy, F.R.G.S.

O X F O R D
AT THE CLARENDON PRESS
MCM XXI

Электронная книга проекта "Гутенберг" о норвежских первооткрывателях Америки

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Норвежские первооткрыватели Америки

переведенные и обсужденные саги о Вайнленде

Автор: Г. М. Готорн-Харди

Дата выхода: 26 июня 2025 г. [Электронная книга №76383]

Язык: Английский

Оригинальная публикация: Оксфорд: Кларендон Пресс, 1921

Авторы: Шарлин Тейлор, Роберт Тонсинг и команда онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом / Американскими библиотеками.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "НОРВЕЖСКИЕ ПЕРВООТКРЫВАТЕЛИ АМЕРИКИ" ***

НОРВЕЖСКИЕ первооткрыватели АМЕРИКИ

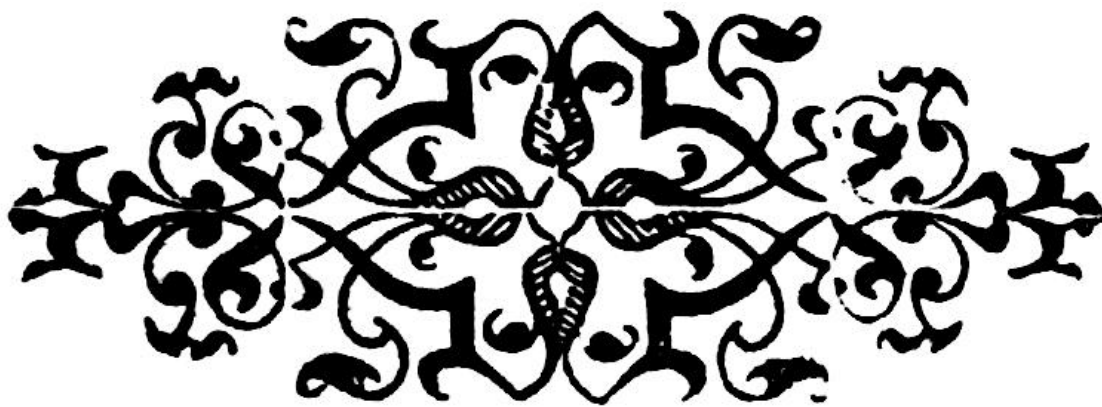
Издательство Оксфордского университета
Лондон Эдинбург Глазго Нью-Йорк
Торонто Мельбурн Кейптаун Бомбейский
Хамфри Милфорд , университетский издатель

НОРВЕЖСКИЕ первооткрыватели АМЕРИКИ

Винные саги

переведено и обсуждено

Г. М. Готорн-Харди, Ф.Р.Г.С.

ОКСФОРД
В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ CLARENDON PRESS
М СМ XXI

Х. А. Л. ФИШЕРУ, КОТОРЫЙ ПЕРВЫМ ОТКРЫЛ МНЕ ОЧАРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ И КОТОРЫЙ ПООЩРЯЛ ЭТУ РАБОТУ НА РАННИХ СТАДИЯХ, В БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА ТЕРПЕЛИВОЕ ОБУЧЕНИЕ И В ПАМЯТЬ О ДНЯХ УЧЕБЫ В КОЛЛЕДЖЕ Я ПОСВЯЩАЮ ЭТУ КНИГУ

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	<i>Страница 7</i>
ЧАСТЬ I. ПЕРЕВОД	
Хронологической сводки	18
Генеалогической таблицы	20
1. Эрик Рыжий и колонизация Гренландии	21
* 2. Приключение Бьярни Херюльфсона	25
3. О Торбьерне Вифилсоне,	28
4. Гудрид приезжает в Гренландию	30
5. Гудрид и Сивилла	33
6. Лейф отправляется в Норвегию	37
* 7. Лейф открывает для себя Вайнленд	40
* 8. Путешествие и смерть Торвальда	45
9. Неудачное предприятие Торстейна	49
* 10. Экспедиция Торфина Карлсефни	52
11. Фрейдис	67
Приложение альтернативных версий и дополнительных отрывков	73
ЧАСТЬ II. ОБСУЖДЕНИЕ	
1. Характер доказательств	88

2. Расхождения в книге Флэтея	113
3. Истории как история	147
4. Skrælings	173
5. Проблемы "Дэгра" и "Эйктарстада"	196
6. Путешествия. Общие соображения	221
7. Путешествия в деталях: Бьярни, Лейф, Торвальд	244
8. Экспедиция Карлсефни	261
9. Последствия и заключение	282
БИБЛИОГРАФИЯ	299
УКАЗАТЕЛЬ	301

* Разделы части I, отмеченные таким образом, посвящены открытию и исследованию Америки.

Введение

Исследование, кульминацией которого стало создание настоящего тома, продолжалось в течение ряда лет, и сама работа приближалась к завершению, когда события августа 1914 года потребовали ее прекращения, в то время как писатель был отстранен от литературных занятий из-за требований действительной службы. Однако есть надежда, что последовавшая за этим задержка не была в полной мере прискорбной. Во-первых, это позволило по-новому взглянуть на то, что было написано ранее, в результате чего были внесены некоторые изменения, которые, как мы надеемся, являются улучшением. Во-вторых, по возвращении автор обнаружил, что за это время в литературу, посвященную его предмету, были внесены значительные дополнения. Особого упоминания среди работ, слишком недавних, чтобы быть прочитанными до начала войны, заслуживают монографии Бэбкока (1913), Ховгаарда (1915) и Стинсби (1918); они дополнены важной статьей Финнура Йонссона в журнале Aarbog для Nordisk Oldkyndighed и с. за 1915 год, хотя они не изменили взгляды, выраженные ниже, были признаны заслуживающими пристального рассмотрения и потребовали значительного переписывания: второстепенные работы Некеля (1913), Колишера (1914), "Бруун" (1915) и художественное произведение мистера Мориса Хьюлетта, основанное на этих сагах под названием "Гудрид Прекрасная" (1917), также относятся к тому же периоду. Последняя по названию книга, хотя и не претендует на научное рассмотрение предмета, представляет особый интерес для автора настоящего издания из-за того факта, что ее автор приходит к тому же выводу относительно окончательного высадки Карлсефни на сушу, который отстаивается на этих страницах. Возможность такой интерпретации данных, представленных в сагах, довольно нерешительно допускается в "Истории штата Нью-Йорк" Йейтса и Моултона (1824); за этим исключением автору не удалось найти какого-либо другого авторитета, придерживающегося точки зрения, которую он самостоятельно сформировал. Йейтс и Моултон, по-видимому, полагались в своей информации на перевод шведской книги "Om Skandinavernes forna upptäcktsresor till Nord Amerika" Шредера (Упсала, 1818), который, по-видимому, был основан

исключительно на версии истории, содержащейся в книге Флэтея; это само по себе не дает достаточной информации, чтобы можно было сделать определенный вывод.

Несмотря на обширную библиографию, ранние путешествия скандинавов в Америку представляют собой все еще неисчерпаемое поле для исследований и дискуссий. Авторы, занимавшиеся этим вопросом, настолько далеки от окончательных и неоспоримых выводов, что можно почти сказать, что каждый новый комментатор дает новый повод для споров. Помимо увлекательной задачи определения местоположения на карте различных частей американского континента, посещенных первыми исследователями, историческая ценность свидетельств была предметом самых разных оценок, хотя можно сказать, что в настоящее время ни один исследователь этого предмета не остался полностью скептическим. Относительная важность, которую следует придавать различным версиям повествования, также много обсуждалась и, без сомнения, будет обсуждаться и впредь, хотя по этому вопросу большинство недавних критиков окажутся в лагере, противоположном нынешнему автору. Что касается точной ситуации с норвежскими открытиями, то у большинства точек зрения от Северного Лабрадора и даже Баффиновой земли до восточного побережья Соединенных Штатов есть свои защитники, которые благодаря разумному отбору свидетельств сумели найти, что сказать в пользу своих соответствующих точек зрения. В этих обстоятельствах считается, что не требуется извинений от того, кто внимательно и долго изучал этот вопрос, если он рискнет внести свою лепту в обсуждение.

Более того, эта тема относится к числу тех, по которым обыватель — во всяком случае, в Англии — остро нуждается в просвещении. Вероятно, существует мало общепризнанных исторических фактов, о которых широкая публика более удивительно ничего не знает. Учитывая, что имеющиеся данные выгодно отличаются от того, что известно о более поздних открытиях Кэбота и Корте Реала, прискорбно обнаружить, как это сделает любой, кто возьмет на себя труд рассказать об этом дюжине друзей, выбранных наугад, что большинству из них тот факт, что скандинавы посещали Америку, совершенно неизвестен, в то время как остальные, вероятно, рассматривают его как смутную легенду, содержащую, возможно, крупину правды, но занимающую место не выше валлийской сказки о Мэдоке и подобных несущественных преданиях.

Когда появилась книга доктора Нансена "В северных туманах", в "Панче" было сделано три упоминания об этом, смысл которых в каждом случае сводился к тому, что выдающийся исследователь доказал, что честь первого открытия Америки принадлежит его соотечественникам. Конечно, на самом деле доказательства были получены давным-давно, и доктор Нансен, отнюдь не дополняющий их, является одним из самых скептически настроенных авторитетов, занимающихся этим вопросом; но здесь, как это обычно бывает, наша ведущая юмористическая газета верно представила взгляды и знания среднего образованного человека.

Возможно, нет ничего удивительного в том, что круг посвященных был так ограничен. Основные работы, посвященные этому вопросу, за очень немногими исключениями, либо написаны на иностранных языках, либо погребены на страницах недоступных научных периодических изданий, либо в работах, относящихся в основном к более широкой области, либо были опубликованы так давно, что при нынешней жизни книг вряд ли можно ожидать, что обыватель читал или помнил их. Книге Ривза "В поисках Вайнленда Доброго", одной из наиболее

вероятных книг на эту тему, попавших в руки широкого читателя, исполнилось более двадцати лет. Сколько книг — помимо стандартной классики — аналогичного возраста попадает на глаза рядовым читателям?

Следует также признать, что в этой стране не слишком распространен вкус к исландской литературе. Обыватель, если авторское восприятие его типично, совершенно не находит того метода повествования, который, по его мнению, привел в восторг современную исландскую аудиторию. Он не может переварить длинные генеалогии, на которых, без сомнения, настаивал первый читатель или слушатель, чтобы придать рассказу оттенок личного интереса, возникающего из упоминания предков, друзей или знакомых. Его смущают и раздражают имена с незнакомым звучанием, с прикрепленными к ним грубыми прозвищами, многие из которых очень похожи друг на друга. Когда ему наконец удастся погрузиться в какую-то нить повествования, он внезапно обнаруживает, что переключился на слежение за судьбами других персонажей, предыдущие упоминания о которых он забыл, и, окончательно потеряв ориентацию, с отвращением отбрасывает книгу на пол. Автор настоящего доклада в связи с этим тщательно обдумал, не было ли бы лучше перенести две части этой работы, поместив перевод последним, но он чувствует, что такое расположение было бы нелогичным и значительно затруднило бы понимание аргументов, используемых при обсуждении вопроса. В качестве подачи ленивым он, однако, отметил в оглавлении те части рассказа, которые касаются открытий Америки, хотя лично он считает, что те, кто пропустит остальное, пропустят что-то очень интересное, включая яркое описание сеанса сивиллы.

Хочется надеяться, что не будет несправедливо сказать среднему англичанину, что слово 'сага' обычно вызывает в его сознании совершенно ложное представление. Очень часто он, кажется, думает о саге как о поэзии; почти неизменно как о романе. В связи с этим, возможно, необходимо отметить, что почти все, что мы знаем о ранней истории Скандинавии, и все, что мы знаем об Исландии и Гренландии, почерпнуто из того, что можно охарактеризовать только как литературу саг. Сага просто означает историю, первоначально историю, передаваемую из уст в уста, часто при жизни тех, чьи достижения она прославляла; и большая масса более ранних саг была нацелена на историческую правду, конечно, не на научную точность современности, а на сочетание неприверженности фактам с остротой живописного повествования, как в "Книгах королей" или любых ранних исторических трудах. На самом деле, как будет показано ниже (часть II, [глава I](#)), историческая сага Исландии выгодно отличается от ранней истории большинства других стран по целому ряду причин.

Вероятно, ошибочные представления, распространенные на этот счет, в какой-то степени проистекают из того, что можно назвать традицией Морриса в переводе саг на английский. Ассоциации причудливого языка, используемого в этой конвенции, поэтичны и, следовательно, романтичны; слова устарели в современной прозе, тогда как язык чистой саги исторического периода прозаичен до неприличия, изложение фактов настолько прямое и лаконичное, что кажется почти грубым. Почему же тогда нам должны говорить, что люди 'бегут в дешевую лавку', а не что они пришли на рынок? Почему у нас должно быть 'высота' для имени, 'микл' для многого, или *manu*, или *great*, 'май' для девушки или девицы, 'да' для согласия и так далее? Это не служит никакой цели, кроме как показать, что в какой-то давно минувший период скандинавский оставил свои следы в английском языке, и дает представление о характере переводимой литературы, прямо противоположном истинному.

То, что следует стремиться воспроизвести в переводе — и особенно в переводе с исторической целью, — это, несомненно, эффект, произведенный на аудиторию, для которой был написан оригинал. Возможно, при переводе Гомера было бы правильно избегать грубого модернизма, поскольку Гомер был архаичен для людей любого известного исторического периода, но когда мы видим, как один исландец рассказывает другому, как его дед или даже его ближайший современник пострадал от рук других людей, живших в точно таких же условиях, что и слушатель, конечно, неправильно использовать английский, настойчиво и постоянно обращаясь за помощью к глоссарию.

Теперь, независимо от того, удастся или нет настоящему автору добиться успеха в популяризации какого-либо исландского перевода, тем, кто жалуется, как некоторые могут, на то, что его перевод грубо современен, он отвечает, что таково его преднамеренное намерение, поскольку именно так, как ему кажется, древние исландцы рассказывали свои простые, неприкрашенные истории. Искусство в организации рассказа, без сомнения, было искусством, которое учитывало запросы современной аудитории и которое, по всей вероятности, было бы изменено, чтобы удовлетворить другой вкус. Но дикция на всем протяжении более прямая, реалистичная и без прикрас, чем любая другая, которую можно встретить в литературе. И поскольку такая трактовка кажется уместной при изложении исторических фактов, чтобы убедить слушателя, автор, возможно, даже зашел слишком далеко в своем желании подчеркнуть эту характеристику.

В одном отношении он, безусловно, позволил себе вольность. Случайные импровизированные стихи, включенные в саги, в буквальном переводе были бы почти такими же непонятными, как в исландском оригинале. Почти каждая фраза, согласно обычаю того времени, включает в себя загадочную околичность, что-то вроде самсоновского 'Из пожирателя вышло мясо'. Например, гимн гебридского спутника Херюльфа, стих из которого приведен в главе о Бьярни, в буквальном переводе звучал бы примерно следующим образом: —

‘Я молю непорочного монаха-трира помочь моим путешествиям, пусть владыка высокого зала земли дарует мне ястребиный насест’. Здесь "непорочный монах-трир" - это Бог, испытывающий сердца добрых людей, "высокий чертог земли" - это небо или небеса, и — самое непонятное из всего — ‘ястребиный насест’ - это рука, намек на соколиную охоту. Только разгадав эти загадки, можно прийти к истинному значению — ‘Безгрешный Бог, испытывающий сердца твоих святых, направь мои странствия; Владыка небес, протяни надо мной руку свою и так защити меня’. Это окончательное значение было здесь метрически перефразировано, пожертвовав особенностями раннего скандинавского стиха в интересах ясного и доходчивого исторического повествования. И точно так же переводы других случайных стихов направлены на воспроизведение воздействия на разум интеллигентного слушателя, а не на простые слова, которые произвели этот эффект. За исключением этих случаев, автор, позволяя себе определенную свободу в отрывках, от которых ничего не зависит, пожертвовал всеми остальными соображениями ради буквальности, когда любой аргумент может зависеть от текста.

Остается сказать пару слов о принятой договоренности. Как обнаружит читатель, материал представлен тремя текстами, [1] представляющими собой две независимые версии, которые в некоторых случаях трудно согласовать. Цель состояла в том, чтобы безразлично представить последовательное повествование, почерпнутое из всех этих источников. Однако только в одном

случае был сознательно нарушен порядок событий, приведенный в любой версии. "Сага об Эрике Рыжем" и книга Хаука, которые, как будет видно, представляют собой по существу одну и ту же версию, начинаются с главы, в которой единственное уместное имя - Торбьерн Вифилсон, фигурирующее в заключительном предложении. Цель этой главы - представить этого персонажа, дочь которого, Гудрид, может быть описана как героиня рассказа.

Но англоязычная аудитория, скорее всего, не воспримет этот аргумент, если сохранить главу в ее первоначальном положении. Ибо сага, только что упомянув Торбьерна, характерно переходит к рассказу об Эрике Рыжем и колонизации Гренландии, так что к тому времени, когда Торбьерн будет представлен снова, читатель, скорее всего, совсем о нем забудет. Следовательно, было сочтено, что лучше начать с Эрика и его странствий, продолжив это описанием путешествия Бьярни Херюльфсона и открытий из книги Флэтея, которые тесно связаны с колонизацией Эриком Гренландии как по дате, так и по обстоятельствам. Затем автор вернулся к фактическому началу саги, соединив таким образом в одно связное повествование все части истории, касающиеся Торбьерна Вифилсона. Привезя этого персонажа и его дочь в новый дом Эрика в Гренландии, оригинальная сага и настоящее издание в равной степени обращаются к Лейфу Эриксону и описывают его путешествие ко двору Олафа Трюгвасона в Норвегии. Поскольку 'случайная' версия открытия Америки Лейфом несовместима с введением в основную историю более полного отчета из книги Флэтея, первое было перенесено в приложение, а второе включено в основной текст. Из главы, посвященной книге Флэтея, будет видно, что это, по мнению автора, наиболее точная историческая трактовка, но это не является мотивом его поступка. Независимо от того, правы или нет авторы книги Флэтей, приписывая путешествие Лейфа преднамеренному проекту, в ней содержится на сегодняшний день самый полный отчет о его экспедиции, и по этой причине она заслуживает места в основной части истории. Но он не может быть включен без исключения — или удаления в примечании или приложении — всего, что противоречит ему. Точно так же рассказ о смерти Торвальда Эриксона, который противоречит версии книги Флэтея, был удален из основного текста и заменен более полным повествованием.

Однако в каждом случае, когда существует альтернативная версия какого-либо инцидента или эпизода, мы позаботились о том, чтобы привести ее в приложении, чтобы читатель мог иметь в распоряжении весь материал для формирования своего собственного мнения по данному вопросу. Ничто не пропущено полностью. Результатом того, что было сделано, является последовательное повествование, содержащее более полный отчет о путешествиях в Вайнленд, чем содержится в какой-либо одной версии, которую можно резюмировать следующим образом:—

Эрик Рыжий и его отец приезжают в Исландию. Последний умирает. Эрик женится: рождается Лейф. Эрик делает страну слишком жаркой, чтобы удержать его, исследует Гренландию и колонизирует ее. Его сопровождает некий Херюльф, сын которого, Бьярни, пытаясь присоединиться к нему, случайно попадает в Америку, откуда в конце концов возвращается в Гренландию. Проходит много лет, в течение которых мы можем предположить, что Лейф Эриксон вырастет. В перерыве мы возвращаемся в Исландию и следим за судьбой Торбьерна Вифилсона и его дочери Гудрид вплоть до того времени, когда они тоже эмигрируют в Гренландию. Далее следует путешествие Лейфа в Норвегию и его обращение в христианство, за которым следует его исследовательское путешествие в Америку и спасение Гудрид среди прочих после кораблекрушения где-то на побережье Гренландии. За этим следует экспедиция и

смерть Торвальда Эриксона, неудачное предприятие его брата Торстейна, женитьба последнего на Гудрид и его смерть, а затем прибытие Карлсефни в Гренландию, его женитьба на Гудрид и его путешествие в Вайнленд со своей женой и спутниками. Наконец, мы слышим об очередном путешествии в новую страну под покровительством Фрейдис, внебрачной дочери Эрика Рыжего.

Хотелось бы надеяться, что такое объединение материала в единую гармоничную историю, изложенную обычной фразеологией, сделает ее более приемлемой для широкой публики, чем могла бы оказаться более научная трактовка, в то время как те, кого эта книга побудит глубже погрузиться в проблемы этого увлекательного предмета, найдут альтернативные прочтения и версии истории, включенные без излишней навязчивости.

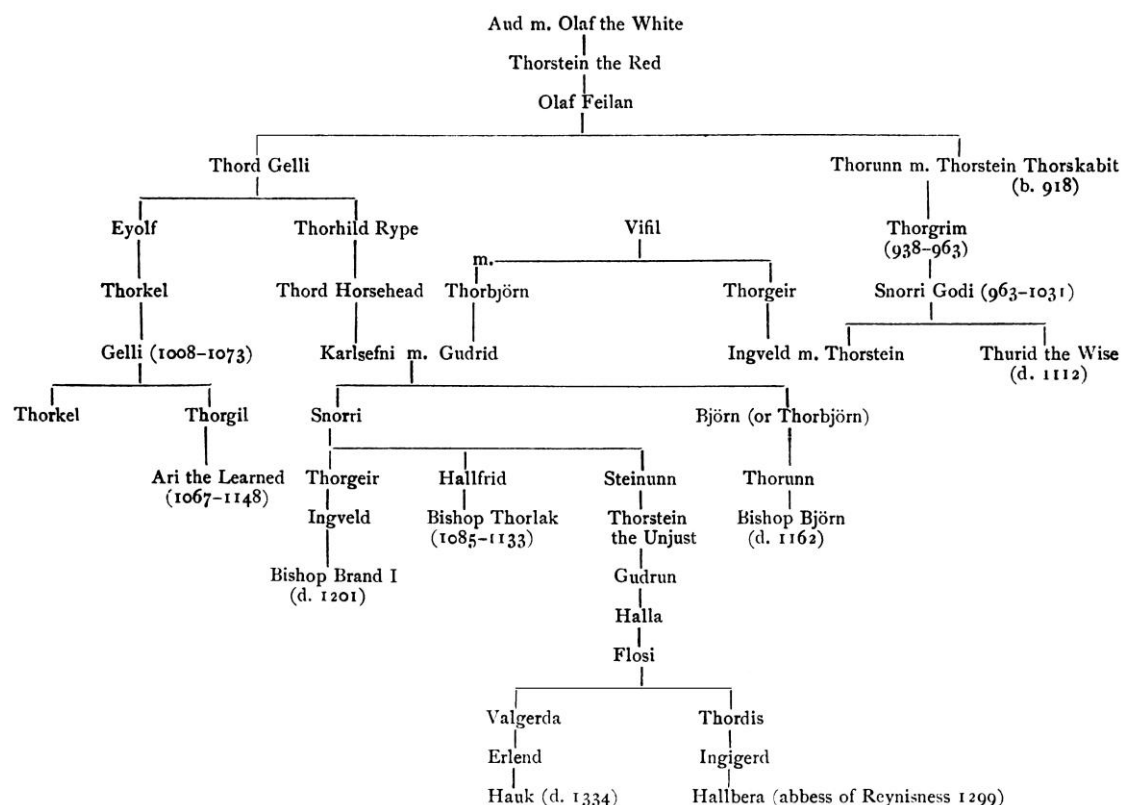
Фактически, автор, представляя свои взгляды на рассмотрение тех, кто изучал этот вопрос, особенно надеется, что некоторые представители широкой общественности обнаружат, что эта тема захватила их точно так же, как она захватила его самого несколько лет назад. Во-первых, интерес к рассказу, к голому тексту без ненужных примечаний или комментариев; во-вторых, убежденность в его исторической точности в основных чертах; в-третьих, интерес к проблемам и дискуссиям, которые он вызвал. Несомненно, некоторые из них расстанутся на каждом из этих трех этапов, но если те части книги, которые они не пропустили, пробудили в них хоть какой-то интерес, значит, задача автора была предпринята не напрасно.

ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ РЕЗЮМЕ

- 870. Ингольф приезжает в Исландию.
- 938. Рождение Торгрима, отца Снорри Годи.
- ок. 950. Предполагаемая дата рождения Эрика Рыжего.
- 963. Рождение Снорри Годи.
- 982. Первое исследование Эриком Гренландии.
- 986. Основание гренландской колонии. Бьярни открывает Америку.
- 999. Лейф прибывает в Норвегию. Его обращение.
- 1000 год. Христианство утвердилось в Исландии. Лейф обращает Гренландию. Смерть Олафа Трюгвасона. Бьярни в Норвегии с Эриком Ярлом.
- 1001. Бьярни возвращается в Гренландию.
- 1002. Лейф открывает для себя Вайнленд.
- 1003. Возвращается Лист. Смерть Эрика Рыжего? и Тори, первого мужа Гудрид.
- 1004. Экспедиция Торвальда.
- 1006. Смерть Торвальда.
- 1007. Возвращение экспедиции Торвальда.
- 1008. Экспедиция и смерть Торстейна.
- 1009. Гудрид возвращается в Браттахлид.

- ок.
1018. Олаф Святой посылает Ререка к Лейфу Эриксону.
- ок.
1019. Карлсефни прибывает в Гренландию.
- ок.
1020. Карлсефни женится на Гудрид. Они плывут в Страумсфьорд. Родился Снорри.
- ок.
1023. Возвращение Карлсефни.
- ок.
1024. Путешествие Фрейдис.
- ок.
1055. Средняя дата рождения детей Снорри.
1067. Рождение Ари Ученого. Адам Бременский, директор Бременской кафедральной школы.
1076. Смерть Свейна Эстридсона, информатора Адама Бременского.
1085. Рождение епископа Торлака, внука Снорри Карлсефнисона.
1121. Эрик, епископ Гренландии, отплывает в Вайнландию.
1133. Смерть епископа Торлака.
1148. Смерть Ари Ученого.
1162. Смерть епископа Бьерна, правнука Карлсефни.
1163. Рукоположение епископа Бранда I.
1201. Смерть епископа Бранда I.
1285. К западу от Исландии открыта новая земля.
1294. Королевский эдикт, разрешающий торговлю с Гренландией и т.д. монополия короны.
1299. Халльбера назначена настоятельницей Рейниснесса.
1334. Смерть Хаука.
1347. Корабль из Маркленда, о котором сообщается в исландских анналах.
- 1370-
1387. Сборник книги Флэтея .

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

ЧАСТЬ I. ПЕРЕВОД

§1. ЭРИК РЫЖИЙ И КОЛОНИЗАЦИЯ ГРЕНЛАНДИИ

Этот отрывок является общим для всех версий истории. Источником является Ланднамабок, II. 14, который, соответственно, является текстом, приведенным здесь. Расшифровка в книге Флэтея несколько сокращена. Дополнительные материалы, предоставляемые любой версией рассказа, выделены курсивом.

Торвальд, сын Освальда, сына Волка, сына Оксен-Тори, и Эрик Рыжий, его сын, приехали из Джейдерена (в Норвегии) в Исландию, потому что они были замешаны в убийстве. *Тогда Исландия была в значительной степени заселена.* [2] Они захватили землю в Хорнстрандсе и жили в Дранге, где умер Торвальд. Затем Эрик женился на Тьодхильд, дочери Йорунда Атлисона и Торберги Корабелогрудой, которая в то время была замужем за Торбьерном из Хаукадала. Затем Эрик двинулся с севера, расчистил территорию в Хаукадале и поселился в Эрикстаде близ Ватсхорна. *У Эрика и Тьодхильд родился сын по имени Лейф.* [2] Теперь рабы Эрика обрушили оползень на дом Вальтьофа в Вальтьофстаде. Эйюльф Саур, родственник Вальтьофа, убил рабов близ Скейдсбрекки, что над Ватсхорном. За это Эрик убил Эйюльфа Саура; он также убил Храфна Дуэлянта в Лейкскали. Гейрстайн и Одд из Йорфи, родственники Эйюльфа, подали в суд на Эрика, после чего он был изгнан из Хаукадала. Затем он взял Броки и Оксни и первую

зиму прожил в торговом центре в Судери. На этом этапе он одолжил Торгесту свои балки для прихожей [3]. Впоследствии Эрик переехал в Оксни и жил в Эрикстаде. Затем он попросил свои балки, но не смог их получить. *Отсюда возникли ссоры и драки с Торгестом и его отрядом, о которых рассказывается в Саге об Эрике.* [4] [После этого он отправился на поиски своих лучей в Брейдабольстад, но Торгест пришел за ним. Они сражались недалеко от фермы в Дранге, где пали два сына Торгеста и несколько других мужчин. После этого у обеих сторон появилось множество сторонников. [5] Сир, сын Торгрима [4] помогал Эрику в разбирательстве [4], как и Эйульф Свинейский, сыновья Торбранда Альптафьордского и Торбьерна Вифилсона; но сыновья Торда Гелли и Торгейра Хитадальского, Аслак из Лангадаля и его сын Иллуги встали на сторону Торгеста. Эрик и его люди были объявлены вне закона на сеансах Торснеса. Он подготовил свой корабль в Эриксваге, но Эйульф спрятал его в Димунаваге, пока Торгест и его люди искали его на островах. Торбьерн, Эйульф и Сир сопровождали Эрика по островам. Он сказал им, что намеревается поискать землю, которую заметил Гуннбьерн, сын Волка Ворона, когда его везли на запад мимо Исландии, и он обнаружил шхеры Гуннбьерна. Он сказал, что вернется и навестит своих друзей, если откроет для себя эту страну, и они расстались в наилучших отношениях. Эрик сказал, что оплатит им такой помощью, какая будет в его силах, если им случится нуждаться в нем. [6] Эрик вышел в море мимо Снайфелсджекуля и прибыл (на побережье Гренландии) близ Миджекуля, который сейчас называется Блазерк [7]; оттуда он поплыл на юг вдоль побережья, чтобы выяснить, пригодно ли там для жилья. Он провел первую зиму в Эрикси, недалеко от центра Западного поселения [8]; следующей весной он приехал в Эриксфьорд и снял там себе участок. Тем летом он отправился в западные дебри, где оставался долгое время [9]: он давал названия тамошним местам на широком тракте. Следующую зиму он провел в Эриксхольме близ Хварфсгнипы, но на третье лето отправился прямо на север, в Снафелл, и в Храфнсфьорд. Затем он заявил, что добрался до устья Эриксфьорда. В этот момент он повернул назад и на третью зиму оказался в Эрикси, недалеко от устья Эриксфьорда. Но позже, летом, он вернулся в Исландию и прибыл в Брейдафьорд.

[Ту зиму он провел с Ингольфом в Холмлате. Весной на него напали Торгест и его люди, и Эрик потерпел поражение; после чего они помирились. [10] Тем летом Эрик отправился колонизировать страну, которую он открыл, и назвал ее Гренландией, заявив в качестве причины, что людей туда сильно привлекло бы, если бы у страны было хорошее название. [11]

Ученые мужи рассказывают нам, что тем же летом, когда Эрик Рыжий отправился колонизировать Гренландию [12], двадцать пять кораблей [13] отплыли из Брейдафьорда и Боргафьорда, но только четырнадцать прибыли к месту назначения: некоторые были отброшены назад, а некоторые пропали. Это было за пятнадцать зим до того, как христианство было официально установлено в Исландии. Епископ Фредерик и Торвальд Кодрансоны приехали (в Исландию) тем же летом. [12]

Следующие люди, которые отправились в это время с Эриком, захватили землю в Гренландии: —Херьюльф захватил Херьюльфсфьорд, он жил в Херьюльфнесе; Кетиль (взял) Кетильсфьорд; Храфн, Храфнсфьорд; Сельви, Сельвадал; Хельги [14] Торбрандсон, Альптафьорд; Торбьерн Глора, Сиглуфьорд; Эйнар, Эйнарсфьорд; Хафгрим, Хафгримсфьорд и Ватнахверфи; Арнлауг, Арнлаугсфьорд; но некоторые отправились в Западное Поселение.

Обратите внимание, *колонны в холле*. "Сетстоккар" - это, строго говоря, горизонтальные балки, проходящие между центральным залом и боковыми проходами, в которые выходили спальни. На них часто вырезались фигуры Тора или других языческих божеств, и они были священным и ценным семейным достоянием. Предоставление таких предметов в займы трудно объяснить, поскольку они были бы необходимы их владельцу и, на первый взгляд, бесполезны для временного заемщика. Эрик, однако, в то время еще не обжился в своем новом доме; он подождет с постройкой подходящего дома, пока не определится с участком, и тем временем, по-видимому, ему не понадобится его 'сетстоккар'. Возможно, Торгест утверждал, что хотел скопировать их, но мы знаем о другом применении подобных вещей, которое может пролить некоторый свет на этот вопрос. Когда Ингольф, основатель колонии, пожелал выбрать для себя дом в Исландии, нам рассказывают, что он 'выбросил за борт столбы своего святого места (ондугис сулур) в качестве предзнаменования, сказав, что поселится в том месте, где столбы выйдут на сушу" (Ланднама, 1. 6). Эта практика, очевидно, была широко распространена, поскольку мы читаем (Ланднама, 3. 7), как Краку-Хрейдар 'сказал, что не выбросит свои столбы за борт, сказав, что он считает плохим определять свои планы таким образом'. О том, что 'сетстоккар' использовался так же, как 'ондугис сулур", свидетельствует другой отрывок из Ланднама (5.9), где "Хастейн выбросил свой сетстоккар за борт по освященному веками обычаю". Есть нечто аналогичное в обычае, который зафиксирован в различных традициях шотландского нагорья, согласно которому мужчина поселялся там, где вьюки впервые падали с его лошади после того, как он отправлялся в свое путешествие. Торгест, без сомнения, был уроженцем Исландии, поскольку он был сыном Штейна Великого Морехода, который поселился в Брейдабольстаде, и все же ему, возможно, потребовалась сверхъестественная помощь в выборе нового дома.

§2. ПРИКЛЮЧЕНИЕ БЬЯРНИ ХЕРЮЛЬФСОНА

Из книги Флати.

Херюльф был сыном Барда, сына Херюльфа, который состоял в родстве с Ингольфом, основателем исландской колонии. Ингольф отдал земли между Вогом и Рейкьянессом Херюльфу (старшему) и его народу. Херюльф (младший) сначала жил в Дрепстоке. У него была жена по имени Торгерд, а их сына звали Бьярни, очень многообещающий человек. Он с юности увлекался заграничными путешествиями. Это принесло ему и богатство, и кредит, и он проводил зимы попеременно за границей и со своими родителями. Вскоре у Бьярни появилось собственное торговое судно, и последняя зима, которую он провел в Норвегии, была, когда Херюльф предпринял путешествие в Гренландию с Эриком и перенес там свой дом. У Херюльфа на борту его корабля был христианин с Гебридских островов, который сочинил "Песнь о приливной волне", в которой есть такой стих:

Всемогущий Бог, которому одному

Сердца всех святых твоих известны,

Безгрешный и праведный, я молюсь тебе

Чтобы вести меня по моему опасному пути:

Владыка небес, что покрывают землю,

Протяни мне свою защищающую руку.

Херджульф поселился в Херджульфнесе; к нему относились с величайшим уважением. Эрик Рыжий жил в Браттахлиде; он был там самым выдающимся человеком, и ему все повиновались. Детями Эрика были Лейф, Торвальд и Торстейн, а также дочь по имени Фрейдис, которая была замужем за человеком по имени Торвард; они жили в Гарде, где сейчас находится собор: она была очень надменной женщиной, но Торвард был никчемным мужчиной; она вышла за него замуж в основном из-за его денег. В то время в Гренландии люди были язычниками.

Бьярни прибыл на своем корабле в Эйрар летом того же года, весной которого отплыл его отец. Бьярни был очень обеспокоен этой новостью и не захотел разгружать свой груз. После этого его команда спросила его, что он собирается делать; он ответил, что намерен придерживаться своего обычая проводить зиму со своими родителями: 'и я, ' сказал он, ' поведу свой корабль в Гренландию, если вы составите мне компанию'. Все они заявили, что подчинятся его решению, на что Бьярни заметил: 'Наше путешествие будет сочтено опрометчивым, поскольку никто из нас не был в водах Гренландии'. Несмотря на это, они вышли в море, как только были готовы, и плыли три дня, прежде чем причалили к берегу; но затем попутный ветер стих, и налетели северные ветры и туманы, и они не знали, куда плывут, и это продолжалось много дней. После этого они увидели солнце и смогли сориентироваться, после чего подняли паруса, и после плавания в тот же день они увидели землю, и они обсуждали между собой, что бы это могла быть за земля, но Бьярни сказал, что ему кажется, что это не может быть Гренландия. Они спросили его, поплывет ли он в эту землю или нет. "Я за то, чтобы плыть поближе к суше", - сказал он, и, сделав это, они вскоре увидели, что земля не гористая, а покрыта лесом и что на ней есть небольшие холмы, после чего они оставили сушу по левому борту и позволили ширме развернуться к ней. Затем, проплыв два дня, они увидели другую землю. Они спросили Бьярни, думает ли он, что это Гренландия; он сказал, что думает, что это Гренландия не больше, чем первое место, "потому что говорят, что в Гренландии очень большие ледники". Вскоре они приблизились к этой земле и увидели, что это плоская местность, покрытая лесом. В этот момент попутный ветер стих, после чего команда предложила им приземлиться там, но Бьярни отказался. Они считали, что им не хватает ни дров, ни воды. 'Вы не нуждаетесь ни в том, ни в другом', - сказал Бьярни, но за это получил несколько оскорблений от своей команды. Он приказал им поднять паруса, что и было сделано, и они отвернули нос от берега и три дня плыли в море при юго-западном бризе, когда увидели третью землю: теперь эта земля была высокой и гористой, покрытой льдом. Поэтому они спросили, не поселится ли там Бьярни, но он ответил, что не поселится, поскольку— как он выразился, эта земля показалась ему ни на что не годной. Затем, не спуская парусов, они продолжили свой путь вдоль берега и увидели, что это остров; они снова отвернули нос от берега и вышли в море с тем же бризом; но ветер усилился, так что Бьярни велел им ставить рифы и не ставить больше парусов, чем может выдержать их корабль и такелаж. Они плыли четыре дня, пока не увидели четвертую землю. Затем они спросили Бьярни, думает ли он, что это Гренландия, или нет. Бьярни ответил: 'Это больше всего похоже на то, что мне рассказывали о Гренландии, и здесь мы будем держать курс на сушу'. Так они и сделали, и в тот вечер пристали к берегу под мысом, на котором стояла лодка, и там, на том мысу, жил

Херюльф, отец Бьярни, и именно от него мыс получил свое название и с тех пор называется Херюльфснесс.

Теперь Бьярни отправился к своему отцу и отказался от путешествий, и он был со своими родителями до тех пор, пока был жив Херюльф, а потом он наследовал своим родителям и жил там.

§3. О ТОРБЬЕРНЕ ВИФИЛСОНЕ

Этот отрывок представляет собой перевод текста саги об Эрике, сверенный с текстом книги Хаука. Оба являются точным сокращением из "Ланднамабок". Выделенные курсивом слова приведены только в книге Хаука.

Жил-был король-*воин* по имени Олаф, которого звали Олаф Белый. Он был сыном короля Ингьяльда, сына Хельги, сына Олафа, сына Гудреда, сына Хальфдана Белоногого, короля Нагорья. Олаф совершил набег на Запад, завоевал Дублин в Ирландии и Дублинский округ и провозгласил себя его королем. Он женился на Ауд, очень богатой, дочери Кетиля Плосконосого, сына Бьерна Буни, великого человека из Норвегии. Их сына звали Торстейн Рыжий. Олаф пал в битве в Ирландии, после чего Ауд и Торстейн отправились на Гебридские острова. Там Торстейн женился на Турид, дочери Эйвинда Истмана и сестре Хельги Тощего: у них было много детей. Торстейн стал королем-воином: он объединил свои силы с *ярлом* Сигурдом Богатым, сыном Эйстейна Глумри. Они завоевали Кейтнесс и Сазерленд, Росс и Морей и более половины Шотландии. Торстейн провозгласил себя королем этого округа, пока шотландцы не предали его, и он пал там в битве. Ауд была в Кейтнесе, когда услышала о падении Торстейна. После этого она приказала тайно построить в лесу судно, и когда оно было готово, она отплыла на Оркнейские острова. Там она выдала замуж за дочь Торстейна Рыжего Гро, которая стала матерью Грелады, на которой женился ярл Торфинн Раскалыватель Черепов. После этого Ауд отправилась искать Исландию; у нее на борту было двадцать свободных мужчин. Ауд приехала в Исландию и провела первую зиму в Бьернхакене со своим братом Бьерном. Позже Ауд захватила все Долины между реками Догурда и Скраумухлауп и жила в Хвамме. У нее была личная часовня в Кроссхолсе, где она установила крест, потому что была крещена и исповедовала истинную веру.

С ней вышло много выдающихся людей, которые были захвачены в плен во время западных набегов и номинально являлись рабами. Одного из них звали Вифил. Он был человеком из хорошей семьи, который попал в плен за западным морем и номинально был рабом, пока Ауд не освободил его. И когда Ауд предоставила дома своей команде, Вифил спросил ее, почему она не предоставила ему дом, как остальным. Ауд сказал, что это ничего не изменит, и заметил, что его будут считать благородным, каким бы он ни был. (Позже) Ауд отдал ему Вифилсдал, и он поселился там. У него была жена. Их сыновьями были Торгейр и Торбьерн [15]: они были многообещающими мужчинами и росли вместе со своими родителями.

§4. ГУДРИД ПРИЕЗЖАЕТ В ГРЕНЛАНДИЮ

Перевод из "Саги об Эрике Рыжем": в книге Хаука нет существенных изменений.

Торгейр Вифилсон женился, взяв за руку Арнору, дочь Эйнара из Лаугарбрекки, сына Зигмунда, сына Кетиля Тистия, который захватил Тистильсфьорд. У Эйнара была еще одна дочь по имени Халльвейг; Торбьерн женился на ней, добравшись вместе с ней до Лаугарбреккаланда в Хеллисвелли. Торбьерн перевез туда свой дом и стал самым уважаемым человеком. Он был местным вождем (годи) и владел великолепным поместьем. Дочь Торбьерна звали Гудрид; она была очень красивой женщиной и благороднейшим образом вела себя.

В Арнарстапи жил человек по имени Орм. У него была жена по имени Халльдис. Орм был зажиточным йоменом и большим другом Торбьерна, и Гудрид долгое время воспитывалась в его доме. Был человек по имени Торгейр, который жил в Торгейрсфелле. Он был богат деньгами и был освобожден из рабства. У него был сын по имени Эйнар, который был прекрасным человеком и хорошо воспитан; он также был большим денди. Эйнар был занят торговлей между Исландией и Норвегией, бизнесом, в котором он преуспевал; он проводил попеременно зимы в Исландии и Норвегии одинаковое время. Теперь следует рассказать, как однажды осенью, когда Эйнар был здесь, он отправился со своими товарами вдоль Снафелнесса, чтобы продать их. Он пришел в Арнарстапи. Орм попросил его остановиться там, и Эйнар согласился, потому что они были друзьями. Его товары отнесли во флигель. Эйнар открыл свой товар и показал его Орму и его домочадцам, пригласив его взять то, что ему понравится. Орм согласился, сказав, что Эйнар был хорошим моряком и очень удачливым человеком. Сейчас, когда они обсуждали товары, мимо двери пристройки прошла женщина. Эйнар спросил Орма: "Кто может быть та красивая женщина, которая прошла вон там мимо двери? Я не видел ее здесь раньше". "Это Гудрид, моя приемная дочь," ответил Орм. - дочь сквайра Торбьерна из Лаугарбрекки. "Она была бы хорошей партией," сказал Эйнар, "но, полагаю, не один мужчина приходил просить ее руки. Конечно, были предложения, друг мой," ответил Орм, "но ее не следует хватать первому встречному; считается, что и она, и ее отец окажутся разборчивыми". "Как бы то ни было," - сказал Эйнар, - это та женщина, на которой я собираюсь жениться, поэтому я хотел бы, чтобы вы обсудили сватовство за меня с ее отцом и приложили все усилия, чтобы добиться этого: я буду считать это самым дружеским поступком свашей стороны. Сквайр Торбьерн должен понять, что союз между нами был бы благом, поскольку он человек с хорошим положением и с хорошим состоянием, но мне сказали, что его состояние значительно уменьшается, в то время как у меня и моего отца нет недостатка ни в земле, ни в товарах, и это будет сильнейшей поддержкой для Торбьерна, если это предложение будет принято. Конечно, я считаю себя вашим другом," ответил Орм, "но все же я не желаю браться за это дело, потому что Торбьерн вспыльчивый и к тому же очень гордый человек". Эйнар сказал, что его не устроит ничего, кроме того, что его предложение должно быть передано. Орм сказал, что возьмется за это. Эйнар вернулся на юг, пока не вернулся домой.

Некоторое время спустя Торбьерн устроил, по своему обыкновению, праздник сбора урожая, ибо он был человеком очень щедрого нрава. Орм приехал туда из Арнарстапи, как и многие другие друзья Торбьерна. Орм поговорил с Торбьерном и сказал, что Эйнар прибыл туда из Торгейрсфелла и что он вырос в многообещающего человека. Затем Орм сделал предложение руки Эйнара и сказал, что это было бы хорошо по разным причинам. "Это могло бы стать для вас отличным источником силы, сквайр, с финансовой точки зрения. Торбьерн ответил: "Я не

ожидал, что ты скажешь такое, что я отдам свою дочь замуж за сына рабыни. Вы, очевидно, думаете, что мое богатство на исходе, и Гудрид больше не останется с вами, раз вы считаете, что она подходит для такой плохой партии. После этого Орм и все остальные гости разошлись по домам. С тех пор Гудрид жила у своих родителей и в ту зиму была дома.

Но весной Торбьерн устроил вечеринку, и был приготовлен хороший пир: пришло много людей, и пир был самый лучший. И на пиру Торбьерн попросил тишины и сказал следующее: 'Я живу здесь долгое время, я испытал доброжелательность и любовь мужчин ко мне, и я признаю, что мы хорошо ладили в нашем общении. Но теперь мое состояние начинает иссякать, хотя до сих пор оно не считалось недостойным. Теперь я скорее сменю дом, чем потеряю свое положение, скорее уеду из страны, чем опозорю свою семью; так что теперь я полон решимости сдержать слово моего друга Эрика Рыжего, которое он дал мне, когда мы расставались в Брейдафьорде, так что теперь я намерен отправиться в Гренландию этим летом, если все пойдет так, как я захочу'.

Это решение произвело большую сенсацию среди зрителей — Торбьерн уже давно был популярен, - но они были уверены, что Торбьерна, сделавшего это заявление так публично, не удастся убедить отступить. Торбьерн раздал гостям подарки, после чего банкет подошел к концу, и мужчины разошлись по домам. Торбьерн продал свои поместья и купил корабль, который стоял в устье Храунхейвена. Тридцать человек сопровождали его в путешествии. Там были Орм из Арнарстапи и его жена, а также те друзья Торбьерна, которые не желали расставаться с ним. После этого они вышли в море. Когда они отправились в путь, погода была прекрасной, но когда они вышли в океан, поднялся попутный бриз, и они попали в сильный шторм, и в течение лета продвигались медленно. Затем на их отряд напала чума, и Орм, и Халльдис, его жена, и половина из них умерли. Уровень моря начал подниматься, и они подверглись сильному истощению и страданиям во многих отношениях, но все же достигли Своего Совершеннолетия в Гренландии как раз к началу зимы. Теперь в Херьюлфснесе жил человек по имени Торкель. Он был хорошим человеком и крупным землевладельцем. Он приютил Торбьерна и всю его команду на зиму. Торкель щедро развлекал их. Торбьерн и вся его команда были вполне довольны.

§5. ГУДРИД И СИВИЛЛА

Перевод из "Саги об Эрике Рыжем", сверенный с книгой Хаука. Выделенные курсивом отрывки встречаются только в книге Хаука.

В это время в Гренландии был сильный голод; те мужчины, которые отправились на рыбалку, получили лишь небольшой улов, а некоторые не вернулись. В поселении жила женщина по имени Торбьерг; она была пророчицей, и ее называли маленькой сивиллой. У нее было девять сестер, все они были одарены пророчеством, но в живых осталась только она. Торбьерг привыкла посещать банкеты зимой, и ее особенно приглашали те, кто интересовался их судьбой или перспективами сезона. И поскольку Торкель был там главным землевладельцем, он решил обратиться к ней, чтобы узнать, когда прекратятся эти угнетавшие их времена дефицита. Торкель пригласил пророчицу к себе домой, где ей был приготовлен хороший прием, как это было принято, когда принимали женщин такого сорта. Для нее был приготовлен трон, а под ним постелена подушка, в которой лежали куриные перья. И вот, когда она пришла вечером с

человеком, которого послали за ней, она была одета следующим образом: на ней была голубая накидка, по подолу усыпанная камнями; на шее у нее были стеклянные четки, на голове — черный капюшон из овечьей шкуры, подбитый белой кошачьей шкурой, а в руке она держала посох с набалдашником; он был украшен медью и усыпан камнями с набалдашника; на талии у нее был пояс амаду, на котором висела большая кожаная сумка, в которой она хранила те амулеты, которые ей нравились. Она нуждалась в этом для своего искусства. На ногах у нее были мохнатые туфли из телячьей кожи, ремешки которых были длинными и прочными на вид, а на концах были большие латинские пуговицы. На руках у нее были перчатки из кошачьей кожи, белые изнутри и пушистые.

Теперь, когда она входила, каждый считал нужным вежливо приветствовать ее, и она принимала их в соответствии с тем, насколько они были ей приятны. Оруженосец Торкель взял мудрую женщину за руку и подвел ее к трону, который был приготовлен для нее. Затем Торкель попросил ее пробежаться глазами по дому, стаду и самому дому. Она мало говорила обо всем этом. Вечером принесли стол, и в этот момент нужно было рассказать, какая еда была приготовлена для пророчицы. Для нее была приготовлена каша из козлятины, а в пищу ей были предоставлены сердца всех живых существ, какие только можно было достать; у нее были медная ложка и нож с ручкой из слоновой кости, окованной медью, и отломанным концом. Но когда со стола было убрано, сквайр Торкель подошел к Торбьерг и спросил, что она думает о доме, или о поведении мужчин, или как скоро ей станут известны те вещи, о которых он спрашивал, и которые мужчины хотели знать. Она сказала ему, что не скажет раньше следующего утра, когда впервые проспит ночь.

Но на следующий день, ближе к вечеру, были сделаны необходимые приготовления для того, чтобы она произнесла заклинание. Она попросила, чтобы для нее нашли таких женщин, которые были обучены знаниям, необходимым для заклинания, и назывались "вардлоккур". [16] Но таких женщин найдено не было, после чего в доме был произведен обыск, чтобы выяснить, не знает ли кто-нибудь об этих вещах. Тогда Гудрид сказала: 'Я не искусна в магии и не мудрая женщина, но Халльдис, моя приемная мать, научила меня в Исландии этому искусству, которое она назвала "вардлоккур"'. 'Тогда ты мудрее, чем я думал', - ответил Торбьерг. 'Это своего рода предание и практика,' сказала Гудрид, 'которые я никоим образом не намерена распространять, поскольку я христианка'. 'Возможно, - сказал Торбьерг, - что ты станешь полезной для компании в этом деле, но при этом будешь не хуже прежней женщины; однако я предоставляю Торкелю доставать то, что мне необходимо'. На это Торкель уговаривал Гудрид, пока она не сказала, что сделает так, как он хочет.

Затем женщины окружили помост, а Турбьерг сел на его вершину; Гудрид спела песню так красиво и складно, что те, кто был рядом, подумали, что никто не слышал песни, исполненной более красивым голосом. Пророчица поблагодарила ее за песню и сказала, что она привела туда много духов, которые сочли восхитительным слушать пение, *поскольку оно было так хорошо исполнено*, 'которые раньше хотели держаться в стороне от нас и не оказывать нам никакой помощи; и теперь мне ясно многое из того, что раньше было скрыто от меня и других. Теперь я могу сказать, что этот голод не продлится дольше, *чем эта зима*, и что с приходом весны сезон улучшится: болезнь, которая так долго угнетала вас, пройдет быстрее, чем можно было надеяться. Но тебя, Гудрид, я немедленно вознагражу за помощь, которую получил от тебя, ибо теперь твоя судьба мне совершенно ясна. Ты сделаешь самую выдающуюся партию здесь, в Гренландии, которая открыта для тебя, хотя это не продлится долго, ибо твой путь лежит

в Исландию, где от тебя произойдет великое происхождение и добро, и над ветвями твоего рода будут сиять яркие лучи. Но теперь прощай и процветай, дочь моя".

После этого люди подошли к мудрой женщине, и каждый спросил о том, что ему было больше всего интересно узнать, и она была щедра на информацию, и то, что она рассказала, оказалось правдой. Затем за ней послали из других домов, и она отправилась туда. Затем они послали за Торбьерном, потому что его не было в доме, пока совершались такие языческие обряды. Погода быстро улучшилась с приходом весны, как и сказал Торбьерг. Торбьерн подготовил свой корабль и плыл до тех пор, пока не прибыл в Браттахлид. Эрик принял его с распростертыми объятиями и сказал, что он правильно сделал, что приехал туда. Торбьерн и его семья провели зиму у него, *но всю команду они поселили у фермеров*. Позже, весной, Эрик подарил Торбьерну землю в Стокканессе, и там был построен прекрасный дом, в котором он жил с тех пор.

§6. ЛЕЙФ ЕДЕТ В НОРВЕГИЮ

Из Саги об Эрике Рыжем, сопоставленной с книгой Хаука.

В то время у Эрика была жена по имени Тьодхильд, а от нее двое сыновей, одного звали Торстейн, а другого Лейф. Они оба были вероятными мужчинами. Торстейн жил дома со своими родителями, и ни один мужчина в Гренландии не считался таким многообещающим, как он. Лейф отплыл в Норвегию и был с королем Олавом Трюггвасоном. Но когда летом Лейф отплыл из Гренландии, штормы загнали их на Гебридские острова. Прошло много времени, прежде чем у них появился оттуда попутный ветер, и они надолго задержались там летом. Лейфа там привлекла женщина по имени Торгунна. [17] Она была женщиной из хорошей семьи, и у Лейфа сложилось мнение, что она была одарена сверхъестественными знаниями. Теперь, когда Лейф собрался уходить, Торгунна попросила разрешения пойти с ним. Лейф спросил, получит ли это одобрение ее родни. Она сказала, что на этот счет ей все равно. Лейф ответил, что он не мог увезти леди такого высокого происхождения в неизвестную страну, особенно учитывая, какими малыми силами он располагает. 'Не уверен, что тот путь, который тебе нравится, наилучший', - сказала Торгунна. 'Я должна рискнуть', - сказал Лейф. 'Тогда я говорю тебе,' сказала Торгунна, 'что я не буду страдать одна. Я жду ребенка, и я говорю, что ребенок твой. Я пророчествую, что когда родится ребенок, это будет мальчик. И хотя ты не обратишь на это никакого внимания, я все же воспитаю мальчика и отправлю его в Гренландию, как только он сможет отправиться с другими мужчинами. И я пророчествую, что обладание этим сыном обернется такой радостью, какая подобает нашему расставанию. И я намерен сам приехать в Гренландию до конца.' Лейф подарил ей золотое кольцо, плащ из гренландской домотканой ткани и пояс из слоновой кости (моржа). Этот мальчик приехал в Гренландию и был назван Торгильсом. Лейф признал отцовство; некоторые люди говорят, что этот Торгильс приехал в Исландию летом чуда Фроды. Но, так или иначе, Торгильс попал в Гренландию, где до последнего считалось, что в нем есть что-то сверхъестественное.

Лейф и его люди отплыли с Гебридских островов и достигли Норвегии осенью. Лейф присоединился ко двору короля Олафа Трюгвасона. Король относился к нему с почетом, очевидно, признавая, что он, должно быть, человек хорошего воспитания.

Однажды король заговорил с Листом и спросил: 'Ты собираешься отправиться в Гренландию этим летом?' 'Да, - сказал Лист, ' с твоего согласия'. 'Я думаю, будет хорошо, - ответил король, - если ты отправишься с моей миссией и будешь проповедовать христианство в Гренландии'. Лейф сказал, что рассмотрит это, но добавил, что, по его мнению, такая миссия будет иметь трудную задачу в Гренландии. Король, однако, сказал, что не знает человека, более подходящего для этого, чем он, добавив: 'Ты принесешь ему удачу'. "Если так, то удача будет исходить исключительно от тебя", - сказал Лейф. [18]

Лейф высадился в Эриксфьорде, а затем отправился домой, в Браттахлид, где его хорошо приняли. Вскоре он начал проповедовать о христианстве страны и католической вере, опубликовал послание короля Олафа Трюгвасона и рассказал, какая великая слава и сокровище сопутствовали этому вероучению. Эрик не спешил отказываться от своей религии, но Тьодхильд вскоре удалось склонить на свою сторону, и она приказала построить церковь, хотя и не в непосредственной близости от домов, которая называлась церковью Тьодхильд: там она и ее собратья-новообращенные, которых было много, обычно возносили свои молитвы. Йодхильд не захотела жить с Эриком после своего обращения, и он принял это очень близко к сердцу.

Примечание. *Торгунна и чудо Фроды*. Из упоминания о чуде Фроды становится ясно, что это, должно быть, та самая Торгунна, которая упоминается в "Саге об Эйрбиггья" ("Женщина-беспризорница" Р. Л. Стивенсона). С другой стороны, ни хронология, ни описание Торгунны не могут быть согласованы в двух сагах. Согласно Эйрбиггья (глава ii). 50) Торгунна приехала в Исландию летом, когда христианство было официально установлено (1000 г. н.э.), и чудо Фроды, связанное с ее смертью, последовало сразу после этого; Следовательно, Торгильс, ее сын, не мог приехать в Исландию в это время, если только он не сопровождал ее в младенчестве, а об этом не утверждается. Опять же, хотя "Сага об Эйрбигдже" сходится в описании Торгунны как гебридки и утверждает, что у нее были с собой ценные платья и другое имущество, в ней приводится следующий отчет о ее внешности, который не наводит на мысль о первой жертве ранней страсти Лейфа: 'Торгунна была женщиной огромного роста, широкоплечей, высокой и очень толстой, смуглой, с близко посаженными глазами, с копной каштановых волос; большинство мужчин считали, что ей можно было бы дать лет шестьдесят'. Слова из Саги Эрика, 'некоторые люди говорят', предполагают, что существовали различные версии этого вопроса. Поскольку вся история о чуде Фроды, очевидно, невероятна, вполне может быть некоторая неточность в отношении даты ее прибытия в Исландию, что на самом деле является всем, что требуется для согласования двух историй.

§7. ЛЕЙФ ОТКРЫВАЕТ ДЛЯ СЕБЯ ВАЙНЛЕНД

Из книги Флэтли.

Теперь следующее зафиксированное событие (после смерти Олафа Трюгвасона, сентябрь 1000 г.) - это то, что Бьярни Херьюльфсон перешел из Гренландии к графу Эрику (который стал правителем значительной части Норвегии после смерти Олафа), и граф оказал ему хороший

прием. Бьярни рассказал историю своего путешествия, когда он увидел (странные) земли, но люди подумали, что ему не хватало любопытства, поскольку ему нечего было сообщить об этих странах, и на этот счет ему нашли какую-то вину. Бьярни был назначен офицером графского двора, но следующим летом он отправился в Гренландию.

Теперь было много разговоров об исследованиях. Лейф, сын Эрика Рыжего из Браттахлида, отправился к Бьярни Херьюльфсону, купил у него корабль и нанял команду из тридцати пяти человек. Лейф попросил своего отца Эрика по-прежнему возглавлять экспедицию. [19] Эрик извинился, сказав, что теперь он старик и менее приспособлен переносить все тяготы, чем раньше. Лейф сказал, что он по-прежнему тот член семьи, который принесет наибольшую удачу; после этого Эрик уступил место Лейфу, и как только они были готовы к этому, он выехал из дома и оказался на небольшом расстоянии от корабля. Лошадь, на которой ехал Эрик, споткнулась, и он упал, повредив ногу. Тогда Эрик сказал: 'Мне не суждено открыть больше стран, чем эта, в которой мы сейчас обосновались, и мы не должны больше терпеть общество друг друга'. Итак, Эрик отправился домой, в Браттахлид, а Лейф поднялся на борт со своими товарищами, тридцатью пятью мужчинами. В экспедиции был южанин (немец) по имени Тюркер.

Теперь они подготовили свой корабль, и когда они были готовы, они вышли в море, и они первыми нашли страну, которую Бьярни нашел последней. Там они подплыли к суше и, бросив якорь и спустив лодку, вышли на берег и не увидели там травы. Фоном служили сплошные ледники, и вся промежуточная суша от моря до ледников была похожа на одну плоскую скалу, и страна казалась им лишенной ценности. Тогда Лейф сказал: 'Мы не преминули приземлиться, как Бьярни; теперь я дам этой стране имя и назову ее Хеллуланд (земля плоского камня)'. После этого они вернулись на борт, после чего вышли в море и обнаружили вторую землю. Они снова подплыли к земле и бросили якорь, затем спустили лодку и сошли на берег. Эта земля была низменной и поросшей лесом, и куда бы они ни пошли, везде были широкие полосы белого песка, а склон от моря не был крутым. Затем Лейф сказал: 'Этой земле будет дано название по ее ресурсам, и она будет называться Марклэнд (лесная страна)', после чего они вернулись на корабль как можно быстрее. И после этого они плыли в открытом море с северо-восточным ветром и вышли за два дня до того, как увидели землю, к которой плыли, и, подойдя к острову, который лежал к северу от материка, они высадились на нем, погода была хорошая, и огляделись; и они увидели, что на траве была роса, и случилось так, что они опустили руки в росу и поднесли ее ко рту, и подумали, что никогда не пробовали ничего более сладкого, чем это. Затем они вернулись на корабль и, войдя в пролив, который лежал между островом и мысом, идущим на север от материка, взяли курс на запад, минуя мыс. Во время отлива там было очень мелко, так что их корабль сел на мель, и вскоре от корабля до моря было далеко. Но им так не терпелось добраться до суши, что они не стали ждать, пока подих кораблем поднимется прилив, а поспешили на берег, где река вытекала из озера; но когда море поднялось под их кораблем, они взяли лодку и поплыли к кораблю, и повели ее вверх по реке, а затем в озеро, где бросили якорь, и, вытащив на берег свои кожаные сумки с вещами, соорудили укрытия, но позже, решив провести там зиму, построили большие дома.

Ни в реке, ни в озере не было недостатка в лососе, и лосось был крупнее, чем они видели раньше; удобства местности, как им казалось, были таковы, что зимой скоту не требовался корм; зимой не было заморозков, и трава там не сильно вяла. День и ночь там были разделены

более равномерно, чем в Гренландии или Исландии: в самый короткий день солнце поднималось над (исландскими) отметками как во время обеда, так и во время завтрака. [20]

Теперь, когда они закончили строить свои дома, Лейф сказал своим людям: 'Теперь я разделю наш отряд на две части и исследую местность: и одна половина останется дома в лагере, в то время как другая исследует местность, не заходя дальше, чем они смогут вернуться к вечеру, и не разделяясь'. И вот какое-то время они так и делали, иногда Лейф отправлялся с исследователями, а иногда оставался дома в лагере. Лейф был крупным, сильным мужчиной, внешне самым красивым из мужчин и умным; на самом деле он был во всех отношениях превосходным командиром.

Однажды вечером случилось так, что пропал человек из их отряда, и это был южанин Тайкер. Лейф был очень огорчен этим, потому что Тайкер долго прожил со своим отцом и им самим и очень любил Лейфа в детстве; так что теперь Лейф, обнаружив большую ошибку в своих людях, приготовился искать его, взяв с собой дюжину человек. Но когда они немного отошли от лагеря, им навстречу вышел Тайкер, и его встретили с радостью. Лейф сразу увидел, что его приемный отец в хорошем настроении.

У Тайкера был выступающий лоб и очень маленькое лицо с бегающими глазами; он был маленьким и незначительным человеком, но умел выполнять любую случайную работу.

Тогда Лейф сказал ему: 'Почему ты так опоздал, мой приемный отец, и почему ты отделился от своих товарищей?' Тюркер при этом долго говорил по-немецки, закатывая глаза и гримасничая, но остальные не разобрали, что он говорил. Но чуть позже он сказал по-норвежски: 'Я не продвинулся намного дальше тебя, (но) Я нашел кое-что свежее, о чем могу сообщить. Я нашел виноградные лозы'. 'Это правда, приемный отец?' спросил Лейф. "Конечно, это правда, - ответил он, - потому что я родился там, где не было недостатка в виноградных лозах".

В ту ночь они спали, но утром Лейф сказал своей команде: 'Теперь мы сделаем две вещи, выделив для каждой отдельные дни; мы будем собирать виноград, рубить лозы и валить древесину, чтобы сделать груз для моего корабля', - и это предложение было принято. История гласит, что их катер был полон винограда. Итак, был заготовлен груз для корабля, и весной они приготовились и отплыли, и Лейф дал стране название в соответствии с ее ресурсами и назвал ее Вайнленд.

После этого они вышли в море, и ветер был попутный, пока они не увидели Гренландию и горы под ее ледниками. Затем заговорил какой-то человек и спросил Лейфа: 'Почему ты так сильно ведешь корабль против ветра?' 'Я обращаю внимание на свое рулевое управление, ' ответил Лейф, ' но также и на кое-что еще: что вы видите странного?' Они сказали, что не увидели ничего примечательного. 'Я не знаю, - сказал Лейф, - корабль ли это или риф, который я вижу'. Потом они увидели это, и сказали, что это риф. Но Лейф был более дальнзорким, чем они, так что он увидел людей на рифе. 'Теперь, ' сказал Лейф, - я хочу, чтобы мы подняли ветер, чтобы добраться до них, если им понадобится наша помощь, а это необходимо, и если они не настроены миролюбиво, мы хозяева ситуации, а они нет'. И они подошли к рифу, и спустили парус, и бросили якорь, и спустили на воду вторую шлюпку, которая была у них с собой. Затем Тайкер спросил, кто был капитаном (потерпевшей кораблекрушение группы). 'Его зовут Тори', - последовал ответ, - "и он норвежец, но как тебя зовут?' Лист назвал свое имя. ' Ты сын Эрика

Рыжего из Браттахлида? ' спросила Тори. Лист согласился. - А теперь, - сказал Лейф, - я возьму вас всех на борт своего корабля столько ваших вещей, сколько корабль сможет вместить. Они согласились на эти условия, а затем отплыли с этим грузом в Эриксфьорд, пока не прибыли в Браттахлид, где разгрузили корабль. После этого Лейф пригласил Тори и Гудрид, свою жену, и еще троих мужчин погостить у него, и обеспечил жильем остальные команды, как для людей Тори, так и для своей собственной. Лейф взял с рифа пятнадцать человек; впоследствии его прозвали Лейф счастливчик. Так Лейф обрел и богатство, и почести. Той зимой народ Тори сильно заболел, и Тори и большая часть его команды умерли. [21]

§8. ПУТЕШЕСТВИЕ И СМЕРТЬ ТОРВАЛЬДА

Перевод из книги Флэтей.

Теперь было много разговоров об экспедиции Лейфа в Вайнленд, и Торвальд, его брат, считал, что исследование страны было ограничено слишком узкой территорией. И Лейв сказал Торвальду: 'Если хочешь, брат, ты отправишься в Вайнленд на моем корабле; но я хочу, чтобы корабль сначала отправился за дровами, которые Тори запасла на рифе'. Так и было сделано. После этого Торвальд приготовился к этой экспедиции, взяв с собой тридцать человек по совету Лейфа, своего брата. После этого они подготовили свой корабль и вышли в море, и нет никаких сообщений об их путешествии до того, как они прибыли в Вайнленд, в лагерь Лейфа. Там они поставили свой корабль на якорь и всю зиму молчали, ловя рыбусебе в пищу. Но весной Торвальд велел им готовить свой корабль и приказал корабельному катеру с частью команды отправиться на запад страны и исследовать ее в течение лета. Это показалось им прекрасной лесистой местностью, деревья подступали вплотную к морю, и там были белые пески. Там было много островов и много отмелей. Они не нашли никаких следов ни людей, ни животных, за исключением того, что на острове к западу они нашли деревянный сарай. [22] Не найдя больше никаких человеческих творений, они вернулись и осенью пришли в лагерь Лейфа. Но следующим летом Торвальд поплыл на восток на своем торговом корабле вдоль более северной части страны; затем у мыса поднялся сильный шторм, так что их выбросило на берег, сломав киль под их кораблем; поэтому они надолго задержались там, чтобы отремонтировать свое судно. Тогда Торвальд сказал своим товарищам: 'Теперь я хочу, чтобы мы подняли киль здесь, на мысе, и назвали его Килнессом', - и они так и сделали. После этого они отплыли оттуда и направились на восток вдоль побережья, к ближайшему устью фьорда и к выступающему там мысу: он весь был покрыт лесом. Затем они пришвартовали свой корабль и спустили трап на сушу, и там Торвальд сошел на берег со всей своей командой. Затем он заметил: 'Это прекрасное место, где я хотел бы поселиться'. После этого они вернулись на корабль и увидели на песке внутри мыса три глыбы, а приблизившись, увидели три каноэ из кожи, в каждом из которых находилось по три человека. После этого они разделили свой отряд и схватили их всех, кроме одного, который спасся на своем каноэ. Они убили восьмерых, а после этого вернулись на мыс, когда увидели внутри фьорда несколько курганов, которые приняли за жилища. После этого на них навалилась такая великая тяжесть, что они не могли бодрствовать, и все они заснули. Затем над ними раздался крик, так что все они проснулись, и крик этот был: 'Просыпайся, Торвальд, и вся твоя компания, если тебе дорога твоя жизнь; возвращайся на свой корабль со всеми своими людьми и как можно скорее покидай землю'. При этих словах из глубины фьорда выплыло бесчисленное множество кожаных каноэ, которые направились к ним.

Поэтому Торвальд сказал: 'Мы должны выставить боевые щиты за борт и защищаться так хорошо, как только можем, но при этом не переходить в наступление'. Так они и сделали, но дикари, [23] постреляв в них некоторое время, затем убежали, каждый так быстро, как только мог. Затем Торвальд спросил своих людей, были ли они вообще ранены; они ответили, что потерь нет. 'У меня рана под мышкой,' сказал он. 'стрела пролетела между планширем и щитом у меня под мышкой, и вот она, и это будет моя смерть. Теперь мой совет вам - приготовьтесь уйти как можно быстрее, после того как перенесли меня на тот мыс, который я считал лучшим местом для проживания: возможно, мне действительно пришло в голову, что я должен остаться там на некоторое время. Похороните меня там с крестом у моей головы и у моих ног, и отныне и навсегда называйте это Кросснессом'. Тогда Гренландия была обращена, хотя Эрик Рыжий умер до обращения.

Теперь Торвальд умер, но они выполнили все его указания, после чего отправились и встретились со своими товарищами, и рассказали друг другу все, что знали, и остались там на ту зиму, собирая виноград и лозы для своего корабля. Затем весной они приготовились вернуться в Гренландию и прибыли на своем корабле в Эриксфьорд, чтобы сообщить Лейфу отличные новости.

Примечание. "*Деревянный сарай*". (*Kornhjálmt af tre*). Это единственный прямой или косвенный намек на кукурузу, который встречается в версии книги Флэтея. Это часто упоминается как один из абсурдов, влияющих на достоверность этой части истории. Но мне не кажется, что это имеет какую-либо необходимую или вероятную связь с дикой кукурузой из "Саги об Эрике". 'Самосевная пшеница' никогда не упоминается историком Книги Флэтея; в отличие от дикого винограда, он, похоже, не слышал об этой особенности. Следовательно, невозможно предположить, что амбар - это вымышленный объект, созданный для того, чтобы приукрасить сообщения о дикой кукурузе. Он зарегистрирован просто как единственный след человеческой деятельности, обнаруженный во время исследования, проведенного на катере корабля. И само его несоответствие неводеланным культурам, о которых нам рассказывают в конкурирующей версии, кажется мне убедительным доказательством его подлинности. Как и вся эта часть истории, она слишком бесцельна, чтобы ее выдумывать. В связи с этим нам не нужно воображать, что это действительно был сарай. Хранение индийской кукурузы в Новой Англии, по мнению первых наблюдателей, по большей части происходило в ямах в земле, и остров, удаленный от человеческого жилья, представляется крайне маловероятной ситуацией.

С другой стороны, в "Ньюе Верельт" Де Лаэта сообщается, что Хадсон видел 'дом, хорошо построенный из дубовой коры и круглой формы, так что казалось, что он хорошо построен, с арочной крышей. В нем было большое количество маиса или индийской кукурузы и бобов прошлогоднего урожая, и их лежало рядом с домом для просушки столько, что хватило бы загрузить три корабля.' (Хадсон Мореплаватель, Общество Хаклуит, стр. 161).

Но вполне может быть и другая интерпретация. 'Hjálmt' в своем первоначальном значении - это конический шлем, затем стог или кран аналогичной формы и, наконец, здание, используемое для укрытия такого стога кукурузы. Мне приходят в голову два возможных объяснения. Первое заключается в том, что то, что было замечено и о чем первоначально сообщалось, представляло собой сооружение из жердей и коры конической формы, и что исследователи, будучи в то время незнакомыми с архитектурой дикарей, предположили, что оно предназначалось для покрытия кукурузного стога, который по форме оно

напоминало. В качестве альтернативы, возможно, что первоначально ссылка была исключительно на его форму, а не на назначение, и что в первом отчете упоминался конический 'штабель' шестов. В любом случае то, что было видно на самом деле, вполне могло быть заброшенным вигвамом из жердей и коры, какие микмаки и другие индейцы строят в наши дни. В самых ранних записях описываются подобные жилища, в то время как в некоторых случаях те, что наблюдал Шамплейн, по-видимому, имели наверху примерно куполообразную форму; это, как покажет взгляд на те, что изображены на схематических картах этого автора, придаст им еще более точную форму копны сена или кукурузы. Мне кажется, что знание дикой кукурузы, упомянутое в "Саге об Эрике" и Адамом Бременским, само по себе отвлекло умы предыдущих комментаторов от этого наиболее вероятного объяснения.

§9. НЕУДАЧНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ ТОРСТЕЙНА

Перевод из книги Флэтей.

Тем временем в Гренландии случилось так, что Торстейн из Эриксфьорда взял в жены дочь Торбьерна Гудрид, которая, как уже упоминалось, была женой Тори Истмена. Теперь Торстейн Эриксон пожелал отправиться в Вайнленд за телом Торвальда, своего брата, поэтому он приготовил тот же корабль, подобрав команду по силе и размерам; и с двадцатью пятью мужчинами и Гудрид, своей женой, они вышли в море, когда были готовы, и потеряли землю из виду. Все лето они скитались по открытому пространству и не знали, куда попали, а в первую неделю зимы высадились в Люсефьорде в Гренландии, в Западном Поселении.

Торстейн искал жилье для вечеринки и нашел его для всей своей команды, но у него и его жены не было дома. Поэтому они остались на корабле примерно на две ночи. Христианство тогда еще было в новинку в Гренландии. Однажды ранним утром к их палатке пришли какие-то люди. Итак, эти люди, которые были там, спросили, что за люди были в палатке. Торстейн ответил: "Два человека, - сказал он, - но кто ты такой, кто спрашивает?" "Меня зовут Торстейн, - (сказал один из мужчин), - и меня зовут Торстейн Черный, но мое поручение здесь - пригласить вас обоих поселиться у меня". Торстейн сказал, что хотел бы посоветоваться со своей женой, но она велела ему самому решать, после чего он согласился. 'Тогда, ' сказал мужчина, - я приеду за вами завтра с ломовой лошастью, потому что у меня достаточно места, чтобы вместить вас; но оставаться со мной очень скучно, потому что нас только двое, моя жена и я, а я очень упрям по характеру. Я придерживаюсь иной веры, чем вы, хотя и считаю ту, которой придерживаетесь вы, высшей.' И вот утром он приехал за ними на лошади, и они поселились у Торстейна Черного, и он хорошо с ними обращался. Гудрид была женщиной с поразительной внешностью и умной женщиной, которая умела хорошо ладить с незнакомцами. В начале зимы на отряд Торстейна Эриксона напала чума, и многие из его товарищей там умерли. Торстейн приказал изготовить гробы для тел тех, кто умер, и распорядился, чтобы их отнесли на корабль и позаботились о них, 'потому что, ' сказал он, 'я хочу летом перевезти все тела в Эриксфьорд'. Теперь, спустя короткий промежуток времени, чума напала на дом Торстейна, и его жена, которую звали Гримхильд, заболела первой. Она была очень энергичной и сильной, как мужчина, но чума взяла над ней верх, и вскоре после этого Торстейн Эриксон заразился чумой, и они оба слегли в одно и то же время: и Гримхильд, жена Торстейна Черного, умерла. Когда она умерла, Торстейн

(Черный) вышел из комнаты за доской, чтобы положить тело. Тогда Гудрид заговорила: 'Не задерживайся надолго, мой Торстейн', - сказала она. Он сказал, что все должно быть так, как она пожелает. Тогда Торстейн Эриксон сказал: "С нашей хозяйкой сейчас творятся удивительные вещи, потому что она приподнимается на локтях, спускает ноги со скамейки и нащупывает свои туфли'. И с этими словами вошел Торстейн, хозяин заведения, после чего Гримхильд улеглась, и все балки в комнате заскрипели. Теперь Торстейн сделал гроб для тела Гримхильд, унес его и занялся приготовлениями. Он был крупным мужчиной и сильным, но ему нужно было все это, прежде чем он вытащит ее из дома. Теперь болезнь Торстейна Эриксона обострилась, и он умер. Гудрид, его жена, едва ли осознала это. В тот момент они все были в комнате. Гудрид села на стул перед скамьей, на которую положили Торстейна, ее мужа. Тогда Торстейн, хозяин дома, взял Гудрид со стула на руки и усадил на другую скамью рядом с ней напротив трупа Торстейна, и много говорил с ней об этом, и утешал ее, пообещав ей, что поедет с ней в Эриксфьорд за телами Торстейна, ее мужа, и его товарищей, и сказал: "Я также найму здесь больше слуг, чтобы утешать и развлекать вас'. Она поблагодарила его. Тогда Торстейн Эриксон сел и закричал: 'Где Гудрид?' Он повторил это три раза, но она молчала. Затем она обратилась к Торстейну из дома: "Отвечать мне на его речь или нет?' Он сказал ей не отвечать. Тогда Торстейн из дома пересек комнату и сел на стул, держа Гудрид у себя на коленях, а затем он заговорил, сказав: 'Чего ты хочешь, тезка?' Прошло мгновение, и другой ответил: 'Я горю желанием предсказать Гудрид ее судьбу, чтобы она могла лучше перенести мою смерть, ибо я нашел хорошее место для упокоения. Хочу сказать тебе, Гудрид, вот что: ты выйдешь замуж за исландца, и ваша совместная жизнь будет долгой, и от тебя произойдет великий род мужчин, энергичных, ярких и добрых, сладких и с приятным вкусом. Ты отправишься из Гренландии в Норвегию, а оттуда в Исландию, где построишь дом. Там вы двое проживете долго, и ты переживешь его. Ты поедешь за границу и совершишь паломничество в Рим (букв.: отправишься на юг), а потом вернешься домой, в Исландию, и тогда там будет построена церковь, где ты останешься и примешь обет монахини, и там ты умрешь.' После этого Торстейн откинулся на спинку стула, и его тело было подготовлено и перенесено на корабль. Торстейн из дома тщательно выполнил все, что обещал Гудрид. Весной он продал свою землю и скот и проводил Гудрид на корабль со всем, что у него было; он подготовил корабль и нанял команду, а затем отплыл в Эриксфьорд. Теперь тела были похоронены возле церкви. Гудрид отправилась к Лейфу в Браттахлид, а Торстейн Черный построил дом на Эриксфьорде, где и прожил всю свою жизнь, считаясь самым благородным из людей.

§10. ЭКСПЕДИЦИЯ ТОРФИНА КАРЛСЕФНИ

Перевод текста "Саги об Эрике Рыжем" сверен с текстом книги Хаука. Курсивом выделены отрывки только из книги Хаука.

Был человек по имени *Торд, который жил в Хефде в Хефдастранде. Он женился на Фридгерде, дочери Тори Хайма и Фридгерды, дочери ирландского короля Кьярвала. Торд был сыном Бьерна Бердусмера, сына Торвальда Хригга, сына Аслейка, сына Бьерна Железнобокого, сына Рагнара Косматых Бриджей. У них был сын по имени Снорри: он женился на ТорхильдРайп, дочери Торда Гелли: их сына звали Торд Лошадиная Голова. У Торда Лошадиной Головы был сын по имени Торфин Карлсефни, который жил на севере, в Рейниснесе, в Скагафьорде, как он сейчас называется. Помимо того, что Карлсефни был хорошего происхождения, он был богатым*

человеком. Его мать звали Торунн. Он занимался круизным ремеслом и имел хорошую репутацию моряка.

Однажды летом Карлсефни готовил свой корабль к путешествию в Гренландию. Снорри Торбрандсон из Альптафьорда присоединился к нему, [24] и с ними было сорок человек. Человек по имени Бьярни Гримольфсон из Брейдафьорда и другой по имени Торхолл Гамлисон [25] из Истфьорда тем же летом, что и Карлсефни, подготовили свой корабль к отплытию в Гренландию; у них на борту было сорок человек. Они вышли в море на этих двух кораблях, когда были готовы. Нам не сообщается, как долго они находились в море; достаточно сказать, что оба этих корабля прибыли в Эриксфьорд осенью. Эрик и другие поселенцы поехали на корабли, где начали свободно торговать: шкиперы сказали Гудрид [26], чтобы она угощалась их товарами, но Эрик не отставал в щедрости, поскольку пригласил экипажи обоих кораблей к себе домой в Браттахлид на зиму. Трейдеры приняли это предложение и пошли с Эриком. После этого их вещи были перевезены в дом в Браттахлиде, где не было недостатка в хороших больших хозяйственных постройках для хранения их товаров, и купцы хорошо провели с Эриком зиму.

Но по мере приближения Рождества Эрик стал менее жизнерадостным, чем обычно. Однажды Карлсефни пришел поговорить с Эриком и спросил: 'Что-нибудь случилось, Эрик? Мне кажется, вы стали более молчаливым, чем раньше; вы обращаетесь с нами с величайшей щедростью, и мы обязаны отплатить вам тем, что в наших силах, поэтому расскажите нам, что вас беспокоит.' "Вы были хорошими и обходительными гостями", - ответил Эрик. - "Меня не беспокоит отсутствие реакции с вашей стороны, скорее, я боюсь, что, когда вы уедете куда-нибудь еще, скажут, что вы никогда не проводили Рождество хуже, чем когда вы гостили у Эрика Рыжего в Браттахлиде в Гренландии". " [27] "Этого не будет, - ответил Карлсефни, - у нас на кораблях есть солод, мука и кукуруза, и вы можете взять из этого все, что пожелаете, и устроить настолько прекрасный пир, насколько позволяют ваши представления о гостеприимстве". Эрик принял это предложение, и был приготовлен рождественский пир, который был настолько великолепен, что люди подумали, что вряд ли когда-либо видели такой великолепный пир в бедной стране.

А после Рождества Карлсефни попросил у Эрика руки Гудрид, поскольку ему казалось, что это вопрос под контролем Эрика, и, более того, он считал ее красивой и образованной женщиной. Эрик ответил, сказав, что он, безусловно, примет его предложение, но что она хорошая партия; что вполне вероятно, что она исполнила бы свое предназначение, если бы вышла за него замуж, и что он хорошо слышал о Карлсефни. Итак, затем предложение было передано ей, и она предоставила Эрику решать за нее. И теперь прошло совсем немного времени, прежде чем это предложение было принято, и празднества начались снова, и их свадьба была отпразднована. Зимой в Браттахлиде было очень весело, много играли в шашки и рассказывали истории, а также многое другое, чтобы сделать их пребывание приятным.

[В это время зимой в Браттахлиде было много дискуссий [28] о поисках Вайнленда Доброго, и было сказано, что посетить эту страну было бы выгодно; Карлсефни и Снорри решили заняться поисками Вайнленда, и об этом проекте много говорили, так что получилось, что Карлсефни и Снорри подготовили свой корабль, чтобы отправиться на поиски страны летом. [29] Человек по имени Бьярни и Торхалль, которые уже упоминались, присоединились к экспедиции со своим кораблем и командой, которая сопровождала их. Был человек по имени Торвальд [30] (очевидно, Торвард), который был связан браком с Эриком Рыжим. Он также

пошел с ними, и Торхалль, которого звали Охотник, он долгое время был нанят Эриком в качестве охотника летом, [31] и у него было много дел в ведении. Торхалль был большим, и сильным, и смуглым, и походил на великана: он был довольно стар, с характером, которым трудно управлять, молчалив и, как правило, немногословен, хитер, но груб, и он всегда подталкивал Эрика к худшему. Он мало имел дела с верой с тех пор, как она пришла в Гренландию. Торхалль был довольно непопулярен, но у Эрика уже давно вошло в привычку консультироваться с ним. Он был на корабле с людьми Торвальда, [32] поскольку у него был богатый опыт пребывания в диких странах. У них был корабль, который привел туда Торбьерн, и они присоединились к отряду Карлсефни для участия в экспедиции, и большинство мужчин были гренландцами. Общая численность на борту их кораблей составляла 160 человек. [33] После этого они отплыли к Западному поселению и Медвежьим островам. Они отплыли от Медвежьих островов с северным ветром. Они были в море два дня. Затем они нашли сушу и, высадившись на берег в лодках, обследовали местность и нашли там множество плоских камней, которые были такими большими, что два человека легко могли бы лечь на них подошва к подошве: там водилось много песцов. Они дали этому месту название, назвав его Хеллуланд. Затем они плыли два дня с северным ветром, и изменили свой курс с юга на юго-восток, и тогда перед ними открылась земля, на которой было много леса и много зверей. Там, недалеко от берега, к юго-востоку, лежал остров, на котором они нашли медведя, и они называли его Бьярни (Медвежий остров), но землю, где был лес, они называли Маркланд (лесная местность).

[Затем, по прошествии двух дней, они увидели землю, к которой подплыли. Там был мыс, к которому они и прибыли. [34] Они плыли вдоль побережья, оставив сушу по правому борту: это было пустынное место, и там были длинные пляжи с песком. Они доплыли на веслах до берега и нашли там, на мысе, киль корабля, поэтому они называли это место Килнесс: они дали название и пляжам, назвав их Фурдустрандс (Чудесные пляжи), потому что плыть мимо них было долго. Затем местность стала изрезана бухтами, в одну из которых они направляли корабли.]

Итак, когда Лейф был у короля Олафа Трюгвасона и тот поручил ему проповедовать христианство в Гренландии, король дал ему двух шотландцев, мужчину по имени Хек и женщину Хекью. Король сказал Лейфу использовать этих людей, если ему понадобится скорость, потому что они были быстрее оленей: этих людей Лейф и Эрик предоставили сопровождать Карлсефни. Теперь, когда они проплыли мимо Фурдастрандса, они высадили шотландцев на берег, велев им двигаться вдоль суши на юг, чтобы исследовать ресурсы страны, и вернуться не пройдет и трех дней. Они были одеты в то, что они называли "кьяфаль", [35] которое было сшито с капюшоном сверху и открытым по бокам без рукавов: оно застегивалось между ног, где пуговица и петля скрепляли его вместе: в остальном они были голыми. Тем временем они бросили якорь и стояли там. И когда прошло три дня, они прибежали с земли, и у одного из них в руке была гроздь винограда, в то время как у другого был дикий (букв.: самосеянный [36]) колос пшеницы. Они сказали Карлсефни, что, по их мнению, они обнаружили, что ресурсы страны хороши. Они взяли их на свой корабль и отправились своими путями, пока страна не была изрезана фьордом. Они завели корабли во фьорд. Снаружи был остров, вокруг которого были сильные течения, поэтому они называли его Страумси (остров прилива или течения). На острове было так много птиц [37], что ноги человека едва могли пройти между яйцами. Они держались вдоль фьорда и называли это место Страумсфьорд, и там они сгрузили свои товары с кораблей и приготовились остаться: у них был с собой всевозможный скот, и они исследовали тамошние ресурсы страны. Там были горы, и вид был прекрасный. Они ничего не делали, только исследовали местность. Там было много травы. Они провели там зиму, и зима была суровой, но

они ничего не сделали, чтобы ее обеспечить, и съестных припасов стало мало, а охота и рыболовство пришли в упадок. Затем они отправились на остров в надежде, что это место может принести что-нибудь вроде рыбной ловли. Но на нем можно было добыть мало пищи, хотя их скот там хорошо размножался. После этого они воззвали к Богу, чтобы он послал им чего-нибудь поесть, и их молитва не была услышана так быстро, как они того желали. Торхолл исчез, и люди отправились на его поиски: это продолжалось три дня подряд. На четвертый день Карлсефни и Бьярни нашли Торхалля на скале; он смотрел в воздух вытаращенными глазами, с открытым ртом и расширенными ноздрями, почесывал и щипал себя и что-то декламировал. Они спросили его, зачем он пришел туда. Он сказал, что это не их дело, попросил их не удивляться этому и сказал, что прожил достаточно долго, чтобы они не беспокоились о нем. Они сказали ему, чтобы он шел с ними домой, и он так и сделал. Вскоре после этого появился кит, и они подошли к нему и разделали его, но никто не знал, что это был за кит. Карлсефни прекрасно разбирался в китах, но этого кита он все равно не узнал. Повара сварили этого кита и съели его, но всем от этого стало плохо: тогда подошел Торхалль и сказал: 'Разве Рыжебородый (Тор) не был полезнее вашего Христа? Это моя награда за воспевание Тора, моего покровителя; редко он подводил меня'. Но когда они услышали это, никто из них не захотел воспользоваться едой, и они бросили ее со скал и вверили свое дело Божьей милости: *затем погода улучшилась* и позволила им отправиться в плавание, и с тех пор весной недостатка в провизии не было. Они отправились в Страумсфьорд и добыли припасы в обоих местах, охотясь на материке, а также яйца и ловя рыбу с моря.

Теперь они совещались о своей экспедиции и разделились. Охотник Торхалль хотел отправиться на север через Фердастрандс и мимо Килнесса и таким образом поискать Вайнленд, но Карлсефни пожелал отправиться на юг [и у восточного побережья, считая, что область, лежащая южнее, была больше, и ему показалось лучшим исследовать оба пути. [\[38\]](#) Итак, Торхалль собрался у островов, и для его предприятия было не более девяти человек, остальная часть отряда отправилась с Карлсефни. И однажды, когда Торхолл нес воду на свой корабль, он выпил ее и прочитал этот стих:

Они льстили моему доверчивому слуху

Рассказов о выпивке здесь предостаточно:

Мое проклятие на измученную жаждой землю!

Воин, обученный носить клеймо,

Вместо этого я должен принести ведро,

И склоняю спину у источника:

За то, что ни разу не выпил ни глотка вина

Слетело с моих пересохших губ. [\[39\]](#)

После этого они отправились в путь, и Карлсефни сопровождал их по островам.

Прежде чем они подняли парус, Торхолл прочел стих:

Теперь позвольте судну пропахать основную

Еще раз за Гренландию и наших друзей:

Уходи и оставь напряженного хозяина

Которые восхваляют этот богом забытый берег

Задержаться в пустынной стране,

И варят своих китов в Фур-Дустранде. [40]

После этого они расстались и поплыли на север мимо Фурдаstrandса и Килнесса, желая взять курс на запад; но их встретил шторм и выбросил на берег в Ирландии, где с ними жестоко обращались и они были порабощены. Там Торхолл умер, *согласно отчетам торговцев.*

Карлсефни направился на юг вместе со Снорри, Бьярни и остальными членами их отряда. Они плыли долго, пока не подошли к реке, которая текла с суши через озеро в море: там перед устьем были большие галечные отмели, и они могли войти в реку только во время прилива. Карлсефни и его спутники заплыли в устье реки и назвали это место Хоп.

Они находили там дикие (букв.: самосевные) поля пшеницы везде, где земля была низкой, и виноградные лозы везде, где они исследовали холмы. В каждом ручье было полно рыбы. Они делали ямы там, где суша достигала отметки прилива, и когда прилив спадал, в ямах оказывался палтус. Влесу водилось огромное количество животных всех видов. Они пробыли там две недели, наслаждаясь жизнью, ничего больше не замечая: с ними был их скот.

И однажды рано утром, оглядевшись по сторонам, они увидели девять кожаных каноэ, на которых с шумом, похожим на молотьбу, размахивали шестами, и на них светило солнце. Тогда Карлсефни спросил: 'Что все это значит?' Снорри ответил ему: 'Возможно, это знак мира, так давайте возьмем белый щит и поднимем его в ответ', - и они так и сделали. Затем эти люди поплыли им навстречу и, пораженные увиденным, высадились на берег. Они были *смуглыми* [41] мужчинами и уродливыми, с нечесаными волосами на головах. У них были большие глаза и широкие щеки. Они оставались там некоторое время, выказывая удивление. Затем они поплыли на юг мимо мыса.

Карлсефни и его люди разбили свой лагерь над озером, и некоторые хижины находились недалеко от материка, в то время как другие - недалеко от озера. Так они и остались там той зимой; снега не выпало, и их скот остался на открытом месте, найдя себе собственное пастбище. Но однажды ранним утром в начале весны они увидели флотилию кожаных каноэ, плывущих с юга мимо мыса, их было так много, что море почернело от них, [42] и на каждой лодке размахивали шестами. Карлсефни и его люди подняли свои щиты и начали торговать: (странные) люди особенно хотели купить красную ткань, *в обмен на которую они предлагали шкуры и серые меха.* Они хотели также купить мечи и копья, но Карлсефни и Снорри запретили это. *Дикари раздобыли для темной кожи кусок красной ткани длиной в пядь, который они обвязали вокруг головы.* [43] Так продолжалось некоторое время, но когда ткань начала истончаться, они разрезали ее на такие мелкие кусочки, что они были не больше пальца шириной. Дикари отдали за него столько же, сколько и раньше, или даже больше.

Случилось так, что бык, принадлежавший отряду Карлсефни, выбежал из леса и громко заревел; это привело дикарей в ужас, и они побежали к своим каноэ и поплыли на юг вдоль побережья, и больше их никто не видел три недели подряд. Но когда это время истекло, они увидели огромное количество лодок дикарей, приближающихся с юга подобно стремительному потоку, и на этот раз все шесты были размахиваемыми, и все дикари громко кричали. На это люди Карлсефни взяли красный щит и подняли его в ответ. *Дикари выбежали из своих лодок, и после этого они встретились и сразились; посыпался сильный дождь снарядов; у дикарей тоже были боевые пращи. Карлсефни и Снорри заметили, что дикари подняли на шесте очень большой шар, очень напоминающий овечьё брюхо и темный по цвету, и он слетел с шеста на землю над отрядом, издав ужасный шум при падении. После этого Карлсефни и его отряд охватил сильный страх, так что они не желали ничего, кроме как убраться вверх по течению, ибо они думали, что дикари наступают на них со всех сторон, и не останавливались, пока не добрались до нескольких скал, где оказали решительное сопротивление.*

Вышла Фрейдис и, увидев, что люди Карлсефни отступают, воскликнула: 'Почему такие прекрасные парни, как вы, убегают от этих недостойных людей, которых, я думала, вы могли бы зарезать, как скот?' Теперь если бы у меня было оружие, мне кажется, я сражался бы лучше любого из вас'. Они не обратили внимания на то, что она сказала. Фрейдис хотела последовать за ними, но шла довольно медленно, потому что ей было нехорошо; и все же она пошла за ними в лес, преследуемая дикарями. Она обнаружила перед собой мертвеца, Торбранда Снорресона, в голове которого торчал плоский камень; его меч лежал рядом с ним. Она подняла его и приготовилась защищаться им. Тогда дикари набросились на нее, но она обнажила грудь из-под одежды и ударила по ней мечом; с этими словами дикари испугались и, побежав обратно к своим кораблям, отступили. Люди Карлсефни подошли к ней и похвалили ее мужество. Двое человек из отряда Карлсефни пали, но четверо [44] дикарей, хотя первые были в меньшинстве, погибли. И тогда они вернулись в свои хижины, и перевязали свои раны, и обдумали, что это могли быть за силы, которые напали на них со стороны суши; теперь им казалось, что атакующий отряд состоял исключительно из тех, кто пришел с кораблей, а остальные, должно быть, были иллюзией.

Более того, дикари нашли мертвого человека, а рядом с ним лежал топор. *Один из них взял топор и срубил дерево, а потом это сделали и все остальные, и они подумали, что это сокровище и что оно хорошо рубит. После этого один из них рубанул по камню, и топор сломался, после чего он подумал, что это бесполезно, так как он не упирается в камень, и бросил его.*

Теперь партии Карлсефни казалось, что, хотя эта страна обладает хорошими ресурсами, они все же будут жить в состоянии постоянной войны и тревоги из-за аборигенов. Итак, они приготовились к отъезду, намереваясь вернуться в свою собственную страну. Они направились вдоль берега на север и нашли пятерых дикарей в шкурах, спящих у моря; у них были с собой сосуды, в которых находился костный мозг животного, смешанный с кровью. Они пришли к выводу, что эти люди, должно быть, были высланы из страны [45]: они убили их. Позже они обнаружили мыс и множество зверей: мыс имел вид лепешки из навоза, потому что звери лежали там зимой. [46] Теперь они пришли в Страумсфьорд, где было много всего разного.

Некоторые люди говорят, что Бьярни и Фрейдис [47] остались там с сотней человек и дальше не пошли, в то время как Карлсефни и Снорри отправились на юг с сорока людьми, пробыв в Хоп не более двух месяцев и вернувшись тем же летом. [48]

Они рассудили, что те горы, которые были в Хоп, и те, которые они нашли сейчас, были единым целым и, следовательно, находились близко друг к другу, и что расстояние от Страумсфьорда было одинаковым в обоих направлениях. [49] Третью зиму они провели в Страумсфьорде.

В это время мужчины были сильно разделены на партии, что произошло из-за женщин, неженатые мужчины претендовали на жен тех, кто был женат, что вызвало величайший беспорядок. Там первой осенью родился сын Карлсефни, Снорри, и ему было три зимы, когда они уехали. [50]

Отплыв из Вайнленда, они подули под южный ветер и прибыли в Маркленд, где встретили пятерых дикарей, один из которых был бородатым. Там были две женщины и двое детей: люди Карлсефни поймали мальчиков, но остальные сбежали, зарывшись в землю. Но они оставили двух мальчиков при себе и научили их речи, и их окрестили. Они назвали свою мать Ветилльди, а своего отца Уваги. Они говорили, что страной дикарей правили короли, одного из которых звали Авалдамон, а другого Вальдидида. Они говорили, что там не было домов: люди жили в логовищах или пещерах. Они сообщили, что на другой стороне, противоположной их собственной, лежит другая страна, где живут люди, которые носят белые одежды, издают громкие крики, носят шесты и ходят с флагами. Считается, что это был Хвитраманналенд, или Великая Ирландия. И вот они приехали в Гренландию и остались у Эрика Рыжего на зиму.

Затем Бьярни Гримольфсона унесло в Гренландское море, [51] и он попал в море, кишущее тередами, и первое, что они заметили, было то, что корабль под ними был изъеден червями. Итак, они обсудили, какой план следует принять. У них была лодка, покрытая тюленьей смолой. Говорят, что тереда не едят дерево, покрытое тюленьей смолой. Большинство высказалось за предложение укомплектовать лодку таким количеством людей, какое она сможет вместить. Но когда это было проверено, лодка вмещала не более половины экипажа. Затем Бьярни сказал, что экипаж лодки должен быть укомплектован по жребью, а не по званию. Но каждый мужчина, который был там, хотел сесть в лодку, и она не могла взять их всех. По этой причине [52] они согласились на проведение жеребьевки для укомплектования лодки экипажем с корабля. В результате жеребьевки Бьярни получил место в лодке и примерно половину команды вместе с ним. Итак, те, кого выбрали по жребью, перешли с корабля в лодку. Когда они сели в лодку, молодой исландец, который был одним из спутников Бьярни, спросил: 'Ты хочешь, Бьярни, бросить меня здесь?' Бьярни ответил: 'Так оно и вышло'. 'Это не то, что ты обещал мне,' сказал он, - когда я покидал дом моего отца в Исландии, чтобы отправиться с тобой'. 'И все же, - сказал Бьярни, - я не вижу другого выхода из этого затруднительного положения; но ответь мне, какой выход ты советуешь?' 'Я вижу, - сказал он, - что мы меняемся местами, и ты идешь сюда, а я туда'. Бьярни ответил: 'Пусть будет так. Ибо я вижу, что ты жадно цепляешься за жизнь и думаешь, что умирать тяжело'. После этого они поменялись местами. Этот человек спустился в лодку, в то время как Бьярни поднялся на борт корабля, и люди говорят, что Бьярни пропал там,

в море тереда, вместе с теми людьми, которые были с ним на борту. Но лодка и те, кто был на ее борту, плыли своим путем, пока не пристали к берегу, в Дублине в Ирландии, где они впоследствии и рассказали эту историю.

Примечание. *Снорри Торбрандсон приезжает в Гренландию*. "Сага об Эйрбиггье" (гл. 48) упоминает эту эмиграцию Снорри Торбрандсона как событие, произошедшее 'после примирения жителей Эйра и Альптафьорда'. Изобретательность комментаторов в построении трудности хорошо проиллюстрирована в связи с этим отрывком. Глава 49 начинается словами 'вскоре после этого Гизур Белый и Хьялти, его зять, выступили с христианской миссией, и все люди в Исландии были крещены, и христианство было юридически установлено на общих собраниях'. Описанные таким образом события произошли в 1000 году. Следовательно, если считать эмиграцию Снорри Торбрандсона событием, после которого было введено христианство, то расхождение в хронологии очевидно. Ссылка на контекст показывает, однако, что глава 48 завершает раздел саги, посвященный спору между жителями Эйра и Альптафьорда. В соответствии с обычной практикой в подобных случаях следует кратко указать последующую судьбу главных героев. Таким образом, в книге Флэтея эпизод с Вайнлендом завершается последующей карьерой Карлсефни и Гудрид и упоминанием их потомков. Затем книга возвращается к рассмотрению других вопросов, последовавших за смертью Олафа Трюгвасона. Поэтому совершенно нет необходимости рассматривать путешествие Снорри в Гренландию и его приключения в Вайнландии как происходящие сразу после урегулирования вражды, в которой была замешана его семья, в то время как введение христианства является следующим основным эпизодом после ссоры между Эйр и Альптафьордом и не обязательно следует по дате за второстепенными фактами, зафиксированными при завершении этого дела. Далее можно указать, что последовательность двух глав неодинакова во всех рукописях "Саги об Эйрбиггья".

Помимо этого вопроса о хронологическом расхождении, этот отрывок убедительно подтверждает историю Вайнленда, поскольку далее говорится, что 'Снорри отправился в Вайнленд Добрый вместе с Карлсефни; когда они сражались там с дикарями, Торбранд Сноррисон, храбрый из людей, пал там'. В некоторых текстах вместо "Торбранд Сноррисон" читается "Снорри Торбрандсон", но, помимо появления правильного имени в том, что, вероятно, является наиболее надежной рукописью, смысл, по-видимому, требует другого имени, отличного от имени исходного субъекта предложения, в то время как неправильная замена Снорри похожим именем, ранее не упомянутым, является естественной и характерной ошибкой переписчика.

§11. ФРЕЙДИС

Перевод из книги Флэтея.

Теперь снова заговорили о путешествии в Вайнленд, ибо путешествие туда казалось прибыльным и почетным. В то же лето, когда Карлсефни вернулся из Вайнленда, из Норвегии в Гренландию прибыл корабль под командованием двух братьев, Хельги и Финнбоги, и они остались на ту зиму в Гренландии. Эти братья были исландского происхождения из Истфьорда. Теперь история гласит, что Фрейдис, дочь Эрика, совершила путешествие из своего дома в

Гарде и отправилась навестить братьев, Хельги и Финнбоги, и пригласила их отправиться в Вайнленд на их корабле и разделить с ней всю прибыль, которую они могли бы извлечь из этого. Они согласились. От них она пошла и поговорила со своим братом Лейфом, которого попросила отдать ей дома, которые он построил в Вайнленде; но он дал ей тот же ответ, что и раньше, что одолжит дома, но не отдаст их. [53] Так было условлено между братьями [54] и Фрейдис, что каждый должен взять на борт по тридцать бойцов, не считая женщин. Но Фрейдис сразу же нарушила эти условия и взяла с собой еще пятерых человек, которых спрятала, так что братья ничего не узнали об этом до того, как добрались до Вайнленда.

Теперь они вышли в море, договорившись плыть вместе, насколько это практически возможно, и, как оказалось, особой разницы между ними не было, но братья прибыли немного первыми и отнесли свои пожитки в лагерь Лейфа. Но когда Фрейдис прибыла, ее корабль был разгружен, а вещи доставлены в лагерь. Тогда Фрейдис спросила: 'Зачем ты привезла сюда свое имущество?' 'Потому что мы воображали, - сказали они, ' что вся договоренность между нами будет соблюдена'. "Лейв одолжил мне дома, - сказала она, - но не тебя". Тогда Хельги сказал: "Мы, братья, не можем сравниться с тобой в нечестии". Так что они вынесли свое добро и разбили себе лагерь, который расположили подальше от моря, на берегу озера, и основательно обустроились, пока Фрейдис рубила лес для своего корабля.

Теперь, когда наступила зима, братья предложили начать игры, чтобы скоротать время. Так продолжалось некоторое время, пока не возникла ссора, которая привела к разладу между ними, и игры прекратились, и никто не переходил из одного лагеря в другой. Такое положение вещей продолжалось долгое время в течение зимы. И вот однажды рано утром Фрейдис встала с постели и оделась, но ничего не надела на ноги: и случилось так, что выпала сильная роса. Она взяла плащ своего мужа и пошла к дому братьев, к двери: незадолго до этого из дома вышел мужчина и оставил дверь приоткрытой. Она открыла дверь и некоторое время стояла на пороге, ничего не говоря, пока Финнбоги, который лежал дальше всех от двери и который не спал, не спросил: 'Что тебе здесь нужно, Фрейдис?' Она ответила: "Я хочу, чтобы ты встал и вышел со мной, и я хочу поговорить с тобой'. Он сделал, как она просила, и они подошли к бревну, которое лежало под стеной дома, и сели на него. 'Как тебе живется?' спросила она. 'Мне нравится эта страна, ' ответил он, ' но мне не нравится ссора, которая возникла между нами, потому что я не вижу для этого никакой причины'. 'Вот вы говорите правду, - сказала она, - и я придерживаюсь того же мнения, но причина моего приезда сюда, к вам, заключается в том, что я хочу купить корабль, который принадлежит вам, братья, потому что у вас корабль больше, чем у меня, и я хочу уехать отсюда'. 'Я соглашусь на это, - сказал он, ' если тебе это будет угодно'. С этими словами они расстались; она пошла домой, а Финнбоги лег спать. Она забралась в постель со своими замерзшими ногами и разбудила ими Торварда, чтобы он спросил ее, почему она такая холодная и мокрая. Она ответила с большой горячностью: "Я была у братьев, чтобы предложить цену за их корабль, так как хотела купить корабль побольше; но они восприняли это так плохо, что избили меня и жестоко обращались со мной: и ты, несчастный, не отомстишь ни за мой позор, ни за свой собственный; но теперь я понимаю, что я не в Гренландии, и я расстанусь с тобой, если ты не отомстишь за это". И когда он больше не мог выносить ее упреков, он приказал своим людям немедленно встать и взять оружие, и, сделав это, они ушли. в дом братьев, и они вошли к ним, когда они спали, и взяли их, и связали, и вывели каждого человека связанным, и Фрейдис приказала убить каждого, когда он выходил. Теперь все мужчины были убиты, но женщины остались, и никто не хотел их убивать. Тогда

Фрейдис сказала: "Дай мне топор". Так они и сделали, и она убила пятерых женщин, которые были там, и оставила их мертвыми.

Теперь, после этого безобразия, они вернулись в свой лагерь, и Фрейдис, по-видимому, решила, что все устроила идеально: и она сказала своим людям: "Если нам повезет вернуться в Гренландию, я подстрою смерть любого, кто расскажет об этих деяниях; мы скорее должны сказать, что они остались здесь, когда мы уходили".

Ранней весной они подготовили корабль, принадлежавший братьям, и нагрузили его всем добром, которое смогли собрать и которое мог вместить корабль. После этого они вышли в море, совершили быстрое плавание и в начале лета прибыли на своем корабле в Эриксфьорд. Карлсефни был тогда там, готовый выйти в море и ожидающий попутного ветра, и говорят, что ни одно более богатое судно никогда не покидало Гренландию, чем то, которым он командовал.

Теперь Фрейдис отправилась в свой дом, который тем временем оставался в безопасности, и, раздав большие подарки всем своим последователям, потому что она хотела замаять свои злодеяния, она поселилась дома. Но не все были настолько близки, чтобы молчать о своих преступлениях и порочности, чтобы это никуда не просочилось. И вот теперь об этом стало известно ее брату Лейфу, который считал это совершенно нехорошим делом. Затем Лейф схватил трех человек из команды Фрейдис и пытал их до тех пор, пока они не рассказали все обстоятельства, и их истории не совпали друг с другом. 'Я не могу заставить себя,' сказал Лейф, 'относиться к Фрейдис, моей сестре, так, как она того заслуживает, но я могу предсказать им, что их акции никогда не будут стоить дорого'. И в конце концов никто с того времени не думал о них ничего, кроме плохого.

Теперь мы должны вернуться к тому моменту, когда Карлсефни подготовил свой корабль и вышел в море. Он совершил удачный переход и, прибыв в Норвегию целым и невредимым, остался там на зиму и продал свои товары, и он, и его жена были с почетом приняты самыми знатными людьми Норвегии. Но следующей весной он подготовил свой корабль к отплытию в Исландию, и когда он был полностью готов и его корабль ждал попутного ветра у причала, к нему пришел южанин из Бремена в Саксонии и выторговал у Карлсефни его "хуса-снотру". [55] 'Я не продам это', - сказал он. "Я дам тебе за это полмарки золотом", - сказал южанин. Карлсефни счел это хорошей сделкой, и после этого они заключили сделку. Южанин ушел с 'хуса-снотра'; теперь Карлсефни не знал, что это за дерево, но это был 'маусур' из Вайнленда.

Карлсефни вышел в море и приплыл на своем корабле вдоль северной части суши к Скагафьорду, и его корабль был поставлен там на зимовку. Но весной он купил Глаумбейярланд и построил там дом, где провел остаток своей жизни: он был благороднейшим человеком, и от него и его жены Гудрид произошло много людей и хороший род. А когда Карлсефни умер, Гудрид и Снорри, ее сын, родившийся в Вайнленде, взяли на себя управление этим местом. Но когда Снорри женился, Гудрид уехала за границу и совершила паломничество в Рим (букв.: отправилась на юг) и вернулась в дом Снорри, своего сына, у которого к тому времени была построена церковь в Глаумбегахаре. Впоследствии Гудрид стала монахиней и вела жизнь затворницы, и она оставалась там, пока была жива. У Снорри был сын по имени Торгейр, который был отцом Ингвельд, матери епископа Бранда. У Снорри Карлсефнисона была дочь по имени Халльфрид, она была матерью [56] Рунольфа, отца епископа Торлака. У Карлсефни и Гудрид был сын по имени Бьерн; он был отцом Торунн, матери епископа Бьерна. Многие люди произошли от Карлсефни, и он стал благословенным в своих потомках; и Карлсефни наиболее

ясно из всех людей рассказал о происшествиях всех этих путешествий, о которых теперь кое-что рассказано.

ПРИЛОЖЕНИЕ

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ВЕРСИИ И ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ОТРЫВКИ

1. Эрик Рыжий.

Сага об Эйрбигье, глава ii. 24.

На тех же заседаниях семья Торгеста Старого и сыновья Торда Гелли подали в суд на Эрика Рыжего за убийство сыновей Торгеста, которое произошло осенью, когда Эрик отправился за бревнами в Брейдабольстад; и на этих заседаниях присутствовало очень много людей. Ранее у партий было множество последователей. Во время сеансов Эрик готовил корабль к выходу в море в Эриксваге в Оксни: группе Эрика помогали Торбьерн Вифилсон, Сир Убийца, сыновья Торбранда из Альптафьорда и Эйюльф Эсусон из Свиenea; но Сир был единственным сторонником Эрика на сеансах, и он увел из Торгеста всех, кого мог. Затем Сир попросил Снорри Годи не нападать на Эрика после встреч с людьми Торгеста, пообещав Снорри взамен, что он поможет ему в другой раз, если у него возникнут трудности; и из-за этого обещания Снорри потерял интерес к происходящему. Теперь, после сеансов, Торгест и его люди отправились на нескольких кораблях к островам, но Эйюльф Эсусон спрятал корабль Эрика в Димунаваге, где Сир и Турбьерн встретили Эрика: Эйюльф и Сир последовали примеру Арнкеля, вместе сопровождая Эрика в его путешествии вокруг острова Эллида.

В этой экспедиции Эрик Рыжий открыл Гренландию и пробыл там три зимы, после чего отправился в Исландию, где пробыл одну зиму, прежде чем отправиться колонизировать Гренландию, и это было за четырнадцать зим до того, как христианство было официально установлено в Исландии.

Из "Слендингабока" Ари.

Эта земля, которая называется Гренландией, была открыта и колонизирована выходцами из Исландии. Это был человек по имени Эрик Рыжий из Брейдафьорда, который отправился туда из этой страны, и он поселился в месте, которое впоследствии назвали Эриксфьорд: он дал название стране и назвал ее Гренландией; сказав, что тот факт, что у страны хорошее название, привлечет людей путешествовать туда. Они нашли там, как на востоке, так и на западе страны, жилища людей, обломки каноэ и каменные орудия такого рода, по которым можно сказать, что здесь жили те же люди, которые поселились в Вайнленде и которых гренландцы называют 'скрелингами' (дикарями). Теперь, когда он начал колонизировать страну, прошло четырнадцать-пятнадцать зим, прежде чем христианство пришло сюда, в Исландию, согласно тому, что рассказал Торкелю Геллисону в Гренландии тот, кто сам сопровождал Эрика Рыжего.

2. Leif.

Сага об Олафе Трюггвасоне (текст Фриссбока).

Той же зимой Лейф, сын Эрика Рыжего, был у короля Олафа в большой милости и принял христианство. Но тем летом, когда Гизур отправился в Исландию, король Олаф отправил Лейфа в Гренландию проповедовать там христианство. Тем летом он отплыл в Гренландию. Он нашел в море людей на потерпевшем крушение судне, которым помогал. Тогда же он открыл Вайнленд Добрый и осенью прибыл в Гренландию. Он привел туда священника и других священнослужителей, а сам отправился домой к своему отцу Эрику в Браттахлид. Впоследствии люди называли его Лейф Счастливчик. Но Эрик, его отец, сказал, что счет был уравновешен спасением Лейфом команды в море и ввозом лицемера в Гренландию. Это относилось к священнику.

Сага о Крестни (книга Хаука).

Тем летом король Олаф отправился из страны на юг, в Вендландию: тогда же он послал Лейфа Эриксона в Гренландию проповедовать там веру: тогда Лейф нашел Вайнленд Добрый, он нашел также людей на потерпевшем крушение корабле в море, за что его и прозвали Лейфом Удачливым.

Книга Флати, глава 352 (в основной части "Саги об Олафе Трюгвасоне").

Затем король приказал вывести "Длинного Змея" и множество других кораблей, больших и малых. Тем же летом он отправил Гизура и Хьялти в Исландию, как уже было написано. Затем король Олаф отправил Лейфа в Гренландию проповедовать там христианство. Король нанял для него священника и еще нескольких святых людей, чтобы они крестили там людей и учили их истинной вере. Лейф отправился тем летом в Гренландию и вывез в безопасное место команду людей, которые в то время терпели бедствие и лежали на затонувшем судне. В конце того лета он приехал в Гренландию и отправился к своему отцу Эрику погостить в Браттахлид. Впоследствии люди называли его Лейф Счастливчик. Но Эрик, его отец, сказал, что счет был сбалансирован, поскольку Лейф спас команду и подарил людям жизнь, а также привез лицемера в Гренландию. Поэтому он позвал священника. И все же по совету и убеждению Лейфа Эрик и все люди в Гренландии были крещены.

Сага об Эрике Рыжем и Книга Хаука, последняя выделена курсивом.

Лейф вышел в море, когда был готов. Его долго носило по морю, и он наткнулся на земли, о существовании которых раньше и не подозревал. Там были поля дикой (букв.: самосевной) пшеницы и росли виноградные лозы. Были также те деревья, которые называются "месур", и у них было несколько образцов всего этого: *некоторые из деревьев были настолько большими, что их использовали в строительстве домов. Лейф нашел людей на затонувшем судне и забрал их к себе домой, и устроил их всех жильем на зиму. Он проявил в этом величайшую вежливость и мужество, как и во многих других отношениях, с тех пор как он ввел христианство в стране и спас людей, и его всегда после этого звали Лейф Счастливчик.*

Плоская книга.

Когда прошло шестнадцать зим с тех пор, как Эрик Рыжий перебрался жить в Гренландию, Лейф, сын Эрика, отправился из Гренландии в Норвегию: он прибыл в Трондхемосенью, когда

король Олаф Трюгвасон прибыл с севера из Халогаланда (999 г. н.э.). Лейф привел свой корабль в Нидарос и отправился прямо к королю Олаву. Король проповедовал ему веру, как и другим язычникам, которые приходили к нему. Королю было легко справиться с Листом, поэтому он и вся его команда приняли крещение; Лист оставался с королем всю зиму, и его гостеприимно принимали.

3. Путешествие Торвальда.

Книга Хаука: сопроводительный текст здесь сильно перепутан переписчиком.

Карлсефни отправился с одним кораблем на поиски Торхолла Охотника, в то время как основные силы остались позади, и они прошли на север мимо Килнесса, а затем направились к западу от него, имея землю по левому борту. Там не было ничего, кроме безлюдных лесов, почти без открытых мест. И когда они плыли долгое время, река текла из той земли с востока на запад; они вошли в устье реки и легли у ее южного берега. Случилось однажды утром, что Карлсефни и его люди увидели перед собой на открытом месте пятнышко, которое блестело перед ними, и они закричали на него; оно двигалось, и это был одноногий, который метнулся к берегу реки, на берегу которой они лежали. Торвальд, сын Эрика Рыжего, сидел у руля, и одноногий пустил стрелу ему во внутренности. Торвальд вытащил стрелу, восклицая: "У меня на животе жир, мы добрались до хорошей страны, хотя нам вряд ли позволено наслаждаться ею". [57] Вскоре после этого Торвальд умер от этой раны. Затем одноногий бросился прочь, обратно на север. Карлсефни и его люди преследовали его и время от времени видели. Последнее, что они видели, это то, что он бежал к определенному ручью. Затем Карлсефни и его люди повернули назад. Вслед за этим мужчина спел эту маленькую песенку:

Слушай, Карлсефни, пока я пою

Об истинной, но удивительной вещи,

Как тщетно мчался весь твой экипаж,

После одночленного:

Странно было видеть его связанным

Быстро по разбитой земле.

Затем они ушли обратно на север и вообразили, что видят Односкатную Землю. Тогда они больше не стали бы рисковать своим народом.

4. Путешествие Торстейна.

Сага об Эрике Рыжем и Книга Хаука, последняя выделена курсивом.

В то время люди много говорили о поиске тех стран, которые нашел Лейф. Руководителем проекта был Торстейн Эриксон, умный и популярный человек. Эрика также попросили присоединиться, поскольку его удача и дальновидность были высоко оценены. Он долго принимал решение, но не отказался от просьбы своих друзей; [58] так что в конце концов они подготовили корабль, который привел Торбьерн, и укомплектовали его двадцатью людьми, взяв с собой небольшой груз, в основном оружие и провизию. В то утро, когда Эрик уезжал верхом из

своего дома, он взял шкатулку с золотом и серебром, которую спрятал перед тем, как отправиться в путь, но едва тронувшись в путь, он упал с лошади и сломал ребро, а также повредил руку в плечевом суставе, из-за чего вскрикнул. Вследствие этого несчастного случая он велел своей жене забрать деньги, которые он спрятал, считая, что он навлек на себя это наказание, спрятав их. После этого они отплыли из Эриксфьорда в приподнятом настроении, думая о своем проекте самым благоприятным образом. Но их долго швыряло по океану, и они не могли придерживаться желаемого курса. Они увидели Исландию и натолкнулись на птиц из Ирландии. Затем их корабль понесло через океан. Они вернулись осенью, чрезвычайно измученные; они прибыли в Эриксфьорд *в начале зимы. Затем Эрик сказал: "Летом, когда мы выходили из фьорда, нам было веселее, чем сейчас, и все же нам есть за что быть благодарными". Торстейн ответил: "Сейчас самое время вождям придумать какой-нибудь хороший план для всех этих людей, которые сейчас находятся здесь без средств к существованию, и обеспечить их жильем на зиму". Эрик ответил: "Верно говорят, что человек становится мудрым только после случившегося, и наш опыт подтверждает это. Теперь ты поступишь по-своему в этом вопросе."* И поэтому все, у кого не было другого жилья, отправились с отцом и сыном, после чего они отправились домой в Браттахлид, где и провели зиму. [59]

На этом этапе история повествует о том, как Торстейн Эриксон сделал предложение руки Гудрид, дочери Торбьерна. Предложение было принято и ею, и ее отцом, и дело завершилось женитьбой Торстейна на Гудрид, которая состоялась осенью в Браттахлиде. Праздник удался, и на нем присутствовало очень много людей. У Торстейна было поместье в Западном поселении, в районе, известном как Лизефьорд. У человека по имени Торстейн тоже была доля в этом заведении: его жену звали Сигрид. Осенью Торстейн отправился в Лизефьорд, к своему тезке, и Гудрид с ним. Им был оказан хороший прием, и они остались там на зиму. Но с приближением зимы случилось так, что их поместье поразила чума. Там управляющим был человек по имени Гарди, который был непопулярным человеком: он первым заболел и умер. После этого прошло совсем немного времени, прежде чем один человек за другим заболели и умерли. Затем Торстейн Эриксон и Сигрид, жена (другого) Торстейн заболел, и однажды вечером последний захотел выйти во двор, который находился напротив входной двери. Гудрид проводила ее, и они сели лицом к дверям. Затем Сигрид вскрикнула. 'Мы поступили глупо,' сказала Гудрид, 'выйдя без защиты в такую холодную погоду, так что давайте сразу же войдем'. 'Это невозможно', - ответила Сигрид. 'Все воинство мертвых собралось здесь, перед дверями, и там, в толпе, я узнаю Торстейна, твоего мужа, и себя, и это печальное зрелище'. А когда все стихло, она сказала: 'Теперь я не вижу воинства'. Тогда исчез и надсмотрщик, у которого, как сначала показалось Сигрид, в руке был кнут и который сделал вид, что собирается ударить хозяина. После этого они вошли внутрь, и еще до наступления утра Сигрид была мертва, и для ее тела был сделан гроб. И в тот же день мужчины собирались отправиться кататься на веслах, и Торстейн проводил их до пристани, а в сумерках пошел посмотреть, как они ловят рыбу. Затем Торстейн Эриксон попросил своего тезку прийти к нему, сказав, что у них в доме неспокойно, потому что домохозяйка сделала вид, что собирается встать на ноги и залезть под одежду рядом с ним; и когда Торстейн вошел, она подошла к столбику кровати рядом с Эриксоном. Он взял ее за руки и приставил топор к ее груди. Торстейн Эриксон умер на закате. (Его тезка) Торстейн велел Гудрид лечь и поспать, сказав, что он всю ночь будет дежурить над телами. Она сделала, как он сказал, и вскоре заснула, но когда прошла часть ночи, Торстейн Эриксон поднялся и сказал, что хотел бы, чтобы Гудрид позвали туда и что он хотел бы поговорить с ней. "Божья воля

в том, чтобы этот час был дан мне для отпуска и для совершенствования моего совета'. Торстейн пошел к Гудрид и разбудил ее, сказав, чтобы она перекрестилась и помолилась Богу, чтобы он помог ей, и сказал: 'Торстейн Эриксон говорил со мной, сказав, что хочет тебя видеть. Теперь ты должен решить, что делать, потому что я не могу тебе советовать'. Она ответила: 'Возможно, это чудесное событие предназначено для одной из тех вещей, которые вспоминаются впоследствии, но я надеюсь, что Бог позаботится обо мне. С Божьей милостью я рискну поговорить с ним, потому что в такое время я не должен бояться причинить вред самому себе. Я сделаю это, чтобы он не зашел дальше, поскольку подозреваю, что в противном случае это произошло бы.' И тогда Гудрид пошла и увидела Торстейна (своего мужа), и ей показалось, что он заплакал и тихо сказал ей на ухо несколько слов, так что слышала только она одна, и он сказал, что благословенны те, кто хорошо хранил веру, и милосердие и помощь сопровождали их; но он сказал, что многие хранили ее плохо: 'Это нехороший обычай, который преобладает здесь, в Гренландии, с тех пор, как было введено христианство, - класть людей в неосвященную землю и почти не петь над ними. Я хочу, чтобы меня отвели в церковь вместе с другими, кто умер здесь, но Гарди я хочу сжечь на погребальном костре как можно скорее, потому что он причина всех видений, которые были здесь этой зимой'. [60] Он также рассказал ей о ее делах и сказал, что у нее большое будущее. И он посоветовал ей остерегаться выходить замуж за гренландца: он также посоветовал ей жертвовать их деньги на церковь или раздавать беднякам, а затем откинулся на спинку стула во второй раз.

Обычай в Гренландии с момента введения христианства заключался в том, что мужчин хоронили на фермах, где они умерли, в неосвященной земле, и из их груди воткнули кол, а позже, когда приходили священники, кол вытаскивали, лили туда святую воду и пели над ними заупокойную службу, хотя это могло быть и много позже. [61]

Тела были отнесены в церковь в Эриксфьорде, и священники провели над ними заупокойную службу. После этого Торбьерн умер, и все его имущество перешло к Гудрид. Эрик взял ее к себе и хорошо заботился о ней.

5. Торфин Карлсефни.

Версия книги Флэтли.

Тем же летом (когда Торстейн Черный привез Гудрид в Эриксфьорд) в Гренландию из Норвегии прибыл корабль под командованием человека по имени Торфин Карлсефни, который был сыном Торда Лошадиной Головы, сына Снорри Тордарсона из (Хефды). [62] Торфин Карлсефни был богатым человеком, и зимой он останавливался в Браттахлиде у Лейфа Эриксона. Вскоре он обратил свое внимание на Гудрид и сделал ей предложение, но она предоставила Лейфу отвечать за нее. Впоследствии они были помолвлены, и той зимой состоялась их свадьба. Были те же дискуссии, что и раньше, о путешествии в Вайнленд, и люди — как Гудрид, так и другие — настоятельно призывали Карлсефни предпринять это путешествие. Итак, его экспедиция была организована, и он нанял свою команду, шестьдесят мужчин и пять женщин. Карлсефни согласился со своей командой, что они должны иметь равную долю в любой прибыли, которую они могут получить. У них был с собой всевозможный скот, потому что они собирались колонизировать страну, если смогут. Карлсефни попросил Лейфа отдать ему дома в Вайнленде, но тот заявил, что одолжит свои дома, но не отдаст их сам. После этого они вышли в море на своем корабле и, прибыв в лагерь Лейфа целыми и невредимыми, забрали свой багаж.

Вскоре они сделали большой улов, потому что там выбросило на берег большого и добротного кита, и они подошли к киту и разделали его; тогда они не испытывали недостатка в пище. Там скот сошел на берег, но вскоре выяснилось, что самцы были неуправляемы и устроили большой погром. Они привели с собой быка. Карлсефни приказал нарубить дров, придать им форму груза для корабля и разложить дрова на камне для приправы. Все они пользовались ценными ресурсами страны, такими как виноград, всевозможная дичь и другие полезные вещи. Летом, последовавшим за первой зимой, они познакомились с дикарями, большая толпа которых пришла из леса: их скот был поблизости, и бык начал очень громко мычать; это привело дикарей в ужас, и они убежали со своими вьюками, которые состояли из серых мехов, соболей и всевозможных шкур, и, повернувшись к дому Карлсефни, они хотели войти в него, но Карлсефни приказал охранять двери. Ни одна из сторон не понимала речи другой: тогда дикари сняли свои рюкзаки, развязали их и предложили свой товар, особенно желая взамен оружие, но Карлсефни запретил своим людям продавать оружие. И вот теперь ему пришла в голову идея сказать женщинам, чтобы они носили им молоко, и когда они увидели молоко, то захотели купить только его и ничего больше. Итак, результатом торговли дикарей стало то, что они унесли свои покупки в желудках, но Карлсефни и его спутники оставили свои тюки и меха; так что они ушли.

Теперь рассказывают, что Карлсефни соорудил вокруг своего дома крепкий частокол и сделал там приготовления (к обороне). В то время Гудрид, жена Карлсефни, родила мальчика, и мальчика называли Снорри. Затем, в начале второй зимы, дикари пришли к ним в гораздо большем количестве, чем раньше, с теми же товарами, что и раньше. После этого Карлсефни сказал женщинам: 'Теперь вы должны принести еду, на которую был спрос в прошлый раз, и ничего больше'. И когда они увидели это, то перебросили свои рюкзаки через частокол.

Но Гудрид сидела в дверях у колыбели Снорри, своего сына: затем в дверях появилась тень, и вошла женщина в черном 'намкиртле'. Она была довольно невысокого роста, на голове у нее была повязка; волосы у нее были светло-каштановые; она была бледной, а глаза такими большими, что никто никогда не видел таких больших глаз на человеческой голове. Она подошла к тому месту, где сидела Гудрид, и спросила: 'Как тебя зовут?' 'Меня зовут Гудрид, - сказала она, - а как тебя?' 'Меня зовут Гудрид,' представилась она. Затем хозяйка Гудрид поманила ее рукой, чтобы она села рядом с ней, как вдруг Гудрид услышала сильный грохот, и женщина исчезла, и одновременно один из дикарей был убит одним из слуг Карлсефни, потому что он хотел украсть их оружие, после чего они убежали так быстро, как только могли, оставив свою одежду и товары. Никто не видел эту женщину, кроме Гудрид.

'Теперь нам нужно посоветоваться,' сказал Карлсефни, 'поскольку я полагаю, что они нанесут нам третий визит в составе сильного и враждебного отряда. Теперь план, который мы должны принять, состоит в том, что десять человек пойдут вперед к этому пункту и покажутся там, в то время как остальные наши силы пойдут в лес и там вырубят поляны для нашего скота, когда армия выйдет из леса. Мы также должны взять нашего быка и пустить его впереди себя'.

Теперь на месте, где была назначена их встреча, с одной стороны было озеро, а с другой - лес. Совету Карлсефни последовали, и дикари пришли в то место, которое Карлсефни наметил для битвы; так что битва состоялась, и многие из армии дикарей пали. В армии дикарей был высокий и выдающийся человек, которого Карлсефни считал, должно быть, их главнокомандующим: теперь один из дикарей взял топор и, посмотрев на него некоторое

время, поднял его на одного из своих товарищей и ударил его так, что тот упал замертво; после чего высокий человек схватил топор и некоторое время смотрел на него, после чего он зашвырнул его в море так далеко, как только мог; и после этого они убежали в лес, каждый как мог, и, таким образом, их битва дошла до драки. конец.

Люди Карлсефни пробыли там всю ту зиму, но весной Карлсефни объявил, что больше там не останется, а отплывет в Гренландию. И тогда они приготовились к своему путешествию и привезли оттуда много ценного в виде виноградных лоз, гроздьев и мехов. Теперь они вышли в море и благополучно добрались на своем корабле до Эриксфьорда и провели там зиму.

6. Потомки Карлсефни.

Сага об Эрике Рыжем по книге Хаука. (Последнее выделено курсивом.)

На второе лето после этого Карлсефни приехал в Исландию, и Снорри [63] с ним, и он отправился домой в Рейниснесс. Его мать считала, что он сделал плохую партию, и поэтому в первую зиму Гудрид не было в их доме. Но когда она обнаружила, что Гудрид - очень милая женщина, она вернулась домой, и они хорошоладили.

Дочерью Снорри Карлсефнисона была Халльфрид, мать епископа Торлака, сына Рунольфа. У них (то есть Карлсефни и Гудрид) был сын по имени Торбьерн. Его дочь звали Торунн, мать епископа Бьерна. У Снорри Карлсефнисона был сын по имени Торгейр, отец Ингвельд, матери епископа Бранда первого. Другой дочерью Снорри Карлсефнисона была Стейнунн, которая вышла замуж за Эйнара, сына Грундакетилля, сына Торвальда Крока, сына Торииз Эспихола. Их сыном был Торстейн Несправедливый, который был отцом Гудрун, вышедшей замуж за Йорунда из Келди; их дочерью была Халла, мать Флоси, отца Вальгерды, матери сэра Эрленда Сильного, отца сэра Хаука Законника. Другой дочерью Флоси была Тордис, мать леди Ингигерд Богатой. Ее дочерью была леди Халлбера, настоятельница Рейниснесса в Стаде. Кроме того, ряд великих людей Исландии происходят от Карлсефни и Гудрид, которые здесь не занесены в каталог. Да пребудет с нами Бог. Аминь. И это конец этой истории.

Ari's Íslendingabók.

Ауд, женщина-колонистка, поселившаяся к западу от Брейдафьорда в Хвамме, была матерью Торстейна Рыжего, отца Олафа Фейлана, отца Торда Гелли, отца Торхильд Райп, матери Торда Хорсхеда, отца Карлсефни, отца Снорри, отца Халльфрид, матери Торлака, который сейчас является епископом Скалахольта.

ЧАСТЬ II. Обсуждение

I. ХАРАКТЕР ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Чтобы судить, какую историческую ценность следует приписать переведенному здесь повествованию, читателю необходимо иметь четкое представление о природе литературы саг и некоторое представление о процессе, посредством которого такие истории передавались с

момента их появления до периода, более трех столетий спустя, когда они приняли ту форму, которая нам сейчас известна. Принимая во внимание тот факт, который следует сразу признать, что мы зависим от периода устной традиции, предшествующего появлению какого-либо письменного отчета о путешествиях в Вайнленд, мы должны прежде всего рассмотреть, как особые характеристики рассказывания историй в Исландии влияют на достоверность такой традиции; затем мы должны искать любые ранние подтверждения, касающиеся затронутых вопросов; и, наконец, мы должны рассмотреть рукописи, составляющие основу истории, и исследовать любые обстоятельства, которые могут сделать один источник предпочтительнее другого.

Устная традиция Исландии.

Ни одно из путешествий в Уайнленд, составляющих предмет нашего исследования, не могло произойти позже, скажем, 1030 года н.э., а самое раннее, по-видимому, датируется 986 годом. До тех пор, пока неудобный рунический алфавит, пригодный только для коротких надписей, не был заменен чем-то более приспособленным к требованиям беглого литературного письма, история таких событий могла сохраняться только из уст в уста. Это изменение произошло, во всяком случае, по прошествии почти столетия со времени событий, с которыми мы имеем дело. Однако устная традиция при благоприятных условиях может демонстрировать верность реальным фактам, что на первый взгляд удивительно. В этой связи можно упомянуть шотландское нагорье, где, вопреки кельтскому воображению, "шенаци", или прозаические летописцы, принадлежавшие к более знатным семьям, как было обнаружено, передавали исторические факты, которые были наиболее точно подтверждены последующим исследованием документальных свидетельств. Небольшое рассмотрение покажет, что это не так уж необычно, как может показаться на первый взгляд. Признанное нашим законодательством различие между клеветой и поношением, во всяком случае, частично основано на соображении, которое следует иметь в виду в этой связи. Написанное слово остается, даже если ему противоречат и опровергают его; более того, нередко оно может пережить свое противоречие. Однако устный рассказчик о современных событиях всегда склонен иметь среди своих слушателей тех, кто так же хорошо знаком с описываемыми фактами, как и он сам. Неточность может быть выявлена внезапно и неприятно; как только ложь произносится, она разоблачается. Мы находим хорошую иллюстрацию затруднительного положения, в котором может оказаться рассказчик (хотя герой в данном случае с честью вышел из тяжелого испытания), в эпизоде исландской саги "Человек при дворе" короля Харальда Хаардрааде, который воспроизводится среди отрывков в книге Вигфуссона и Пауэлла "Исландский чтец" (стр. 141). Этот молодой человек, как нам сказали, был принят при дворе с целью развлечь телохранителя своими сагами. Ближе к Рождеству он начал впадать в меланхолию, и в ходе расследования причины выяснилось, что он израсходовал все свои рассказы, кроме одного, как раз в то время — во время святочных гуляний, — когда его достижения были наиболее востребованы. Оставшуюся историю он не решался пересказать, поскольку это была сага о путешествиях самого короля. Однако, ободренный самим Харальдом, он отважился на выполнение своей трудной задачи, поскольку герой описываемых подвигов присутствовал среди собравшихся. История была рассказана, и дни проходили за днями, но исландец не проявил ни малейшего любопытства узнать, насколько его рассказ понравился человеку, который знал факты из первых рук. "Я боюсь этого", — был его ответ, когда король обратил его внимание на это упущение с его стороны. Однако Харальд успокоил его, сказав, что его версия совершенно верна, и поинтересовался источником, из которого был получен столь

точный отчет. Узнав, что первоначально виновником был некто Халльдор Сноррисон, король сказал, что его больше не удивляет точность рассказа, и предложил рассказчику гостеприимство своего двора в будущем, когда тот, возможно, пожелает туда приехать.

Другой пример, когда последствия не столь удовлетворили рассказчика, встречается в "Саге о Ньяле", где король Оркнейских островов Сигтригг просит Гуннара Ламбисона рассказать о сожжении Ньяля в его доме, участником которого он был. Он начинает рассказывать историю в несправедливой и неточной манере, утверждая, среди прочего, что Скарпхединн, сын Ньяля, плакал, когда опасность сомкнулась вокруг него. После этого Кари, который подслушивал под дверь, врывается с обнаженным мечом и отрубает голову лживому историку. Флоси, еще один поджигатель, защищает и оправдывает действия Кари, после чего сам рассказывает эту историю, и поскольку в своем повествовании он не отдает чрезмерного предпочтения ни той, ни другой стороне, нам говорят, что в его историю поверили.

Условия для развития этого искусства рассказывания историй в Исландии были необычайно благоприятными для сохранения точной традиции. Во-первых, как можно видеть из приведенного примера, эта практика во всех отношениях была одновременной с возникновением описываемых событий. Во-вторых, - момент, который будет развит позже, - очевидно, что вкус исландской публики был в высшей степени практичным и лишенным воображения. Суеверия, без сомнения, существовали в Исландии, как и во всем мире того и гораздо более позднего периодов, но даже к их призракам и сверхъестественным явлениям этот народ относится гораздо больше, чем любой другой, с творчеством которого я знаком, как к чему-то повседневному. Исландец не хотел, подобно кельтам или более поздним романцам, окружать своих героев атмосферой живописной мифологии; его главным желанием было узнать в мельчайших деталях, как именно все происходило, с датами, генеалогиями и обстоятельствами, имеющими отношение к истории, которую он слушал.

Я упомянул слово "генеалогии", и это подводит меня к последнему фактору, который свидетельствовал в пользу точности устной традиции Исландии. По самой своей природе колония состояла из множества более или менее связанных семей, равных по социальному статусу и известных друг другу как состоящие из людей, схожих по страсти с самими собой. Не было ни короля, ни выдающейся героической личности, вокруг неприступного величия которой льстивые языки придворных могли бы плести свои мифы и вымыслы. Более того, рассказчик саг не был, подобно бардам и шенахи шотландского нагорья, уделом одной семьи. Он переезжал с места на место, коротая монотонную арктическую зиму своими историями, и герой одной местности в другой был предком или членом семьи, ни в коей мере не превосходящим людей, собравшихся послушать эту историю. Каждый слушатель был глубоко сведущ в генеалогии - предмете, который явно считался первостепенно важным. Большинство знатных семей, благодаря смешанным бракам, были связаны, во всяком случае, с некоторыми персонажами, которые были представлены практически в любой саге, и необходимость правильного изложения перед самой критичной аудиторией запутанных ответвлений всех генеалогических древ, встречающихся в ходе повествования, должно быть, была наилучшей возможной дисциплиной для создания школы, где точность ставилась превыше всех других соображений.

Также из того обстоятельства, что история должна была удовлетворить жителей и гостей ряда различных поселений с равным социальным статусом, но часто с противоречивыми интересами, вытекала особенность, на которую часто обращали внимание изучающие

исландскую литературу, а именно, что обе или все стороны вопроса изложены справедливо, автор или декламатор, будучи, как выразился Вигфуссон, "язычником среди язычников, гневным человеком среди мстителей и печальным человеком среди плакальщиков, поскольку его стиль отражает разнообразные чувства его *драматических персонажей*". . [64]

Таким образом, у нас есть все основания полагать, что подвиги тех, кто сражался, судился или исследовал мир в десятом и одиннадцатом веках, были правдивыми, беспристрастными и точными на протяжении короткого промежутка времени, отделявшего их от эпохи письменной истории, начало которой положил Ученый Ари.

Ари Ученый.

Этот пионер исландской истории и эпохи письменности родился, как мы узнаем из исландских летописей, в год, следующий за нормандским завоеванием Англии (1067). Его дед, Гелли, был современником Карлсефни и фактически приходился ему троюродным братом. (См. Генеалогическую таблицу, 20.) Ари прямо сказал нам, что его дядя, Торкель Геллисон, снабдил его информацией, касающейся Эрика Рыжего, которую он получил из прямого разговора с одним из компаньонов последнего. События, о которых идет речь, таким образом, попадают в период, охватываемый единой человеческой памятью с момента их возникновения до периода, когда они могли быть зафиксированы письменно и когда, можно сказать, началась письменная история, вытесняющая устную традицию.

Более того, мимоходом стоит отметить, что самый выдающийся исследователь, о котором повествуют эти саги, Торфин Карлсефни, принадлежал к тому же роду, что и Ари, и почти обязательно был лично знаком с одним из его информаторов, его дядей Торкелем.

Следует также отметить, что одним из лиц, для которых Ари, по его прямому сообщению, сочинил свой "Слендингабок" и кому он его показал, был епископ Торлак, внук того Снорри, который, как нам сказано в саге, родился в семье Карлсефни в Вайнленде.

О правдивой и добросовестной работе Ари Ученого красноречиво свидетельствует хорошо известный вводный отрывок из истории норвежских королей, известный как Хеймскрингла. Автор этой книги был в большом долгу перед исследованиями Ари; на самом деле, хотя оригинальная работа последнего на тему норвежских королей больше не существует в ее первоизданном виде, мы знаем, что такая книга была одним из его литературных достижений, и, по всей вероятности, за ней внимательно следили последующие составители рассказов, относящихся к ранней истории Норвегии. Однако, к сожалению, поскольку более поздние авторы были многим обязаны Ари, от его оригинальной работы сохранилась только одна книга, и это в очень сжатой и обобщенной форме. Это "Слендингабок", или история исландцев. Из собственного заявления автора мы знаем, что эта книга изначально была написана в другой и, вероятно, более расширенной форме, копий которой сейчас не сохранилось, но дошедшая до нас небольшая книжечка содержит, помимо генеалогии Карлсефни, один отрывок, ценный для нас при рассмотрении данного предмета, поскольку он позволяет получить раннее подтверждение основных очертаний нашей истории. Этот отрывок, который также можно найти в Приложении к Дополнительным отрывкам, стр. 74, можно перевести следующим образом:

‘Страна, которая называется Гренландия, была открыта и колонизирована из Исландии. Это был человек по имени Эрик Рыжий из Брейдафьорда, который отправился туда из этой страны, и он нашел землю в месте, которое впоследствии называли Эриксфьордом: он дал название стране и назвал ее Гренландией, сказав, что тот факт, что у страны хорошее название, привлечет людей путешествовать туда. Они нашли там, как на востоке, так и на западе страны, жилища людей, фрагменты каноэ и каменные орудия такого рода, по которым можно было сказать, что сюда пришла раса (*фарит*), *похожая на ту, что населяла (byggt).* Вайнленд, и которых гренландцы называют скрелингами. И так, дата начала заселения этой страны - от четырнадцати до пятнадцати зим до прихода христианства сюда, в Исландию, согласно рассказу, данному Торкелю Геллисону в Гренландии человеком, который сам сопровождал Эрика Рыжего.

Эта случайная ссылка, по-видимому, дает сильнейшее подтверждение как известного, так и признанного существования Вайнленда, и, в частности, эпизодов, описанных в сагах, относящихся к дикарям или "скрелингам".

Кроме того, по мнению автора, это дает неоспоримое доказательство того, что земля, населенная дикарями, была посещена норвежцами в то время, когда в самой Гренландии таких людей еще никто не встречал. Следует отметить, что эскимосы Гренландии, насколько можно судить по информации Ари, приходили и уходили до норвежской оккупации (*фарит*), и об их существовании можно было догадаться только по описанным выше следам, в то время как аборигены Вайнленда имели в то же время "местное жилище (*byggt*) и имя". Следовательно, "скрелинги" не были титулом, перенесенным с известных жителей Гренландии на дикарей, фигурирующих в сказаниях о Вайнленде; имело место обратное.

Этот момент будет развит позже, и некоторые возражения, которые были выдвинуты против такой интерпретации отрывка, будут полностью рассмотрены, но сразу же станет ясно, что он имеет большое значение для точности саги и факта норвежского открытия.

Ланднамабок.

Еще одним авторитетным трудом, в котором, несомненно, большую роль сыграла добросовестная рука Ари, является "Ланднамабок, или история заселения Исландии". Хаук Эрлендсон в своем издании этого классического произведения прямо признает авторство мастера, говоря, что оно 'соответствует тому, что написал первосвященник Ари Ученый, сын Торгиль, и Кольскегг Мудрый'. Кольскегг был современником Ари, и Вигфуссон [65] считает, что его участие в сотрудничестве ограничивалось предоставлением генеалогий Восточного округа. Судя по единообразию стиля, этот великий авторитет [66] без колебаний приписывает исключительное авторство Ланднамабока Ари и Кольскеггу. Авторитетный характер этого произведения имеет прямое отношение к нашей теме, поскольку очевидно, что авторы обеих версий рассказа в значительной степени черпали вдохновение из его страниц, более того, обе версии содержат множество абсолютно буквальных цитат.

Однако, что касается самого Вайнленда, Ланднамабоку нечего сказать. На самом деле это было чуждо цели книги, весь объем которой ограничивался Исландией, и поэтому нам не следует ожидать большего, чем мы на самом деле находим. Единственное достоверное упоминание об этом месте содержится в отрывке, относящемся к Ари Марсону, который, как говорят, был заброшен в Хвитраманналанд, 'который некоторые называют Ирландией Великой, он лежит к

западу в море недалеко от Вайнленда Доброго'. Важность, придаваемая этому отрывку, заключается в том, что Вайнленд вскользь упоминается как хорошо известная местность, из которой можно было бы приблизительно определить положение Хайтраманнленда, без необходимости дальнейших объяснений. Другой отрывок, относящийся к "Карлсефни, нашедшему Вайнленда Доброго", менее ценен, поскольку, по всей вероятности, является интерполяцией Хаука, которая, следовательно, не дает независимого подтверждения открытия.

Адам Бременский.

Таким образом, на данный момент установлено, что в то время, когда письменность вытеснила устную традицию, факт открытия скандинавами 'Винодельческой страны' был прекрасно известен, что она лежала на западе (vide Landnámabók) и населялась дикарями. Кроме того, это название само по себе в некоторой степени подтверждает подробности, приведенные в сагах относительно находки там винограда. Теперь необходимо заняться дальнейшим подтверждением зарегистрированных фактов относительно основных продуктов страны. Это относится к еще более раннему периоду и взято из независимого источника - Описания "островов" или стран Севера, написанного Адамом Бременским. Этот достойный человек стал директором кафедральной школы в Бремене примерно в год рождения Ари (1067) и почерпнул, по его словам, информацию, на которой основано его описание, от Свейна Эстридсона, короля датчан, умершего в 1076 году.

Знания, полученные из такого источника, подводят нас практически к жизни современников Карлсефни, а также к жизни многих, кто, возможно, помнит его или его сподвижников. В упомянутой географической работе Адам вставляет следующую ссылку на Вайнленд:

‘Он (король Свейн) рассказал мне о еще одном острове, кроме того, открытом многими в том океане, который называется ‘Вайнландия', потому что там естественным образом растут виноградные лозы, производящие лучшее вино. Более того, мы установили, что там в изобилии растет кукуруза, не засеянная, но основанная не на баснословных предположениях, а на достоверном (*certa*) сообщении датчан”.

На первый взгляд, таким образом, мы имеем здесь самую противоречивую часть всей истории — существование дикой кукурузы и виноградных лоз - подтвержденную авторитетом, основанным на скандинавском источнике, практически при жизни самих исследователей. Ввиду утверждения, которое будет рассмотрено более подробно позже, что описания виноградных лоз и дикой кукурузы, встречающиеся в сагах, взяты из упоминаний об островах Удачи в "Исидоре Испанском" и классических произведениях, возможно, важно отметить здесь акцент, сделанный автором на источнике его информации.

Адам Бременский, ученый *magistr*с континента, должно быть, уже был знаком с многочисленными легендами, относящимися к этим Счастливым островам, ссылки на которые часто встречаются во многих классических источниках, и он, по-видимому, предвосхищает критику, которая фактически была высказана, когда он проводит тщательное различие между *fabulosa opinio* и *certa relatio Danorum*. На самом деле он, кажется, говорит: "Конечно, вы думаете, что это еще одна история, основанная на классических легендах, которые вам знакомы, но это ничего подобного: когда я был в Дании, у меня была возможность расспросить датчан, информацию о которых я записал, и я считаю невозможным заключить, что это просто случай с *Insulae Fortunatae* из вторых рук”.

Дата существующих рукописей.

Теперь мы можем перейти к рассмотрению источников, из которых взят настоящий перевод. Будет обнаружено, что ни одна из существующих рукописей не датируется ранее четырнадцатого века, но, возможно, будет полезно указать, что этот факт не так подрывает их авторитет, как можно было бы предположить.

Время устных преданий давно прошло, давно установился день документальной истории, и составители тех версий, которыми мы сейчас располагаем, должно быть, работали в основном не на основе устных преданий, а на основе более ранних письменных саг, которые к тому времени в значительной степени обрели форму, в которой мы их имеем. Хорошо известный отрывок из Саги о Стурлунге имеет отношение к этому вопросу. 'Почти все истории'. в нем говорится: "которые были созданы в Исландии до смерти епископа Бранда Семундсона (1201 г. н.э.), были записаны; но истории о событиях, произошедших с тех пор, вряд ли вообще были записаны до того, как скальд Стурла Тордсон продиктовал исландские саги'. Теперь, хотя мы можем согласиться с Вигфуссоном, что этот отрывок относится в первую очередь к трем сагам, которые на данный момент были включены в "Стурлунгу", ясно, что "почти все истории" не могут быть заявлением, ограниченным тремя, и должны иметь общую ссылку на состояние всех историй, известных на ту дату. Из этого следует, что любые события, произошедшие до 1201 года, по всей вероятности, приняли более или менее фиксированную письменную форму до того, как Стурла (родился около 1217 г.) начал записывать более поздние события.

Вклад более поздних переписчиков, по-видимому, ограничивался по большей части доведением генеалогий до их времени; мода на сколько-нибудь значительную романтизацию более ранних материалов получила распространение только в более поздние сроки, чем те, которые нам предстоит рассмотреть.

То, что Сага об Эрике приобрела письменную форму до того, как была составлена книжная версия Флэтея, очевидно из ссылки на нее во вступительной главе этой истории: 'Отсюда возникли ссоры и драки между Эриком и Торгестом, о которых рассказывается в Саге об Эрике'. Насколько "сага об Эрике", известная составителям книги Флэтея, соответствовала какому-либо произведению, которое сейчас носит то же название, - это вопрос, который не может быть должным образом обсужден, пока мы не рассмотрим далее природу и подлинность версий, на основе которых был сделан перевод. [67]

Книга Хаука и сага об Эрике Рыжем.

Наши знания о путешествиях в Вайнленд почерпнуты, как обнаружит внимательный читатель перевода, из двух явно независимых источников, которые для удобства можно назвать версией Хаука и версией книги Флэтея. История, известная Хауку, содержится в двух рукописях: одна содержится в книге Хаука и частично написана его собственной рукой; другая, написанная рукой начала пятнадцатого века, находится под номером 557 4to в собрании Арне Магнуссона и наиболее удобно обозначается - в соответствии с ее фактическим названием — как "Сага об Эрике Рыжем".

Эта рукопись с последним названием, хотя она, несомненно, была написана намного позже книги Хаука, вероятно, содержит более ранний и лучший текст этой версии. Это, конечно, не вольное изложение истории, а буквальная копия какой-то более ранней рукописи, поскольку она содержит ряд типичных ошибок переписчика. Есть, например, слова, повторяемые дважды

подряд, иотрывки, которые в их нынешнем виде бессмысленны и требуют некоторых простых исправлений. Столь же несомненно, что приведенный ниже текст не принадлежал Хауку, поскольку язык повсюду немного отличается, и в каждой версии есть предложения, которые не встречаются в другой и не вытекают из нее необходимым образом. Теория о том, что Сага об Эрике Рыжем содержит более ранний текст, чем текст Хаука, основывается экспертами на большей простоте языка в первой версии. На взгляд непрофессионала, наиболее убедительным доказательством является генеалогия в конце саги. Как уже говорилось, переписчики обычно приводили такие родословные к своему времени. Хаук следует этой практике, прослеживая линию Карлсефни вплоть до себя. Сага об Эрике обрывается на Бишоп Бранде первом, несколькими поколениями ранее. Хаук, согласно его рассказу, был пра-пра-правнуком троюродного брата Бишоп Бранда. (См. Генеалогическую таблицу, [стр. 20](#).) Однако тот факт, что епископ Бранд описан как "первый", убедительно показывает, что текст, скопированный в Саге об Эрике, не был завершен до рукоположения второго епископа с таким именем, которое состоялось в 1263 году.

Конечно, насколько это возможно, это не противоречит тому, что авторы этих двух версий работали по одной и той же рукописи, которую Хаук переделал и отредактировал, в то время как другой переписчик удовлетворился буквальной копией. Хотя, однако, смысл версии Хаука приблизительно соответствует смыслу конкурирующей рукописи, язык редко совпадает по количеству слов вместе. Если бы оба работали по одной рукописи, это было бы не то, что можно было бы ожидать найти: гораздо проще переписать отрывок *дословно*, когда смысл, который он призван передать, столь же адекватен с помощью такого метода. И текст Хаука иногда дает нам информацию, которая не может быть объяснена как простое интеллектуальное усиление другого.

Следовательно, мы, по всей вероятности, вправе предполагать, что общее происхождение двух версий должно быть отнесено к периоду значительно более раннему, чем любая из них. Финнур Йонссон, превосходный критик исландских стилей, считает, что мы можем датировать общий архетип еще 1200 годом. Что касается даты дошедших до нас рукописей, которой по уже указанным причинам не следует придавать слишком большого значения, то достаточно указать, что Хаук умер в 1334 году, и поскольку сага завершается его собственной рукой, она, должно быть, была написана незадолго до этой даты. Подсказка, которую дает упоминание епископа Брэнда "первого", замеченное выше, является общей для обеих рукописей и фиксирует период, до которого ни одна из рукописей не была завершена, - 1263 год. В случае с Книгой Хаука эти границы еще больше сужаются упоминанием Халльберы с ее титулом настоятельницы Рейниснесса. Мы знаем, что эта дама заняла этот пост в 1299 году, так что Книга Хаука не могла быть завершена ранее этой даты.

Личный авторитет Хаука.

Г-н У. Х. Бэбкок в своем ясном и ценном трактате на эту тему [\[68\]](#) делает значительный упор на тот факт, что Хаук был потомком Карлсефни, как на повышение авторитета этой версии повествования. В какой-то степени это хороший довод, но можно усомниться в том, что знаний Хаука о своих предках было достаточно, чтобы проверить письменные свидетельства, доступные в его время. Он следует очевидной ошибке Ланднамабока, сделавшего Торбьерна Вифилсона сыном вольноотпущенника Ауд, которая, как показывает внимательное изучение

хронологических данных, является совершенно несостоятельной теорией. (См. Генеалогическую таблицу, [стр. 20](#).) Его отделяло от Карлсефни не менее восьми поколений, и любой читатель, который возьмет на себя труд подумать, как много он знает о достижениях столь далекого предка, без сомнения, придет к выводу, что Хаук был не в состоянии пролить дополнительный свет на предмет, хотя для него это, естественно, представляло особый интерес. Все, что мы можем сказать, это то, что он считал сагу исторической, а не романтической, и его большой опыт в исландской литературе, совершенно независимо от семейных связей, сделал его хорошим судьей. То, что у него не было особых частных источников информации, ясно из того факта, что он переписал сагу практически в ее нынешнем виде. Нельзя утверждать, что он отказался от версии Флати или предпочел альтернативу; гораздо более вероятным кажется, что редакторы Книги Флати использовали источники, к которым у него никогда не было доступа. Хаук, если бы он намеренно сравнил эти два источника, например, неизбежно выбрал бы версию Флэтеяэпизода с выброшенным на берег китом, поскольку она соответствует гораздо лучше, чем его собственный текст с включенными в него более старыми стихами. (Ср. Следующую главу, [стр. 132](#).) Хаук, по сути, просто более или менее грамотно скопировал единственную известную ему версию истории, и его рукопись, следовательно, стоит точно на той же основе, что и Сага об Эрике Рыжем: исходя из общего архетипа, они, конечно, не могут служить независимым подтверждением друг друга.

Независимость от плоской версии.

Однако то, что такое подтверждение содержится в версии, содержащейся в книге Флэтея, я думаю, ясно продемонстрировано. Если бы не позиция некоторых современных авторов по этому вопросу, можно было бы сказать, что независимость этого рассказа не подлежит сомнению, какой бы относительной ни была его ценность как авторитета. Некоторые комментаторы, однако, пытались установить, что книга Флэтея - всего лишь вышивка, основанная на конкурирующем тексте. Так, г-н Юул Дизеруд в "Бюллетене Американского географического общества" (1901) смело заявляет, что книга Флэтея 'заимствовала инциденты и описания из истории Торфина'. Он добавляет: 'Это может показаться опасной гипотезой, но ... единственный выход из нее - рассматривать "Сагу о Торфине" как результат аналогичного процесса".

Однако альтернатива, с которой, по мнению г-на Дизеруда, он столкнулся, ни в коем случае не является единственной. Показания двух свидетелей по факту могут свидетельствовать о многих совпадениях, а также о расхождениях без какого-либо сговора или заимствования чего бы то ни было. Точно так же разные авторы могут рассматривать вопрос истории или традиции, не сверяясь с работами друг друга. Опять же, если я и мой друг вместе проходим через какой-то опыт — предположим, например, что мы служим в одном подразделении во время войны, - рассказы, которые мы передаем нашим соответствующим потомкам, могут быть совершенно независимыми друг от друга. Обвинение в плагиате при таких условиях должно быть подтверждено определенными и убедительными доказательствами.

Итак, что же выдвигает мистер Дизеруд в качестве доказательства или поддержки своего утверждения? Например, он говорит: "случай, связанный с отважной Фрейдис, и краткое упоминание о каких-то ссорах, вызванных женщинами прошлой зимой в Страумсфьорде, заставляют чье-то воображение работать, пока мы не получим ужасный рассказ о ее отдельной экспедиции в Вайнленд в компании с братьями Хельги и Финнбоги'. Ссоры из-за женщин в Саге

об Эрике Рыжем носят чисто сексуальный характер. Как нам говорят, холостяки домогались жен женатых мужчин. Эта ситуация, хотя ее и нельзя назвать уникальной, вполне может дать наделенному богатым воображением уму сюжет, подобный сюжету современного романа-проблемы. Но где можно проследить что-либо подобное в истории Фрейдис из книги Флэтея? Из-за женщин не ссорятся; на самом деле женское обаяние вряд ли было сильной стороной Фрейдис. Идет чисто корыстный спор о праве собственности на лодку, в котором главную роль играет человек, который, кстати, является женщиной. Короче говоря, между этими двумя сюжетами нет никакой связи; с таким же успехом можно было бы сказать, что история Иезавели и Навуфея была плагиатом истории Давида и Вирсавии.

Точно так же предполагаемое развитие Бьярни Херюльфсона от Бьярни Гримольфсона, которое также утверждает Джозеф Фишер, [69] опирается не на более прочную основу, чем совпадение имени, отнюдь не редкого в исландской литературе. Штурм, более корректно, признает Бьярни из книги Флэтея как "en ellers ganske ubekjendt person" (личность, в остальном совершенно неизвестная), а в книге Некеля "Erste Entdeckung Amerikas" используется идентичное выражение. Стал бы кто-нибудь, желая сочинить хорошую историю о Бьярни Гримольфсоне, пренебрегать драматическим эпизодом его гибели на изъеденном червями корабле, как это описано в "Саге об Эрике"? Почему, как говорит Некель, не позволить ему приземлиться и найти виноградные лозы и кукурузу, если целью было воздать ему должное, которого он не заслуживал? Кроме своих имен, у Бьярни Гримольфсона и Бьярни Херюльфсона нет ровным счетом ничего общего. Когда Фишер говорит: "Только таким образом (то есть выдумав историю из Книги Флэтей) священник (Джон Тордсон, один из переписчиков Книги Флэтей) мог приписать честь открытия Вайнленда своему герою Бьярни, который на самом деле был всего лишь одним из группы, сопровождавшей Карлсефни в его более поздней экспедиции", возникает вопрос, кто относится к Бьярни как к герою? Ему не ставят в заслугу открытие, которое случайно оказалось на его пути; Лейфа здесь, как и везде, рассматривают как первооткрывателя Вайнленда: более того, нам говорят, что Бьярни подвергся суровой критике за отсутствие предприимчивости в отказе от дальнейших исследований. Более того, если Бьярни Гримольфсон был героем Джона Тордсона, зачем вообще менять его фамилию?

Третья параллель, предложенная мистером Дизерудом, проводится между Тайркером из книги Флэтея и Хekom и Гекьей из Саги Эрика. Можно было бы подумать, что Хек и Хекья более привлекательны для писателя с богатым воображением, чем Тиркер. Они, по крайней мере, не менее хороший материал для рассказа. Но они шотландцы или кельты, в то время как Тайркер немец, их двое, в то время как он один; на самом деле, у них мало общего. Можно было бы привести более веские доводы в пользу сравнения между Тайркером и Торхоллом Охотником, хотя даже это было бы довольно отдаленно. Это три наиболее ярких примера, приводимых в обоснование обвинения в плагиате.

Когда мы ищем в одной версии моменты, которые неизбежно должны были быть включены в другую, если бы эти два рассказа были взаимозависимыми, нас поражает только разница. Дикая кукуруза, столь известная в Саге об Эрике и в популярных рассказах, дошедших до Адама Бременского, нигде не упоминается в Книге Флэтея. Упоминается выброшенный на берег кит, очевидно, факт, о чем свидетельствуют стихи Торхолла, но весь смысл истории как рассказа разрушается слишком буквальным следованием тому, что кажется простой правдой.

С другой стороны, в версии Флэтея сделаны многочисленные заявления косвенного характера, которым нет места в конкурирующем отчете. Важное наблюдение "эйктарстада" (см. [Главу V](#)) является хорошим примером этого. В книге Флэтея указан курс на юго-запад, которого, как нам известно, требуют обстоятельства дела, но мы тщетно ищем такой курс в Саге Эрика или Книге Хаука, которые следуют современным идеям исландских географов, сообщающих о равномерном продвижении на юг. Предполагается ли, что большая точность Книги Флэтли в данном конкретном случае является плодом живого, но неразвитого воображения? Дикари, спящие под своими лодками, в том виде, в каком Жак Картье нашел их столетия спустя, также упоминаются только в книге Флэтея. Это правда, что авторы этой версии, придя к выводу, что все исследователи высадились на берег одинаково, сочли возможным составить описание лагеря Лейфа на основе того, что, по-видимому, является отчетом о Хоп Карлсефни, но, предполагая, что последнее место действительно было обнаружено Карлсефни, в этом нет никаких доказательств того, что к другой саге вообще обращались. Короче говоря, я не могу найти никаких доказательств того, что составители версии книги Флэтея имели какие-либо сведения об известном нам конкурирующем рассказе. Это правда, что Финнур Йонссон [\[70\]](#) считает, что ссылка на 'Сагу об Эрике' во вступительном материале, цитируемом из Ланднамы, относится к документу, известному нам под этим названием; но, при всем уважении к взглядам столь прекрасного исландского ученого, такая теория кажется мне несостоятельной. Во-первых, в рассматриваемом отрывке автор, должно быть, ссылается на историю, настолько хорошо известную его аудитории, что он может отсылать их к ней без колебаний. Тем более история, известная ему самому. И все же никто, у кого были хотя бы самые смутные воспоминания о нашей Саге об Эрике, не смог бы так сильно отклониться от нее, как это характерно для версии Флэтея. Во-вторых, упоминание о 'ссорах и драках' между Эриком и Торгестом наводит на мысль о подробном описании всего спора. Тем не менее, материал, опущенный в книгу Флэтея по сравнению с тем, что предоставлено Ланднамой, который является источником, цитируемым всеми нашими авторитетами на данном этапе, представляет собой не более чем простое упоминание о битве, которая привела к изгнанию Эрика, и о битве по его возвращении в Исландию, которая была прелюдией к примирению. На самом деле эти пропуски едва ли длиннее объяснения, которое вставляет автор. Поскольку целью ссылки явно является экономия времени или пространства, следует предположить, что речь идет о каком-то более полном отчете. Но даже если бы ссылка была сделана на "Сагу об Эрике", это не опровергло бы независимость версии Флэтея в целом, поскольку на данный момент составитель не достиг той стадии, когда он включает новый материал, а практически дословно копирует сокращение из "Ланднамы", которое можно найти в других текстах "Саги об Олафе Трюгвасоне". Ссылка на "Сагу об Эрике" является частью цитаты, а не оригинальным наблюдением. На самом деле, как выразился Некел, 'повествование (Книги Флэтли) довольно сильно отличается от Саги об Эрике Рыжем. Он знает, с одной стороны, больше, с другой - меньше; прежде всего, одни и те же события происходят в совершенно разном порядке и связи'... 'Между обоими рассказами пролегает замечательная взаимосвязь: несмотря на очевидную гармонию в основных чертах, они сильно отличаются друг от друга в деталях. Соответственно, использование более старого повествования более молодым исключается".

Мотив, по-видимому, предложенный мистером Дизерудом и теми, кто согласен с ним в отношении тона, принятого в книге Флэтей, заключается в прославлении семьи Эрика Рыжего. Знакомство с Лейфом предыдущего первооткрывателя вряд ли приведет к такому результату, и чувствуется, что член семьи Эрика вряд ли отнесся бы к истории Фрейдис с гордостью или

удовольствием. Но оставим это в стороне. Те, кто придерживается такой позиции, похоже, сталкиваются с дилеммой. Никто за пределами Гренландии не был заинтересован в попытке выполнить подобную задачу, хотя, если — как я сам полагаю (см. Следующую главу, [стр. 139](#)) — эта версия взята в основном из гренландского источника, гораздо более вероятно, что она представляет собой независимую традицию, чем то, что составители в столь недоступной стране имели доступ к версии, действующей в Исландии. По этим причинам нам без колебаний следует признать независимость версии Флэтея и согласиться с Вигфуссоном в том, что "соответствие этих различных версий проливает яркий свет на жизнеспособность и верность традиции и является убедительным подтверждением достоверности основных моментов саги, что особенно важно по историческим причинам". [\[71\]](#)

Дата выхода книги Флэтей.

Дата и обстоятельства составления Книги Флэтея известны нам из бесценных исследований Вигфуссона, который переписал всю рукопись для публикации. Из этого источника мы узнаем, что он был составлен для некоего Джона Хоконсона, родившегося в 1350 году; следовательно, дата его начала вряд ли могла быть раньше, чем примерно двадцать лет спустя (ок. 1370 г.). Как и планировалось изначально, она начиналась с мифической истории об Эрике Странствующем, что ясно из текста: "Тот, кто написал эту книгу, поставил эту историю на первое место". Далее тем же почерком изложена длинная сага об Олафе Трюгвасоне, короле Норвегии, за которой следует сага о короле Олафе Святом. На этом этапе первый переписчик, Джон Тордсон, откладывает перо, и книгу продолжает некто Магнус, заканчивая некоторыми Анналами, которые предполагалось обновлять, добавляя время от времени дополнения. Поэтому, когда Магнус обнаружил, что у него в распоряжении есть какой-то дополнительный материал, который было сочтено желательным включить в книгу, он добавил несколько листов в *начало* работы, оставив чистые страницы в конце для продолжения "Анналов". Ближе к концу вновь включенного материала следует утверждение, что он был написан в 1387 году. Затем Магнус добавил титульный лист со списком содержания и продолжал время от времени вносить дополнения в Анналы до 1394 года. История о путешествиях в Вайнленд, приведенная в книге Флэтея, состоит из двух "тэттиров", или эпизодов, вставленных в манере того времени в "Саге об Олафе Трюгвасоне", которая является вторым литературным произведением, включенным в оригинальный том. Из этого следует, что, насколько нам известно, рукопись датируется периодом после 1370 года, когда владелец переехал в поместье мэн, и до 1387 года. Учитывая время, которое, должно быть, ушло на написание книги таких гигантских масштабов, мы можем справедливо отнести части книги о Вайнленде к дате, значительно более ранней, чем упомянутый в последний раз год.

Таким образом, рукопись, дошедшая до нас в настоящее время, датируется более поздней, чем книга Хаука. Признавая это, мы должны, я думаю, по причинам, указанным ранее, поостеречься придавать этому факту слишком большое значение. Нет недостатка в доказательствах того, что использованные источники выгодно отличаются по возрасту от конкурирующей версии. Ривз упоминает два таких доказательства, хотя только одно из них кажется мне по-настоящему важным. Это тот факт, что, в отличие от конкурирующей версии, в книге Флэтей упоминается Бишоп Брэнд без отличительного названия 'первый', которое, по всей вероятности, было добавлено кем-либо, кто составлял архетип, использованный Джоном Тордсоном в период, последующий за рукоположением второго епископа. Другой момент, упомянутый Ривзом, - это ссылка на выход Эрика на сушу в Гренландию под его первоначальным названием Миджокуль, а

также под более поздним обозначением Блазерк, которое дается только в версии Хаука. Ссылка на Ланднамабок, однако, показывает, что оба названия там сохранились, и поскольку та часть обеих версий, где встречается это название, очевидно, основана на Ланднаме, пропуск слова, скопированного Хауком, кажется мне лишенным значения.

Обращаясь к содержанию конкурирующих постановок Хаука и Книги Флэтея, хотя эти две истории, очевидно, одинаковы, мы сразу сталкиваемся с некоторыми разительными отличиями. Бьярни Херьюльфсон и его приключения описаны в книге Флэтли, и больше нигде в литературе. Путешествие Лейфа представлено только той же версией как преднамеренное, предпринятое в результате открытий Бьярни; в других местах это случайность, эпизод другого путешествия. Отдельное путешествие Торвальда Эриксона, закончившееся его смертью, подробно описано в том же рассказе, тогда как в "Саге об Эрике Рыжем" такой человек вообще не упоминается до эпизода с его смертью, а в книге Хаука и сопутствующей рукописи он представлен как плывущий и встретивший свою смерть под эгидой экспедиции Карлсефни. Наконец, после возвращения Карлсефни, только в книге Флэтей мы имеем рассказ о втором визите Фрейдис в недавно открытую страну. С этими расхождениями и отношением к ним современной критики необходимо будет разобраться в отдельной главе.

II. НЕСООТВЕТСТВИЯ В КНИГЕ ФЛЭТЕЯ

Более ранние авторы, писавшие о путешествиях в Вайнленд, основывали свои теории в значительной степени на версии Флэтея и действительно признавали ее авторитет как во всех отношениях предпочтительную по сравнению с альтернативным изложением истории. Лэйнг, например, в своем предисловии к "Хеймскрингле" сетует на тот факт, что любой другой документ, кроме книги Флэтея, вообще должен обсуждаться: а версия Хаука отвергается автором в журнале "Корнхилл" за 1872 год (том xxvi) как 'более поздняя рукопись ... полный самых удивительных невозможностей'. В резкой и скептической статье на эту тему в vol. B VII "Трудах Королевского географического общества" Р. Г. Халибертона подчеркивается та же точка зрения. Этот писатель мало верил ни в одну из историй, но он во всяком случае отнесся к рассказу Флэтея предпочтительнее, чем к Саге об Эрике Рыжем.

Возможно, ни одного из цитированных выше авторов нельзя считать очень авторитетным, но их позиция типична для старой школы мысли, и на стороне книги Флэтей такой великий критик, как Вигфуссон. Они цитируются для того, чтобы показать, насколько сильно могут различаться мнения студентов. Ибо с тех пор, как Густав Сторм в 1887 году опубликовал свое исследование о Винландсрайзерне [72], его взгляды, которые нашли очень широкое признание и до сих пор остаются актуальными, полностью изменили относительный статус различных версий. Сегодня критике подвергается книга Флэтея, и по всем пунктам, где она расходится с конкурирующей версией, предпочтение отдается свидетельству последней. При всем уважении к тем, чьи знания способствовали такому результату, мне кажется, что подобная критика зашла слишком далеко. Давайте попытаемся беспристрастно рассмотреть основные моменты, по которым существуют расхождения, и, таким образом, сформулируем наш собственный вывод относительно того, какая история более верна. [73]

Бьярни Херюльфсон.

Херюльф, отец Бьярни, несомненно, был реальным человеком, чье имя и родословная встречаются в Ланднаме, и, по-видимому, исторически установлено, что он был одним из спутников Эрика, когда Гренландия была колонизирована в 985 или 986 году нашей эры. В его честь был назван хорошо известный мыс в Гренландии, и фактически до сих пор никто не осмеливался подвергать сомнению существование Херюльфа или его эмиграцию в Гренландию.

Итак, мы исходим из несомненного факта, что Херюльф, отец Бьярни, отплыл в Гренландию примерно летом 986 года. Если бы у него был сын-моряк, отсутствующий в Норвегии в торговом походе, этот сын по возвращении в Исландию почти наверняка попытался бы воссоединиться со своим родителем в новой колонии. Все лучшие доступные лоцманы ушли, ни Бьярни, ни его команда не имеют четких знаний о морях, которые им придется пересекать, и именно с четко оговоренным осознанием своего риска они начинают плавание на запад в направлении Гренландии, отдаленной от них расстоянием, которое точно неизвестно, а также, если есть малейшее отклонение к югу от мыса Прощания, в направлении Америки. Соответственно, нам сообщают, что в Америку они прибыли, пригнанные туда подходящими ветрами и погодой. Из Америки, не высадившись, без какой-либо информации об этих странных странах, они вернулись в Гренландию, и с тех пор Исландия больше не видела Бьярни. Как художественная литература, это бессмысленное и бесплодное повествование, каким бы ни был его исторический интерес для людей постколумбовой эпохи. Очевидно, это было разочарованием для тех, кто слышал, и для тех, кто впоследствии написал эту историю. К Бьярни вовсе не относились как к герою, как хотел бы заставить нас поверить профессор Фишер, нам говорят, что он не получил ничего, кроме упреков в недостатке предприимчивости и любопытства в связи с тем, что случай и неудачная навигация встали у него на пути. Эти обстоятельства не благоприятствовали продолжению истории, лишенной инцидента самой по себе и никоим образом не делающей чести главному действующему лицу в ней. Неудивительно, что даже в Гренландии о приключении Бьярни помнили недолго. Исчезновение сказки из Исландии *тем более* гораздо более вероятно. Интерес как рассказчика, так и аудитории к этой стране был исключительно внутренним. Это редчайшее исключение из возможных - слышать в исландских сагах о подвигах тех, кто навсегда покинул страну и чья жизнь больше никогда не сводила его с исландцами. Бьярни с того момента, как он отплыл из Эйрарбакки, был, если не считать чуда, "вне истории", как выразились бы исландские рассказчики. То, что популярный отчет о путешествиях Карлсефни и его предшественников не содержит упоминания о Бьярни, со всей вероятностью соответствует действительности. Мне кажется, что альтернатива нарушает все, чему учит нас опыт развития традиции здесь и в других местах. Человеку, возможно, как говорят, вымышленному, в лучшем случае совершенно лишнему интереса для исландской публики, приписывают крайне невыразительное путешествие, из которого он не извлекает никакой известности, эффект от которого — если уж на то пошло — в какой-то степени подрывает славу исландца Карлсефни. С полной уверенностью можно сказать, что такая неточность, характеризующая традицию, приводит к слиянию подвигов менее известного героя с подвигами более популярного героя: создание вымышленного героя в дополнение к реальному, я полагаю, является обратным нормальному процессу.

Таким образом, легенды, возникшие о Карле Великом, наделили этого героя достижениями более ранних франкских королей и вождей, и, в частности, поглотили и перепутали с Карлом

Беликим его предка, Карла Мартелла. Национальные традиции столетий были объединены и сгруппированы вокруг Карла Великого и его окружения. В меньшем масштабе почти такой же процесс иногда можно проследить в сагах. Например, в более ранних версиях "Ланднамабока" упоминается некий Хельги Торбрандсон, который плавал с Эриком в Гренландию и, соответственно, был менее известен в Исландии, чем его братья, которые в основном фигурируют в саге об Эйрбыггя. Таким образом, эта сага игнорирует Хельги и не упоминает его среди сыновей Торбранда из Альптафьорда. Точно так же более поздние издания Landnáma заменяют имя Хельги именем его брата Снорри, который позже отправился в Гренландию и был более известен в Исландии. Менее известная фигура исчезает, и его история поглощается историей более известного персонажа. Такова нормальная и естественная работа традиции.

Проф. Густав Шторм в своем исследовании о Винландсрайзерне подчеркивает тот факт, что, хотя путешествие Бьярни представлено как совершенное примерно в 986 году н.э., в течение примерно шестнадцати лет ничего не предпринималось в плане дальнейших исследований. Я не вижу силы этого аргумента. Только по прошествии примерно столетия с того времени, как Гуннбьерн, сын Ульфа Краки, увидел неизвестное побережье к западу от Исландии, Эрик Рыжий, сделав приемную страну слишком жаркой, чтобы ее можно было принять, отправился по своим следам в Гренландию. У потрепанных штормом оставшихся людей, успешно совершивших эмиграцию в новую колонию Эрика, судя по скупому описанию Бьярни непривлекательных берегов, видимых с борта корабля, было мало причин снова искушать Провидение. Лейф, сын Эрика и исследователь будущего, родился в Исландии после смерти своего деда и, по всей вероятности, был еще ребенком. Оединственный сын Эрика, упомянутый в "Ланднамабоке", который посвящен только исландским родословным.

Достигнув совершеннолетия и совершив замечательное путешествие из Гренландии в Норвегию, выполнив затем трудную задачу обращения своих соотечественников в христианство, ему пришлось время искать новые миры для завоевания. Старая история была вспомнена, на корабле был экипаж, и было совершено первое настоящее открытие и разведка новых стран - подвиг, за который в книге Флэтея, как и везде, Лейфу принадлежит вся заслуга, точно так же, как его отец, а не Гуннбьерн, повсюду описывается как "первооткрыватель" Гренландии.

Путешествие Лейфа.

Далее говорится, что в то время как в версии Флэтея открытие Лейфа представлено как результат экспедиции, специально снаряженной для расследования сообщений Бьярни, во всех остальных отчетах оно единообразно описывается как случайный эпизод его обратного путешествия от двора Олафа Трюгвасона в Норвегии. Здесь снова следует помнить, что Лейф к тому времени был гренландцем, о точных деталях подвигов которого Исландия, вероятно, была недостаточно информирована и мало интересовалась. Основные факты его карьеры могут быть известны: что он был сыном Эрика Рыжего, что он плавал в Норвегию и привнес христианство в Гренландию, что он спас команду потерпевших кораблекрушение — особенно если, как рассказывается в Книге Флэтея, одной из них была исландская героиня Гудрид, — что он каким-то образом и в определенное время открыл Вайнланд Добрый и тем самым дал толчок последующей экспедиции Карлсефни. Более точные сведения не были необходимы в качестве прелюдии к рассказу о приключениях исландского героя Карлсефни; фактически, в той мере, в какой, вероятно, имело место какое-либо сознательное вмешательство в истину, можно

заметить, что чем меньше рассказывалось о путешествии Лейфа, тем больше была бы заслуга более позднего исследователя, которым одним исландцы, вероятно, были в целом заинтересованы. Такое положение вещей было в высшей степени рассчитано на то, чтобы произвести традиционное слияние двух рейсов в одно, которое, вероятно, было более широко известно по двум очевидным причинам. Во-первых, путешествие Лейфа в Норвегию и его возвращение с миссией Олафа Трюгвасона в Гренландию были важным фактом в истории этого короля-прозелита. Во-вторых, это представляло интерес для священников, которые стали историками как Исландии, так и Норвегии. Как я уже подчеркивал, слияние, а не расширение - нормальная тенденция традиции. "Человек с улицы" в наши дни вполне может быть знаком, например, с каким-либо инцидентом в карьере капитана Кука, не будучи в состоянии точно отнести его к конкретному плаванью мореплавателя или даже не будучи уверенным в точном количестве плаваний, которыми он отличился. На мой взгляд, гораздо более вероятно, что такое слияние имело место в рассказе Лейфа, как это обычно излагается в Исландии, чем что воображаемое и отчетливое путешествие должно было быть придумано и описано с большим количеством обстоятельств и подробностей.

Но, как говорят, рассказ Книги Флэтей стоит особняком, в то время как рассказ Хаука, каким бы кратким он ни был, подтверждается в других местах множеством независимых свидетельств. Однако при рассмотрении этот массив свидетельств сужается до размеров одного отрывка, повторяющегося в одном контексте с незначительными словесными вариациями в ряде различных рукописей.

Старейшая из дошедших до нас версий этого отрывка, содержащаяся во Фрийском кодексе "Книги королей Норвегии", включена в Приложение к нашему переводу ([стр. 74](#)). Другой пример из великой саги об Олафе Трюгвасоне может быть с пользой приведен здесь для сравнения:

Той же весной, когда король Олаф отправил Гизура и Хьялти в Исландию, как уже было написано, он также отправил Лейфа Эриксона в Гренландию проповедовать там христианство. Король нанял для него священника и других святых людей, чтобы они крестили тамошних людей и учили их правильной вере. Тем летом Лейф отправился в Гренландию. Он взял в море команду корабля, которая тогда была в беде и лежала на совершенно разбитом обломке корабля, и в том путешествии он нашел Вайнленд Добрый, и прибыл в конце того лета в Гренландию, и отправился домой в Браттахлид, к своему отцу Эрику. Впоследствии люди называли его Лейфом Счастливым. Но Эрик, его отец, сказал, что счет был сбалансирован, поскольку Лейф спас и даровал жизнь членам команды корабля и привез лицемера в Гренландию, поэтому он позвонил священнику.

Также можно сравнить аналогичный отрывок из "Хеймскринглы".

Помимо этого, у нас есть также более короткий отрывок из саги о Кристни, который сохранился для нас в Книге Хаука. Это последнее, переведенное таким же откровенно буквальным образом, также можно найти в Приложении Дополнительных отрывков, [стр. 75](#).

Первое, что бросается в глаза во всех этих отрывках, это то, что они происходят в одном и том же контексте - истории миссионерских начинаний короля Олафа Трюгвасона. Далее, мы пользуемся авторитетом Вигфуссона, утверждающего, что и "Сага о Кристни", и "Книга царств", хотя в их нынешнем виде они прошли через руки различных редакторов, в своем

первоначальном виде были произведениями пера Ари Ученого. Таким образом, во всех этих случаях мы имеем одного автора, один контекст и, по существу, одну фразеологию.

И, оставляя в стороне на данный момент точную форму используемых слов, мы можем справедливо сказать, что основное значение этих различных отрывков заключается в следующем: —Олаф Трюгвасон также способствовал обращению Гренландии. Для этой цели он нашел отличного агента в лице Лейфа, сына основателя этой колонии, человека, который отличился во многих отношениях, поскольку он не только привнес веру в эти погруженные во мрак регионы, но и заслужил титул "Счастливого", открыв Вайнленд и храбро и сенсационно спасши команду потерпевших кораблекрушение людей. Следует отметить, что карьера Лейфа имеет значение в этом контексте только постольку, поскольку она соприкасается с карьерой Олафа Трюгвасона, с которым автор в основном связан, и все, что ему было необходимо знать, и, возможно, все, что он действительно знал, - это тот факт, что Лейф был миссионером Олафа и что у него были различные другие претензии на выдающиеся достижения. Когда и как происходили эти различные приключения Лейфа, совершенно не имело отношения к делу и не нуждалось в тщательном расследовании. Таким образом, без какой-либо вины оригинального летописца, даже если он был ответственен за нынешний порядок слов, в Исландии могло легко возникнуть ложное представление об обстоятельствах обнаружения Лейфа.

Между двумя 'тэттирами', или эпизодами, составляющими нашу историю, включенную в сагу об Олафе Трюгвасоне "Книга Флэтей", появляется отрывок, уже цитировавшийся из других текстов, слегка отредактированный в соответствии с историей Вайнленда, содержащейся в книге, за счет исключения каких-либо ссылок на эту страну (см. Приложение дополнительных отрывков, стр. 75). Редактирование неполное, поскольку остается "Спасение экипажа", которое будет повторено позже при других обстоятельствах; но поскольку весь отрывок, очевидно, взят из того же источника, что и другие, которые были упомянуты, из этого нельзя сделать никаких обоснованных выводов, кроме того, что переписчики книги Флэтея не слишком сильно вмешивались в свои источники, что в целом указывает только на то, что история Вайнленда в том виде, в каком они ее переписывали, не претерпела изменений в процессе, что свидетельствует скорее в пользу этой версии, чем в пользу чего-либо другого.

Это также показывает, что тэттиры были взяты из независимого источника.

Мы можем резюмировать аргументы по этой части дела следующим образом:

1. Лейф был человеком, который попал в сферу интересов исландии не из-за его подвигов самих по себе, которые скорее касались Гренландии, а потому, что они имели отношение к истории исландского героя Карлсефни и норвежского короля Олафа Трюгвасона.
2. Для этой цели точные обстоятельства и дата его путешествия в Уайнленд были совершенно несущественны.
3. Таким образом, описания этого путешествия, как в рассказе Хаука о Вайнленде, так и в сагах об Олафе Трюгвасоне, как и следовало ожидать, чрезвычайно кратки и поверхностны.
4. Рассказ Лейфа, приведенный в книге Флэтея, с другой стороны, чрезвычайно обстоятелен и подробен и, по-видимому, был написан на основе более глубокого знания фактов.

5. Обычное течение традиции заключается скорее в объединении многих путешествий в одно, чем в расширении одного путешествия в рамках одной и той же истории на множество.

Можно упомянуть еще об одном моменте.

Участие во всех событиях книжной версии Флэтея принимается большинством тех, кто изучал предмет, особенно зафиксированным наблюдением продолжительности самого короткого дня, которое действительно является одним из самых обстоятельных моментов, которые можно найти в любой из этих историй. Теперь предположим, что это наблюдение было правильно приписано Лейфу, и оно не записано ни от кого другого, тогда ясно, что Лейф, должно быть, зимовал в новой стране, причем в самой южной ее точке, в которую он проник. Альтернативные версии, все как одна, полностью противоречат какой-либо подобной идее. Согласно им, Вайнленд был открыт Лейфом, когда он пытался вернуться из Норвегии в Гренландию летом 1000 года. Во-первых, по крайней мере в двух текстах, дающих эту версию истории, отчетливо говорится, а остальные подразумевают, что он прибыл в Гренландию в тот год, в который отправился в плавание. (Ср. Фриссбок: "Он прибыл осенью в Гренландию", и отрывок, встречающийся в основной части книги Флэтей "Сага об Олафе Трюгвасоне": "Он прибыл в Гренландию в конце того лета".)

Но помимо этих утверждений, мы можем спросить себя: вероятно ли, что Лейф провел бы зиму в Вайнленде, если бы он не прибыл туда с определенной исследовательской целью? Исходя из гипотезы случайности, он проделал этот путь и знал, что проделал, но к тому времени, как высадился на побережье Америки, был уже на огромном расстоянии от своего пути. Были бы у него припасы или желание перезимовать на недавно открытой земле? Предположим, что — как говорится в Книге Флэтея — он прибыл сначала в Хеллуланд, зачем ему оттуда плыть на юг через открытое море, если его пунктом назначения была Гренландия? Если бы он последовал вдоль побережья, то оказался бы в заливе Святого Лаврентия и не встретил бы ничего похожего на Винодельню из рассказа. [74] И невероятно, что он вышел прямо в море в направлении, противоположном его цели, и случайно наткнулся на две более южные "земли". Опять же, если мы предположим, что он прошел через опыт, описанный Бьярни, не является ли еще более маловероятным, что он предпочел бы провести всю осень и зиму в самом первом месте, которого он коснулся, без провизии и так далеко от дома? Разве он не отплыл бы, по крайней мере, в Гренландию после весьма беглого осмотра страны, как бы сильно ни намеревался вернуться туда в другой раз? Даже если мы полностью отвергнем косвенную версию Книги Флэтея и припишем наблюдение солнца Карлсефни, о котором это нигде не упоминается, мне кажется, что задержка, необходимая для сбора образцов местных продуктов, упомянутых в Саге Эрика и Книге Хаука, вряд ли имела место, если открытие страны было случайным и группа желала вернуться в Гренландию. Таким образом, по этим причинам, в дополнение к приведенным выше, мне кажется, что у нас есть основания считать версию Flatey аутентичной.

Шторм в своем исследовании Винландсрайсне настаивает на том, что было более вероятно, что Лейф, возвращаясь из Норвегии в Гренландию, должен был свернуть с пути в Америку, чем что Бьярни постигла та же участь на более коротком пути из Исландии. При тогдашнем состоянии навигации, конечно, ни в коем случае нельзя считать невероятным, что любой из капитанов промахнулся мимо пункта назначения с необходимым запасом. В те дни практически не существовало пределов возможного отклонения. Говорят, что Торстейн, плывший в Вайнленд, был отброшен встречными штормами к окрестностям Исландии и Ирландии, и независимо от

того, правда это или нет, исландской публике это явно не могло показаться невероятным. Однако следует помнить, что Лейф, предполагая, что открытие было сделано во время путешествия из Норвегии, шел известным курсом и преодолел известное расстояние; и если мы будем следовать единственной версии, которая дает информацию по этому вопросу, его, как и Карлсефни, сначала отнесло в Хеллуланд, что, по-видимому, подтверждает направление ветра, которое не могло быть очень неблагоприятным для его предполагаемого пункта назначения, Гренландии; Бьярни, с другой стороны, отправился в путешествие неопределенной продолжительности по неизвестному морю, и его высадка в Америке, как утверждается, произошла так далеко, что он оказался в юг, как указывающий на действительно встречные ветры. С учетом этих замечаний я не думаю, что в этом есть что-то особенное, ни в ту, ни в другую сторону.

Торвальд.

Следующее отличие, на которое следует обратить внимание, касается судьбы Торвальда Эриксона. Книга Флэтея приписывает ему независимое путешествие и разумную смерть от рук дикарей. Подробности этого путешествия даны подробно и, по существу, в естественной и достоверной форме. Другая версия его смерти явно невероятна, поскольку она вводит в действие "одночленное" сказочное существо, известное классической легенде.

История Хаука, более того, делает Торвальда компаньоном Карлсефни, а не независимым исследователем. Далее следует отметить, что до эпизода с его смертью нет уверенности в том, что в первоначальной формулировке этого текста вообще упоминается Торвальд Эриксон. До момента экспедиции Карлсефни единственное упоминание о семье Эрика в любом из сопутствующих текстов звучит следующим образом: "В то время у Эрика была жена по имени Тьодхильд, а от нее двое сыновей, одного звали Торстейн, а другого Лейф": Торвальд, как следует заметить, вообще не упоминается. В списке тех, кто сопровождал Карлсефни, более чистый текст "Саги об Эрике" снова не содержит упоминания об этом сыне дома. 'Жил-был человек по имени Торвальд, - говорится в нем, - который был связан узами брака с Эриком Рыжим'. Торвальд, связь по браку, очевидно, не является сыном Эрика, но, поскольку Хаук пока правильно исправляет этот отрывок, вместо "Торвард, который женился на Фрейдис, внебрачной дочери Эрика Рыжего". Затем Хаук вставляет 'и Торвальда Эриксона' в соответствии с историей его смерти, которая приводится впоследствии. Этот, однотипный эпизод, по-видимому, более поздний по происхождению, чем основная часть саги. Мелодраматическая предсмертная речь Торвальда почти дословно заимствована из сцены смерти Тормода Кольбрунарскальда, приведенной в "Хеймскрингле"; так что гренландец в Вайнленде представлен здесь как разумно предвосхищающий высказывание исландца в Норвегии. С другой стороны, одноногий, как уже указывалось, является заимствованной концепцией: это не существо, типичное для обычных суеверий ранней Скандинавии. Отрывок, как будет видно из ссылки на текст, где он был опущен, никоим образом не является необходимым для рассказа, и его отсутствие не влияет на смысл. Таким образом, может показаться, что автор текста, на котором основана версия Хаука, взяв из другого источника преувеличенный и романтизированный рассказ о смерти Торвальда в Вайнленде, вставил его в сагу, не потрудившись привести свой рассказ о семье Эрика или спутниках Карлсефни в соответствие с окончательной формой истории.

Два аргумента, которые я уже использовал, с равной силой применимы к этой части вопроса. Торстейн, как муж Гудрид, которая впоследствии благодаря браку с Карлсефни стала исландской героиней, был человеком, необходимым для исландской версии этой истории. Как и Лейф, потому что его путешествие, каким бы оно ни было, стало причиной последующих исследований Карлсефни. Но Торвальд был личностью, никоим образом не интересной исландцам; он отправился в Гренландию со своим отцом, вероятно, еще ребенком, и был 'вне истории'. Другой момент - это нормальная тенденция традиции. Важное путешествие к исландцам принадлежало Карлсефни, и оно, вероятно, шло обычным путем, подобно змию Аарона, чтобы поглотить всех второстепенных соперников, дальнейшее существование которых не было необходимо для его собственного. Таким образом, книжная версия "Приключений и смерти Торвальда" Флати кажется мне бесконечно более удовлетворительной, чем другая, и возражения против нее, по-видимому, не имеют большого веса.

Фрейдис.

Все, что было сказано до сих пор, относится ко второму путешествию Фрейдис. После возвращения Карлсефни в Исландию его интерес к Гренландии и Вайнландии прекратился, а вместе с ним, естественно, исчез и интерес обычного исландского историка и публики. 'И это конец этой истории', - говорит автор "Саги об Эрике Рыжем", откладывая перо после того, как Карлсефни благополучно вернулся домой, а его исландские потомки были должным образом занесены в хроники. То, что произошло в Гренландии позже, его не касается. Но жизнь в Гренландии продолжалась, и из этого никоим образом нельзя сделать вывод, что в семье Эрика ничего не произошло, потому что в саге, посвященной в основном другому человеку, ничего не было записано. Те, кто будет оспаривать подлинность этого путешествия, должны занять другую позицию и показать на основе самой истории, что оно по своей сути невозможно. Эта задача, без сомнения, была предпринята, но мне кажется, что сага успешно выходит из этого тяжелого испытания. Поведение Фрейдис и ее мужа, описанное в книге Флэтти, полностью соответствует их характерам, описанным в конкурирующей версии. Я совершенно не в состоянии уследить за рассуждениями Лэйнга, который считает этот инцидент сам по себе невероятным, хотя другие, похоже, разделяют его точку зрения. Независимость и способность ко злу, которыми обладала исландская жена периода саг, хорошо проиллюстрированы в "Саге о Ньяле", где жены Ньяля и Гуннара соответственно ведут кровавую вендетту с полным иммунитетом к самим себе, но за немалый счет для своих неохотных, но бессильных мужей, которые, хотя и на условиях полной дружбы, постоянно вынуждены выплачивать друг другу компенсацию за убийства членов их семей, совершенные третьими лицами по подстрекательству этих женщин.

Конечно, интервью между Фрейдис и Финнбоги не может быть подлинным, поскольку не осталось ни одного свидетеля, кроме самой Фрейдис, чья версия, естественно, отличалась бы, и детали истории вполне могли быть доработаны более поздней рукой.

Но рассмотрим факты отдельно от этого: Фрейдис, женщина, которую повсюду представляют как женщину с мужским характером, замужем за богатым ничтожеством по имени Торвард. Из презрительной брани, которую Фрейдис осыпает своих охваченных паникой товарищей по битве со скрелингами в Книге Хаука, мы получаем прекрасное представление о ее характере. Она и ее муж отплывают в Вайнленд с Хельги и Финнбоги, которых она обманывает и запугивает на каждом шагу. Экипажи двух кораблей вскоре перестают разговаривать; еще немного - и начнется ожесточенная стычка. У братьев корабль гораздо лучше, чем у Фрейдис, и на этот

корабль она, добившаяся своего во всех остальных отношениях, положила свое сердце. Она предпринимает бесплодную попытку выторговать желанный сосуд, как Ахав сначала выторговал виноградник Навуфея. Ее попытки отвергнуты, она в ярости возвращается к своему несчастному и беспомощному мужу, которому она представляет поведение Хельги и Финнбоги как оскорбление, которое будет смыто кровью. Подкаблучник Торвард привинчен к месту, он выгоняет своих людей, между которыми и экипажем соперника уже идет ссора, тлеющая под прикрытием вооруженного нейтралитета. Лагерь братьев подвергается нападению, и мужчины убиты. Остаются женщины, грозные свидетели бесчинства, которых, тем не менее, рыцарство мужского пола пощадило бы. 'Дай мне топор', - говорит Фрейдис ('Целеустремленная, дай мне кинжалы'). Переворот не должен быть разрушен гуманитарными соображениями: мертвые мужчины (и женщины) ничего не рассказывают сказки. Бойня завершена. Несомненно, все это согласуется с нашим опытом общения с женщинами такого типа в истории и даже в современной жизни. Мужчина проводит черту, им правят условности, есть 'вещи, которые ни один мужчина не может сделать'. Женщина - это закон для самой себя, и в результате есть высоты, на которые она взбирается, за которыми не последуют идеалы ни одного мужчины, и глубины, в которые она падает, от которых мужчины, к счастью, защищены. У мужчин предательство и трусость идут рука об руку; у женщин мужская храбрость, кажется, просто убивает их природную деликатность и боязнь крови, они могут быть храбрыми и все же опускаться до самых низких проявлений подлости и жестокости. Джудит, Иезавель, Леди Макбет — какие они храбрые и в то же время какие позорные вероломцы! Это, конечно, дело индивидуального суждения: пробный камень для такого рассказа нельзя найти среди канонов критики. Для меня эта ужасная история воспринимается как один из самых естественных, последовательных и человеческих эпизодов в истории; и хотя, конечно, такая характеристика не выходит за рамки возможностей блестящего автора художественной литературы, мне кажется гораздо разумнее принять ее за подлинную историю. Зачем этой ужасной клевете уродовать анналы выдающегося дома Эрика Рыжего, если в ней ничего не было? Кто бы осмелился выдумать это, если бы это не было правдой?

Таким образом, я утверждаю, что в основном, там, где две истории конфликтуют, предпочтительнее во всем придерживаться версии книги Флэтея, и что предполагаемые расхождения сводятся лишь к тому, что естественное развитие традиции в Исландии привело в значительной степени к игнорированию одних элементов в истории и слиянию других в тех эпизодах, которые для исландцев были более важными. Некоторую небольшую дополнительную поддержку выдвинутой здесь точке зрения дает ссылка Адама Бременского на Вайнленд, о которой говорилось в другой главе. Ибо он утверждает, что эта страна была "*a multis repertam*", то есть открыта или исследована многими. Это, насколько можно судить, говорит в пользу Книги Флэтея, поскольку страну, которую он посетил всего два раза, причем один из которых был случайным, вряд ли можно так описать.

Даже там, где повествования более близки друг к другу, книга Флэтей кажется мне в целом более надежной версией.

Курсы.

Особенно это касается курсов, приведенных в повествовании. Согласно "Саге об Эрике Рыжем" и книге Хаука, Карлсефни редко плавал в каком-либо направлении, кроме юга. Таким образом, от Гренландии до Хеллулэнда на юг; от Хеллулэнда до Маркленда либо на юг, либо на юго-

восток; от Маркленда до Килнесса на юг, согласно Хауку, в сопутствующей версии ничего не говорится; от Страумсфьорда до Хопа, опять же, на юг. Теперь, куда бы мы ни поместили земли, открытые в Америке, ситуация действительно требует гораздо большего направления на запад, чем на юг, на протяжении большей части путешествия. В заявлении, которое является лишь приблизительным, нам нужен пеленг на юго-запад. Это нигде не встречается в синоптических версиях. Теперь сравните книгу Флэтея. Возвращение Бьярни происходит исключительно на северо-восток; следовательно, земли лежат, как и в действительности, на юго-западной линии. Лейф плывет на юго-запад из Маркленда в Вайнленд, и подразумевается, что в других местах его курс совпадал с курсом Бьярни. Это, во всяком случае, дает нам хорошее основание предполагать, что данные, содержащиеся в Книге Флэтея, являются более достоверными. По крайней мере, эти утверждения свидетельствуют о полной независимости версии Флэтея и опровергают уже рассмотренное предположение о том, что это повествование является просто извращенным переплетением намеков, содержащихся в другом.

Удивительно обнаружить, что Сторм и его школа предпочитают курсы, изложенные в конкурирующей версии, и, похоже, демонстрируют большие трудности в понимании географии Книги Флэтти. Они даже говорят, что последнее наводит их на мысль о побережье, обращенном на север или северо-восток. Трудно понять, как к этому пришли. Когда Бьярни повернул в северо-восточном направлении в поисках пути домой, нам говорят, что он 'покинул сушу по левому борту'. Это ясно указывает на то, что побережье лежало к северу от него и было обращено на юг, через некоторое время отклоняясь к северу так, чтобы исчезнуть из виду. Итак, опять же, Торвальд со своей базы в Вайнленде может отправиться на восток или запад, но, чтобы добраться до "более северной части страны", он должен сначала повернуть на восток. Это передает ту же идею, что и путешествие Бьярни, - обращенное на юг побережье, поворачивающее к северу на своей восточной оконечности. Правда, в "этом путешествии" есть слово, которое, по-видимому, подразумевает курс на восток после выхода из Килнесса; это будет обсуждаться позже, но в любом случае, если бы его пришлось отвергнуть, это не оправдывало бы взглядов, выраженных Штормом и его последователями относительно географии книги Флэтти в целом.

Выброшенный на берег кит.

Я включил конкурирующую версию путешествия Карлсефни в рассказ в том виде, в каком я ее представил, поскольку различия невелики, а принятая версия менее сжата и, следовательно, содержит больше информации. Однако я приведу пример, чтобы показать, что и здесь версия Flatey, скорее всего, будет точной. Несомненно, самыми древними частями текста обоих авторитетов являются стихи, приписываемые Торхаллю Охотнику в саге, принятой Хауком. Самые придирчивые критики признают, что на них имеются все указания на дату, соответствующую их предполагаемому происхождению. Даже доктор Нансен допускает их подлинность. Теперь внимательному читателю, вероятно, бросится в глаза, что второе из этих двух стихотворений не имеет никакого отношения к своему контексту. Эти стихи, прямо или косвенно, передают следующие факты:

1. Это высказывания человека, который оставляет Новый Мир позади, чтобы вернуться в свою страну.
2. Те, кого он оставляет позади себя, находятся в Furdustrands.

3. Эти люди довольствуются диетой из вареного кита, которую поэт считает непривлекательной.

Текст, с другой стороны, передает совершенно другой набор фактов:

1. Стихи написаны человеком, который предлагает отправиться на север в поисках Вайнленда.

2. Исследователи находятся в Страумсфьорде, далеко к югу от Фурдустрандса, и основная группа предполагает уйти еще дальше от этой местности. (Я, однако, не придаю большого значения этому расхождению, полагая, что название Фурдустрандс широко применялось к большому району, в который вполне мог быть включен Страумсфьорд.)

3. Единственным человеком, который, казалось, остался доволен китом и действительно приписал себе его появление, был автор стихотворения. Остальные заболели от негои, услышав о его предполагаемом происхождении, вообще отказались его есть.

Очевидно, что эти различия совершенно непримиримы, и, поскольку стихотворение является более надежным источником, от версии, содержащейся в тексте на данном этапе, следует отказаться. Как говорит Шторм, тот факт, что автор явно неправильно понял процитированные стихи, сам по себе свидетельствует о более древнем возрасте последнего. Но в книге Флэтея, хотя рассказ и сильно сжат, нет упоминания о Торхолле или его стихах, кит имеет совершенно естественное происхождение, и все исследователи съедают его без каких-либо затруднений. Мы можем, однако, разумно предположить, что такая еда не пришлась бы по вкусу привередливому человеку и вполне могла бы спровоцировать высказывание чувств, воплощенных в старой песне. Во всяком случае, между текстом книги Флэтея и стихотворением нет никакого несоответствия.

Есть одно или два незначительных расхождения, которые теперь необходимо рассмотреть. В книге Флэтея говорится, что визит Лейфа в Норвегию состоялся через шестнадцать лет после колонизации Эриком Гренландии. Это позволяет датировать его прибытие после смерти Олафа в сентябре 1000 года. Но Эрик исследовал Гренландию с прицелом на колонию за три года до ее фактического открытия, и если мы примем это за то, что дата первого визита упоминается как часть той же сделки, этот момент исчезает.

Тори Истман.

Ни в одном другом сообщении в исландской литературе мы не находим упоминания Гудрид как вдовы или жены Тори Истман, то есть норвежки, которую Лейф спас иззатонувшего судна. До сих пор не является невероятным, что она была такой. Гудрид, по-видимому, прибыла в Гренландию примерно в то время, когда Лейф отсутствовал в своем исследовательском путешествии, а Тори, судя по его замечаниям, приведенным в Книге Флэтея, похоже, был знаком с Браттахлидом до его кораблекрушения, которое произошло недалеко от побережья Гренландии. Предположим, что он женился на Гудрид примерно в это же время, нам говорят, что он умер той же зимой, и Гудрид почти сразу же была бы свободна выйти замуж, как нам сказали, за Торстейна Эриксона; следовательно, когда Карлсефни женился на ней, что было важным событием в ее карьере с точки зрения специалистов по генеалогии саг, она была бы, как свидетельствуют все источники, вдовой Торстейна, и краткий эпизод ее брака сравнительно незначительным Тори вскоре был бы забыт, особенно потому, что Тори была норвежкой и, следовательно, не представляла интереса. за исландцев.

Смерть Эрика Рыжего.

Более важный вопрос возникает в связи с различными противоречивыми заявлениями относительно окончательной религиозной веры Эрика Рыжего и точного времени его смерти. По этим пунктам Книга Флати не совсем согласуется сама с собой, поскольку в основной части "Саги об Олафе Трюгвасоне", глава 352, говорится, что Эрик был обращен. Однако этот отрывок, очевидно, взят из другого источника, и, говоря в общих чертах, в книге Флэтея есть утверждение, что Эрик умер зимой после возвращения Лейфа из Вайнленда, что вряд ли дало бы время для его, по общему признанию, медленного обращения в христианство, в то время как в версии Хаука Эрик дожил до времен Карлсефни. Неоднократные заявления других авторитетных источников о низком мнении Эрика о священнике, которого он назвал обманщиком или лицемером, придают окраску теории о том, что он умер необращенным. Священнический летописец его достижений, с другой стороны, несомненно, одобрил бы любой слух об окончательном обращении своего героя. Вряд ли стоило бы, если бы этого можно было избежать, оставлять этого пионера колониального предпринимательства в аду, который, по верованиям того времени, неизбежно обрекли бы на него, если бы он до конца отказался отказаться от своего старого кредо.

В целом я склонен думать, что Книга Флэтея права, утверждая, что Эрик был мертв, когда происходили более поздние путешествия.

Если мы взглянем на хронологию, то обнаружим, что Эрик к 981 или 982 году (дата первого путешествия в Гренландию) пробыл в Исландии достаточно долго, чтобы обзавестись как друзьями, так и врагами. До того, как он приехал в Исландию, он был достаточно взрослым, чтобы быть замешанным в убийстве своего отца. [75] Он женился, и до его трехлетнего изгнания из Исландии родился сын. Сыновья Торда Гелли, то есть братья бабушки Карлсефни, были в числе его активных врагов. Отец Гудрид, Торбьерн Вифилсон, был среди его современников, как и Херюльф, у которого был взрослый сын, который несколько лет владел кораблем в 985-6 годах. Правда, Снорри Годи, родившийся в 963 году, и сыновья Торбранда Альптафьордского были среди тех, кто участвовал в его расправах, но они, должно быть, были среди его младших современников. В 985 или 986 году Эрик занял прочное положение лидера людей; на момент путешествия Лейфа он считал себя стариком. Если мы поместим его рождение на полпути между рождением Снорри Годи (963) и его отца (938), то мы не сильно ошибемся. Следовательно, Эрик должен был родиться около 950 года.

Итак, путешествие Карлсефни, несмотря на некоторые утверждения об обратном в сагах, могло произойти примерно через четверть века после путешествия Лейфа, независимо от того, датируем ли мы последнее 1000 годом н.э., следуя Хауку, или 1002 годом, принимая Книгу Флэтея. Это, хотя и не является общепризнанным, ясно из известных дат потомков сына Карлсефни, родившегося в Вайнленде. Внук Снорри, епископ Торлак, родился, как мы находим в летописях, в 1085 году; епископ Бранд первый, правнук Снорри, умер в 1201 году. Таким образом, мать Бранда, принадлежавшая к тому же поколению, что и Торлак, вряд ли могла родиться так рано, в 1085 году. Принимая среднюю дату рождения детей Снорри за тридцать лет до 1085 года, что является либеральным допущением, мы получаем дату 1055. Следовательно, Снорри не мог родиться намного раньше 1025 года. Если верить Книге Флэтея, Гудрид вышла замуж в 1003 году, и она, безусловно, достигла брачного возраста перед отъездом из Исландии и была вдовой, когда Карлсефни женился на ней. Путешествие

Карлсефни и рождение Снорри, соответственно, следует относить скорее к 1025 году, скажем, к 1020 году. В это время Эрику было бы около 70 лет, и, особенно если учесть, что он старел в 1002 году, крайне маловероятно, что он прожил так долго среди тягот жизни в Гренландии.

Опять же, когда король Олаф Святой около 1018 года пожелал избавиться от надоедливого слепого короля Ререка, и поручил Торару Нефьольфсону отвезти его в Гренландию, получателем груза он назначил Лейфа Эриксона, а не его отца. (Смотрите Хеймскрингла, "Сага об Олафе Святом", с. 85.)

Наконец, кажется странным, что Лейфу не следовало сопровождать Карлсефни в его путешествии, если ему особо нечего было делать в Гренландии, тогда как если управление Браттахлидом и контроль над колонией легли на его плечи после смерти его отца, позиция вполне понятна. [76]

Соответственно, есть масса оснований заключить, что и по этому пункту книга Флэтея права, а Хаук ошибается.

Другие мелкие расхождения, которые не ускользнули от внимания комментаторов, могут быть объяснены как канцелярские опечатки и, следовательно, не затрагивают сути вопроса. Предполагаемая невероятность некоторых деталей в обоих повествованиях будет обсуждаться ниже.

Однако мне кажется, что плодам такого рода микроскопической критики легко может быть придано слишком большое значение. Общий факт, что у нас есть две совершенно независимые версии, рассказывающие во всех смыслах одну и ту же историю — во всяком случае, предоставляющие материал для по существу последовательной и обстоятельной истории, собранной из обоих источников, — гораздо важнее, чем существование любого количества незначительных расхождений. Я думаю, что, ставя себя, насколько это возможно, на место как действующих лиц, так и хроникеров этих приключений, мы, скорее всего, получим более полное представление о фактах такими, какими они были, и о правде, с которой они были связаны, чем если бы мы слишком пристально вглядывались в каждую строчку и каждое слово с целью, если это возможно, установить неизбежное, но тривиальное несоответствие.

Сага о Гренландии?

Читатель, который до сих пор внимательно следил за аргументацией, на этом этапе, вероятно, будет склонен сделать следующее замечание: вы утверждаете, что история, скорее всего, утратила дополнительные факты, приведенные в книге Флэтея, чем изобрела их в результате естественного действия традиции. Ну и отлично. Вы также указываете, с определенной долей правдоподобия, что вероятное состояние интереса и знаний в Исландии было как раз таким, чтобы вызвать именно те изменения и упущения по сравнению с тем, что вы считаете истинным ходом истории, которые, по вашему мнению, имели место в том, что мы можем назвать версией Хаука. Однако вы, по-видимому, забываете, что оба текста написаны на исландском, и что этот аргумент, следовательно, должен с равной силой применяться к версии Флэтея, где, тем не менее, сохранены части, неинтересные исландцам.

Моим первым ответом на это было бы то, что вполне возможно, что реальные факты могут быть сохранены в одной версии в Исландии, даже если они не представляют большого интереса для жителей этой страны, но крайне маловероятно, что исландский хронист приложил бы усилия,

чтобы дополнить вымыслом именно те моменты, которые его аудитория почувствовала бы наименьшее беспокойство.

Однако, по моему личному убеждению, версия Флэтея в основном взята из гренландского источника. Здесь мы выдвигаем гипотезу, которая, кстати, высказывалась и раньше, но, возможно, будет интересно вкратце рассмотреть основания, на которых основана такая теория.

Во-первых, невероятно, чтобы в узких пределах Исландии бок о бок существовали две совершенно независимые версии одной и той же истории. Первоначальные рассказчики в этой стране были странствующими, между семьями, проживавшими в разных частях острова, существовали тесные связи, и было бы странно, если бы традиции одного района остались незатронутыми традициями другого. Но наиболее общепризнанным моментом в отношении этих двух версий является то, что, за исключением некоторых вводных и генеалогических моментов, почерпнутых из общего источника, ландамабок, хотя в целом факты соответствуют, истории явно независимы.

Это любопытное обстоятельство сразу же становится понятным, если мы предположим, что историк, автор книги Флэтея, имел доступ к саге, сочиненной в Гренландии.

Далее, заметной и уникальной характеристикой рукописи Флэтея, рассматриваемой в целом, является то, что библиотека, из которой она была взята, очевидно, была богата литературой о скандинавских колониях, существовавших за пределами Исландии. Эта особенность была замечена Вигфуссоном в его предисловии к "Оркнейской саге" из серии "Роллс" (стр. xxxii). 'На ее страницах, - пишет он о книге Флэтея, - сохранилось более половины всего, что мы знаем о древней истории Оркнейских островов, Фарерских островов, Гренландии и Вайнленда (Америка). Действительно, Джон Хаконсон и двое его переписчиков, похоже, по какой-то неизвестной сейчас причине уделили особое внимание сбору каждого клочка, относящегося к этим соседним землям Внешней, или Колониальной, Скандинавии.' Следовательно, именно в таком произведении, как Книга Флэтея, мы могли бы ожидать найти включенную сагу, почерпнутую из диковинного источника, подобного тому, который я предложил. Мы также знаем, что практика рассказывания саг продолжалась в новой колонии так же, как и в старой, что действительно было *априори* вероятно. В Саге об Эрике Рыжем такая форма развлечения прямо упоминается как средство, с помощью которого ночи арктической зимы были оживлены во время визита Карлсефни в Браттахлид. В арсенале этих гренландских рассказчиков неизбежно должен был быть подробный рассказ об основателе колонии, таким образом создавая конкурирующую "Сагу об Эрике", такую, как я утверждал (*выше*, [стр. 108](#)), на которую ссылается книга Флэтея в отрывке, где упоминается "Сага об Эрике". Теперь, обратившись к внутренним свидетельствам, мы обнаружим, что в подтверждении выдвинутой теории ни в коем случае нет недостатка. Мало того, что книга Флати, как уже отмечалось, содержит именно те эпизоды, которые заинтересовали бы Гренландию, а не Исландию, например, путешествие Бьярни, обстоятельства, дату и детали путешествия Лейфа, а также полное описание семьи Эрика, но и наоборот, там, где интерес к Гренландии, естественно, иссяк, книга Флати гораздо менее богата деталями, чем ее конкуренты. Возьмем, к примеру, случай с Гудрид. Для исландцев эта дама была самым важным персонажем, прародительницей многих выдающихся людей. Для гренландцев она была девушкой, которая нанесла временный визит в колонию и в течение нескольких месяцев была женой сына из дома Браттахлидов, который рано умер, прежде чем обещание его юности было выполнено. Затем она вышла замуж за

исландца Карлсефни и исчезла из их поля зрения. Следовательно, хотя исландский переписчик Книги Флэтей смог сообщить некоторые факты о ее потомках в заключительных абзацах рассказа, мы обнаруживаем чрезвычайную нехватку информации о Гудрид в этой версии по сравнению с другой.

В Книге Флэтей она подчинена по значимости свирепой Фрейдис и ее мужу-подкаблучнику. Помимо основных приключений этой пары, нам дается краткое описание их характеров, корыстной природы их союза и точного места их проживания, которое описывается фразой, представляющей, как можно было бы подумать, больший интерес для гренландской, чем исландской аудитории, как *"Гарда, где сейчас находится собор"*. О происхождении Гудрид нам ничего не сказано. Она внезапно появляется в книге Флэтея как жена норвежца Тори, которого Лейф спас в море. Об этом браке, который зафиксирован только в этом единственном источнике, я уже говорил. Принимать это как факт или нет - на данный момент неважно, суть в том, что Гудрид внезапно появляется в истории как человек, чья предыдущая история не имеет значения. В конкурирующих версиях она является главной героиней, которая удерживает сцену от начала до конца. Сага начинается отрывком, в остальном не имеющим отношения к делу, объясняющим происхождение ее семьи из Исландии, во времена ее предполагаемого деда Вифила. Затем, после того как Эрик Рыжий мигрировал в Гренландию, у нас есть еще одна интерлюдия, посвященная объяснению причин, побудивших ее эмигрировать с отцом в новую колонию, за которой следует описание сеанса сивиллы, в котором Гудрид сыграла столь важную роль, которое настолько яркое и реальное, что вызывает подозрение, что оно могло быть почерпнуто из описания самой Гудрид.

В настоящее время общепринятым объяснением версии Флэтея является то, что, будучи составленной на севере Исландии, в непосредственной близости от религиозного учреждения, связанного с благочестием Гудрид, и в районе, где была поселена семья Карлсефни, история взята из отчетов исландского исследователя. И действительно, заключительные абзацы, в которых должным образом указаны потомки этой пары, вполне могут быть приписаны местному происхождению. На то, что в этом месте имеет место какое-то сочетание различных источников, указывает тот факт, что утверждение *'многие люди произошли от Карлсефни'* встречается дважды в разных местах ближе к концу саги. Фактически, это читается точно так, как если бы последний отрывок, начинающийся словами *"и когда Карлсефни был мертв"*, был дополнением из местных источников. Но разве не удивительно в последней степени, если общепринятая теория верна для всей истории, что только здесь мы недостаточно информированы о карьере и происхождении местной героини?

Опять же, если эта история является результатом полного отчета, который, как нам сказали, оставил Карлсефни о своих приключениях, разве не замечательно, что только в описании этого путешествия Книга Флэтея уступает место по обстоятельствам и деталям конкурирующему отчету? Ни слова не сказано об исландских сообщниках-авантюристах, Бьярни Гримольфсоне и Снорри; более того, нам дают понять, что Карлсефни прибыл из Норвегии, не останавливаясь по пути в Исландии, чтобы присоединиться к силам каких-либо подобных товарищей. И вся история этого путешествия, в отличие от других экспедиций, подробно описанных в Книге Флэтея, по сравнению с альтернативным изложением, довольно отрывочна и скудна. Это вполне может быть правдой, поскольку Карлсефни, очевидно, вернулся в Гренландию, прежде чем отправиться домой, и многие из его спутников были гренландцами, но, как и следовало ожидать от гренландской версии этой истории, она сжата в самое краткое изложение.

Если рассказ о путешествиях в Вайнленд, который можно найти в Книге Флэтея, был написан в Гренландии, очевидно, что он был гораздо менее подвержен литературному и другим влияниям, связанным с общением с другими странами, чем исландские саги. Сношения между Гренландией и внешним миром, должно быть, всегда были редкими, и действие эдикта, изданного королем Норвегии в 1294 году, который установил монополию короны на торговые отношения с Гренландией, очень быстро привело к упадку и исчезновению колонии, которое, по-видимому, было завершено около 1400 года нашей эры. В частности, эдикт прервал связь с Исландией. Только в одном отношении мы должны ожидать, что гренландская сага будет затронута современными событиями. И это именно то, что мы на самом деле обнаруживаем в данном случае.

Прямые рейсы в Норвегию.

Как указал доктор Сорм в предисловии к своему превосходному изданию "Саги об Эрике Рыжем", повествование Флэтея содержит необычайное количество прямых рейсов между Гренландией и Норвегией. Помимо Бьярни Херюльфсона, сначала происходит прибытие Карлсефни, который, как здесь утверждается, родом из Норвегии; есть его возвращение прямо в Норвегию, где он продает свою "хуса-снотру" немцу из Бремена; и, наконец, в истории экспедиции Фрейдис есть прибытие братьев, Хельги и Финнбоги, из Норвегии.

Теперь доктор Сорм видит во всем этом всего лишь дополнительный пункт в своем обвинительном заключении против Книги Флэтли. Разговоры о прямых рейсах между Гренландией и Норвегией отдают временами королевской монополии; бременские немцы предполагают дату, следующую за учреждением Ганзейского союза в Бергене. Я думаю, что эти анахронизмы установлены с некоторой степенью достоверности; но мне также приходит в голову, что ошибка скорее наводит на мысль о гренландском, чем об исландском источнике. Трудно предположить, что редкие корабли, которые плавали в Гренландию под королевской монополией в XIII и XIV веках, на самом деле не заходили в Исландию, которая лежала прямо на их пути. Если бы они сделали это, то не подсказали бы исландцу идею прямого плавания между Норвегией и Гренландией; если бы они этого не сделали, они вообще не были бы представлены в сознании исландцев. С другой стороны, для гренландца примерно того периода, когда создавалась книга Флэтея, или даже раньше, любое судно, прибывшее из Гренландии, было бы "кораблем из Норвегии", то есть кораблем, доставляющим необходимые припасы из единственного доступного источника. И, поскольку оригинальные саги, дошедшие до него, вряд ли были бы сильно посвящены происхождению или назначению кораблей, которые приходили в Гренландию, ошибка при упоминании Норвегии могла легко вкрасаться.

То же самое и с эпизодом с бременским купцом. Это отдает четырнадцатым веком, и очевидно, что действия Карлсефни после отъезда из Гренландии не были бы точно известны жителю этой страны. Но не кажется невероятным, что гренландцы, оставшись без древесины, продолжали посещать новые земли, чтобы добыть такие товары, особенно для использования в кораблестроении, и действительно, Исландские анналы за 1347 год содержат упоминание о корабле, прибывшем из Маркленда. Следует помнить, что вуд 'месур' нигде конкретно не упоминается в описании книги Флэтей, что делает вероятным, что этот отрывок взят из источника, отличного от основного повествования. Но позже какой-нибудь анонимный гренландец вполне мог продать "хуса-снотру", которая, по-видимому, была чем-то связанным с кораблем, немцу в Бергене или где-то еще, и, в соответствии с тенденцией, на которую

делались намеки, приписывать действия менее известных персонажей более выдающимся, сделка могла легко ассоциироваться с Карлсефни, как главным героем вайнландской традиции и единственным, кто после своего возвращения покинул берега Гренландии.

Все это указывает на Гренландию как страну, где возникла книжная версия истории Флэтея, и если это так, то это не только объясняет несколько несоответствий в конкурирующих версиях, но и делает вероятным, что сохранившийся здесь рассказ избежал загрязнения, которое повлияло на более поздние исландские саги, под влиянием иностранной литературы.

III. ИСТОРИИ КАК ИСТОРИЯ

Теперь, я думаю, установлено, что открытие Америки норвежцами является историческим фактом, и что общие линии этой истории имеют серьезные основания считаться историей. Хотя многое было и должно быть общепризнано, все еще существуют значительные расхождения во мнениях относительно того, в какой степени детали любой из версий следует рассматривать как часть аутентичных записей, и в какой степени, если вообще, сага была загрязнена внешними и мифологическими влияниями. Некоторые авторы, такие как Рафн и Хорсфорд, относились к этим записям с доверчивостью, на которую, вероятно, не имеет права ни одна ранняя историческая работа; другие, чьи взгляды доктор Нансен, возможно, является наиболее выдающимся выразителем, считают, что допустимый элемент истины был настолько обложен вымыслом и заимствованной мифологией, что детали больше не могут претендовать на то, чтобы считаться историческими. "Таким образом, будет видно, - говорит автор, упомянутый последним, - что все повествование о путешествиях в Вайнленд представляет собой мозаику, состоящую из одной черты за другой, собранных с Востока и Запада". [77]

Нам необходимо выбрать свой путь между этими двумя точками зрения, и при этом я предлагаю уделить большую часть своего внимания аргументам доктора Нансена, который наиболее искусно и с большим объемом исследований, с которыми было бы трудно сравниться, излагает точку зрения, которая самым прямым образом противоположна моей собственной.

Примесь Сверхъестественного.

Конечно, в писаниях столь примитивной и суеверной эпохи, основанных на устных преданиях еще более ранней эпохи, мы не можем ожидать найти стандарт исторической точности, равный современному. Авторы, какими бы правдивыми ни были их намерения, не достигли той стадии просветления, которая позволила бы им отделить факты от мифов, поскольку оба элемента казались им одинаково достоверными. Как откровенно постулировал Ливий в случае с Римом, древности следует уступить некоторую вольность в переодевании ранней истории за счет примеси суеверия к фактам, которые она стремится зафиксировать. 'Предполагать, - говорит Дасент в своем замечательном введении к "Саге о Ньяле", - что в истории, рассказанной в одиннадцатом веке, когда безоговорочно верили в фантомов, и когда сны, и предупреждения, и знаки были частью веры каждого человека, должно отсутствовать этих признаков подлинности, значит просто требовать, чтобы отсутствовало одно великое доказательство ее правдивости'. Другими словами, можно было бы с большим подозрением отнестись к подлинности любой истории, которая считается древней, если бы в ней не было обнаружено никаких следов

сверхъестественного. Подобные вещи можно увидеть в современных хрониках древних времен не реже, чем в историях, написанных спустя много лет после описываемых событий; доказательств могло быть недостаточно, чтобы удовлетворить члена Общества психических исследований, но их было достаточно для тех, кто жил в примитивные и легковверные времена. Призраки и чудеса такой истории, не только в Исландии, но и повсюду, не являются сознательными выдумками историка и на самом деле не наносят ущерба его репутации.

В рассматриваемых здесь повествованиях будет замечено, что большая часть сверхъестественных событий ограничена той частью, которая касается Гренландии, то есть той частью, которая в основном наиболее убедительно установлена. Гренландия, конечно, задумывалась как постоянная колония, и, следовательно, в течение некоторого времени между этой страной и Скандинавией поддерживалось сообщение более или менее прерывистого характера. В результате этой длительной оккупации страны были оставлены следы, которые сохранились и в настоящее время. Были обнаружены руины домов и церквей, а также кости лошадей, крупного рогатого скота и других животных. Если бы обстоятельства сложились иначе, если бы Гренландия была всего лишь объектом мимолетных посещений, подобных посещениям исследователей Вайнленда, вполне можно усомниться в том, что скептицизм, с которым некоторые были склонны относиться к предполагаемому исследованию последней, не распространялся бы на первую. Нам следовало бы привлечь наше внимание к сверхъестественным эпизодам, таким как явления в Лизефьорде (см. "Путешествие Торстейна"), настаивать на суровом климате местности и неуместности названия Гренландия, а упоминание лошадей и крупного рогатого скота, вероятно, не было бы расценено как невероятное. Но успешная колонизация Гренландии является историческим фактом, и ее история описана именно в тех сагах, которые здесь рассматриваются в связи с Вайнлендом. Следовательно, *на первый взгляд* маловероятно, что в произведениях, признанных историческими, насколько это возможно проверить, в каком-либо отношении внезапно появится персонаж, в основном вымышленный, как утверждают доктор Нансен и другие.

Характер ранней истории.

Тем не менее следует признать, что историки тех ранних времен, как в Исландии, так и в других местах, не были столь научны в своих методах, как современные. Слово "История" все еще сохраняло свое производное родство с Рассказом; муза, возглавляющая эту отрасль литературы, еще не обосновалась в будничном *заведении* дотошных профессоров. Подобно классическим историкам и историкам Священного Писания, исландские хронисты считали себя вправе облекать сухие кости своего материала и даже представлять его в живой форме диалогических речей, суть которых могла быть известна только им. Если, например, автору саги приходится вести хронику открытия дикого винограда, то для него вполне естественно предположить, что моряк, нашедший под рукой средство опьянения, не пренебрегал своими возможностями. Это объясняет поведение немца Тюркера в Книге Флэтея, который является большим камнем преткновения для некоторых комментаторов. К той же категории относится рассказ Хаука о заклинаниях Торхолла-Охотника; это продолжение эпизода с выброшенным на берег китом из намека, данного в стихах Торхолла, причем очень небрежного и непоследовательного. Другие нелепости могут быть объяснены таким же образом, и названия таких мест, как Килнесс, возможно, навели на мысль о противоречивых историях, рассказанных для их объяснения.

Опять же, если бы у историка был наготове живописный анекдот из другого источника, но явно связанный с основной темой, который можно было бы включить в основную историю, он бы без колебаний использовал его, хотя ненаучная подкованность часто была бы болезненно очевидна. Например, Хеке и Гекья, независимо от того, имеют они историческую основу или нет, явно введены не в том месте, до того, как были действительно обнаружены какие-либо виноградные лозы, и границы вставленного отрывка становятся совершенно очевидными из-за того факта, что последние слова предыдущего материала по существу повторяются сразу после этого ('гердиз вагскорит ландит' ... 'er varð fjarðskorit'). Такие вставки часто представляют большой интерес, поскольку дают то, что на самом деле равносильно независимому подтверждению истории: они показывают, что она широко обсуждалась и была принята на раннем этапе, но они вряд ли делают честь первому редактору, объединившему статьи.

Позиция доктора Нансена.

Следовательно, при научном исследовании этого, как и всех ранних исторических документов, необходима определенная степень осторожности. Но доктор Нансен не довольствуется подобными оговорками. Он заходит так далеко в направлении скептицизма, что в конце концов читатель задается вопросом, достаточно ли тех хрупких остатков, за которые он цепляется, чтобы этот автор хоть как-то верил в норвежское открытие Америки. Его аргументы, если они здравы, разрушают саму основу истории, и если он будет неподвижно сидеть среди руин, справедливо усомниться в том, что многие разделят его позицию или доверятся шатающимся останкам. Поэтому целесообразно довольно внимательно изучить аргументы доктора Нансена и посмотреть, действительно ли документы, которые мы исследуем, настолько ненадежны, как он предположил.

Незначительные возражения.

Потребовалось бы непропорционально много места, чтобы подробно рассмотреть все более мелкие и второстепенные моменты в аргументации. Некоторые из них будут отмечены в другом месте настоящего тома, и один или два могут быть упомянуты здесь как типичные. Доктор Нансен предполагает, например, что утверждение в исландских анналах за 1121 год о том, что Эрик, епископ Гренландии, отправился на поиски Вайнленда (лейта), показывает, что Вайнленд в то время был не известной, а легендарной страной, поскольку 'лейта' может применяться только к поиску того, существование чего не определено. В поисках примеров употребления этого слова, которые полностью опровергают подобный аргумент, нет необходимости выходить за рамки саг, посвященных данному предмету, где мы находим, что Ауд Богачка "отправилась на поиски Исландии" в то время, когда ее собственный брат уже поселился там, и спустя много времени после основания исландской колонии.

И снова доктор Нансен просит нас увидеть "атмосферу мифа и вымысла" в многочисленных именах Тора - Торвальд, Торхолл, Торстейн, Торфин и др., — которые, несомненно, встречаются в этой истории. Однако мне кажется, что обнаружение таких имен, присвоенных мужчинам, родившимся в языческом мире, доказывает меньше, чем ничего, особенно когда мы находим в указателе имен в Ланднамабоке не менее четырнадцати страниц в две колонки, посвященных мужчинам и женщинам, чьи имена начинались с Тор.

Появление числа Три.

Возможно, еще большее значение имеет сходство со сказкой, которое доктор Нансен пытается установить на основе частого употребления числа три. [78] Эта особенность не бросается в глаза в версии книги Флэтея, которая дает нам не менее шести путешествий — Бьярни, Лейфа, Торвальда, Торстейна, Карлсефни и Фрейдис, — в то время как расстояния между землями указаны не во всех случаях равными. В сопутствующей версии верно, что цифра три играет или может быть призвана играть значительную роль, однако сомнительно, чтобы этот момент можно было справедливо использовать, как утверждает доктор Нансен. Существует три путешествия — Лейфа, Торстейна и Карлсефни; но тот факт, что только второе оказалось неудачным, лишает число того значения, которого мы должны ожидать в сказке. Экспедиция Карлсефни состоит из трех кораблей, но это объясняется тем обстоятельством, что два из них принадлежали посетителям Гренландии, в то время как один был укомплектован местным контингентом. На каждом корабле было два командира — не один и не три, — а экипажи насчитывали 160 человек, так что цифру три здесь можно найти только путем выбора из других совершенно произвольных чисел. То, что мы посетили три страны, верно только в том случае, если мы воспользуемся номенклатурой книги Флэтея; в сопроводительном отчете мы скорее можем сказать, что упоминаются пять мест — Хеллуланд, Маркланд, Фурдустрандс, Страумсфьорд и Хоп. Что касается количества дней пути между различными посещенными местами, то на цифре три не делается особого акцента; зафиксированная цифра равна двум, а в некоторых случаях и большим срокам. Если сказано, что двухдневное путешествие предполагает прибытия на третий день, то вряд ли можно использовать трехдневные поиски Торхолла на острове, который был найден на четвертый день. Доктор Нансен обращает внимание на тот факт, что зафиксированы три встречи со скрелингами, но это верно только для скрелингов в Хоп; в нем не упоминаются пять скрелингов, найденных спящими у моря, и те, чьи мальчики были захвачены в Маркланде. Если рассматривать эпизод в Хоп отдельно, то утверждение о том, что жертв было трое, не является справедливым аргументом, поскольку в то время были убиты только двое мужчин и четверо дикарей. Если учесть смерть Торвальда от рук одноногого, то было бы разумно учесть общие потери экспедиции от всех причин, которые составили бы Торхолла Охотника и его восемь или девять спутников, а также Бьярни Гримольфсона примерно с половиной его команды. В целом единообразие сказки кажется явно отсутствующим, и мистическая фигура, появляющаяся, как и в случае с другими числами, которые доктор Нансен игнорирует, объяснима на основе вполне рациональных гипотез.

Дикий виноград.

Переходя теперь к более широким вопросам аргументации доктора Нансена, их можно резюмировать следующим образом. Дикий виноград и кукуруза полностью отвергаются и восходят к легендам об *Insulae Fortunatae* в книге *Isidore Hispalensis* и классических источниках. Большинство других характерных черт повествования — кит, птичий остров и, прежде всего, скрелинги — рассматриваются как заимствованные в основном из ирландской легенды.

Предполагаемые классические и кельтские влияния будет удобно рассматривать отдельно.

С самого начала я могу заявить, что, по моему мнению, в аргументации доктора Нансена есть что-то, связанное с необычной формой имени Винланд хит Гоуда, которое, однако, в полном виде вряд ли можно найти в тексте саг.

Я думаю, вполне возможно, что это исландская форма классических Insulae Fortunatae, но я отличаюсь от рассматриваемого автора в заключении, со своей стороны, что скандинавы или те, кто записывал свои достижения, отождествили недавно открытую страну с этими легендарными островами или сочли это название подходящим из-за товаров, которые действительно можно было найти в Америке.

Мне кажется, что в этом, возможно, заключалось огромное значение, придаваемое открытию винограда и т. Д., Вещей, о которых скандинавы имели мало знаний и могли лишь немного использовать.

То, что дикий виноград, во всяком случае, был обнаружен, я считаю неоспоримым. До введения христианского учения в Исландии и Гренландии, которое вряд ли могло быть далеко развито во время настоящих путешествий, нельзя сказать, что в этих странах, вероятно, существовали какие-либо знания об Исидоре или Insulae Fortunatae.

Теперь все авторитетные источники признают, что стихи Торхолла Охотника носят признаки современного сочинения. И нельзя оспаривать, что первый из этих стихов содержит намек на открытие винограда и является очень веским доказательством того, что информация об этом открытии проникла в Гренландию в более ранний период, чем время путешествия, в котором принимал участие автор. На мой взгляд, вряд ли возможно преувеличить значение современной композиции, которая, по сути, гласит: "Мне сказали, прежде чем я начал, что я должен найти виноградные лозы, но я этого не сделал". Последняя часть стиха не существенна, поскольку вполне могло быть так, как действительно утверждается в саге, что регион вайн на этом этапе экспедицией еще не был достигнут; дело в том, что такой регион, по-видимому, был открыт каким-то предшественником Торхалля, который сочинил свой стих в период, когда знания о Счастливых островах вряд ли могли проникнуть в исландские или Гренландские колонии. Более того, не лишено важности то, что самые краткие отчеты о путешествии Лейфа содержат намеки на открытие "Виноградной земли", показывая, что на самом деле это было характерной чертой открытия в умах тех, кто слышал о нем, даже если название было присвоено не самими исследователями.

Кроме того, у нас есть свидетельство Адама Бременского, на которое был сделан намек в главе об источниках. Адам, действительно, вероятно, был хорошо знаком с классическими упоминаниями о Счастливых островах, но вряд ли то же самое можно сказать о его информаторе, датском короле Свейне, и датчанах, чьи *"определенные отношения"* противопоставлены этим автором, и, как я думаю, намеренно, *"сказочному мнению"*, на котором до сих пор основывалось существование такой страны. Таким образом, свидетельство Адама, датируемое примерно 1070 годом, можно рассматривать как очень веское и практически современное подтверждение открытия виноградных лоз, упомянутых в этих сагах.

Опять же, ясно, что ко времени Ари Ученого, родившегося в 1067 году, название Вайнланд стало определенно ассоциироваться со страной, открытой на западе скандинавскими исследователями, существование и положение которой были достаточно хорошо известны, чтобы быть понятыми по случайному намерению. Мне кажется в высшей степени невероятным, что к тому времени, когда Ари писал, вокруг истории открытия скопилось столько легенд, что они объясняли название, содержащее намек на вино, если бы на самом деле там не был обнаружен виноград. Стиль произведений Ари, как, впрочем, и всех более ранних саг, является наиболее независимым и естественным из всех, какие можно найти во всей литературе; это связано с

отсутствием в те времена почти всякого внешнего влияния. Ясно также, что Ари был хорошо подготовлен к обязанностям историка благодаря самому разборчивому суждению о достоинствах своих источников информации; он постоянно называет нам имена и квалификацию людей, от которых почерпнуты его утверждения, и их знания нередко восходят к рассматриваемому периоду; следовательно, невозможно игнорировать ценность упоминания о стране виноградников или виноделия в работе этого раннего и добросовестного авторитета.

Но далее следует отметить, что если скандинавы открыли Америку — а все согласны с тем, что они это сделали, — товары, о которых говорится в сагах, действительно были там и ждали, когда их обнаружат. Точно такие же две вещи — дикий виноград и злаки — поражали почти каждого из вновь открывших и более поздних исследователей этого континента. Совпадение упоминаний диких лоз и кукурузы в мифических землях классических авторов является таким же сильным аргументом против правдивости этих более поздних исследователей, как и скандинавов, однако никто не сомневается в их словах, подтвержденных фактами, известными нам сегодня. Вся сила аргументации доктора Нансена по этому поводу основывается на этом совпадении; фактически, он резюмирует его в следующих словах: "Сходство между этим описанием (Исидоровских островов Счастья) и описанием Вайнленда настолько близко, что его нельзя объяснить случайностью". [79] Однако сходство столь же близко между цитируемым отрывком и многими другими в отчетах более поздних исследователей, где оно, безусловно, случайно.

Здесь можно привести несколько примеров таких отрывков:

Картье. — (Остров Брион.) "Мы обнаружили, что там много красивых деревьев, лугов, полей дикой кукурузы".

(Норт-Пойнт, остров принца Эдуарда.) "В этот день мы приземлились там в четырех местах, чтобы увидеть деревья, которые удивительно красивы, и многое другое, нам неизвестное. — Земли, где нет лесов, очень красивые, и все так изобилуют дикой кукурузой, похожей на рожь, что кажется, будто ее там сеяли и возделывали".

(Baye de Chaleur.) "Их земля более умеренно теплая, чем земля Испании, и здесь нет ни одного маленького уголка, свободного от лесов и состоящего из песка, который не был бы полон диких злаков, у которых колос похож на рожь, а ядро — на овес".

(Река Святого Лаврентия.) "По обе стороны от нее мы нашли самые прекрасные земли, какие только можно увидеть, — полные самых красивых деревьев в мире, и вдоль упомянутой реки так много виноградных лоз, увитых виноградом, что кажется, что они скорее были посажены там рукой человека, чем как-либо иначе: но поскольку их не обрабатывают и не подрезают, виноград не такой крупный и сладкий, как у нас".

И снова: "Лучшие деревья в мире, а именно дубы, вязы и т. Д., И, что еще лучше, огромное количество виноградных лоз, на которых было так много винограда, что команда поднялась на борт вся нагруженная им".

Шамплейн. — (остров Ричмонд.) "На многих виноградниках в свое время года растет прекрасный виноград".

(Кейп-Энн.) "Мы нашли в этом месте очень много лоз, зеленые гроздья на которых были чуть крупнее горошины".

(Глостерский залив.) "Мы видели только что созревший виноград очень хорошего качества".

Чарльз Ли. — "Что касается природы и плодородия островов Брион, Айл Бланш и Рамеа, то они по своей природе обладают огромным количеством древесины, большим запасом дикой кукурузы, такой как ячмень, и т.д."

Гудзон. — (Недалеко от Кейп-Кода.) "Они сошли на сушу, нашли хороший виноград и розовые деревья и принесли их с собой на борт".

Денис. — (Река Сент-Джонс.) "Здесь также растет большое количество дикого винограда".

Далее можно заметить, что и Шамплен, и Картье присвоили разным местам название Иль де Бахус из-за того, что там был найден виноград. Это название, особенно в связи с тем, что оно используется для обозначения различных населенных пунктов, кажется, столь же уязвимым для нападок доктора Нансена, как Винланд норвежцев для нападения на Годуу. Можно представить, с какой силой выдающийся исследователь смог указать на очевидную связь с классическими источниками и на близкое сходство между этой номенклатурой и номенклатурой легендарных островов, с которых, по его мнению, скандинавы тянули свои лозы. Если же сходство в этих случаях случайное, а оно, несомненно, так и есть, то что же становится с аргументацией доктора Нансена?

Кукуруза.

Следует заметить, что в приведенных выше отрывках появляется не только виноградная лоза, но и дикая кукуруза. Таким образом, ясно, что любой аргумент, основанный на аналогии или сходстве с этими особенностями Счастливых островов, совершенно неубедителен. Тем не менее, следует признать, что ситуация с виноградными лозами значительно серьезнее, чем с кукурузой. Во-первых, в версии Флэтея нет упоминания о последнем товаре, если упоминание о "деревянном амбаре для зерна" можно объяснить с помощью другой гипотезы, как я пытался указать в рассказе о путешествии Торвальда.

Во-вторых, большинство более поздних исследователей, по-видимому, имели в виду под "дикой кукурузой" что-то вроде травы лайма (*Arundo arenaria*). Но есть трудность принять это растение за "дикую пшеницу" исландцев, поскольку лайм-трава под названием "мелур" была хорошо известна этому народу; ссылку на метод, применявшийся в сравнительно недавние времена для приготовления из нее муки, можно найти в "Письмах Троила об Исландии" на странице 105. Это правда, что профессор Фернальд из Бостона в своей статье о растениях Вайнленда отождествляет не только кукурузу, но и виноградную лозу и мезурскую древесину с товарами, известными скандинавам в их собственных странах, но мне всегда казалось, что это усугубляет и без того непреодолимые трудности на пути принятия его теорий, к которым у меня будет возможность вернуться позже.

Тем не менее, я склонен думать, что на что-то в природе травы лайма может указывать дикая кукуруза, и если это так, то, возможно, мы можем здесь до некоторой степени проследить влияние классических легенд, на которые делает упор доктор Нансен. Можно представить, не слишком утруждая себя предположениями, что, услышав о виноградных лозах, образованные

люди стали бы задавать наводящие вопросы относительно существования кукурузы, и таким образом, лайм-трава, до сих пор считавшаяся, как мы видим из Книги Флэтея, сравнительно неважной, могла бы снова появиться под новым названием. Можно, конечно, представить себе школьного учителя Адама Бременского, который во время перекрестного допроса датчан, от которых была получена его информация, услышав о виноградных лозах, поинтересовался существованием какого-то вида дикой кукурузы, и ему совершенно правдиво ответили, что она действительно существует.

Как бы то ни было, идентификация дикой кукурузы всегда будет неразрешимой проблемой. Более старые комментаторы этих саг считали, что указывалась кукуруза, но это, собственно говоря, не дикорастущее растение и, более того, имеет исключительно мало сходства с каким-либо европейским злаком. Более поздняя школа в основном отождествляет кукурузу из саг с диким рисом, но на это можно возразить, что это водное растение. Таким образом, в целом, хотя я считаю, что открытие виноградной лозы бесспорно и было скорее причиной, чем следствием каких-либо следов влияния легенд об *Insulae Fortunatae*, встречающихся в сагах, я признаюсь, что, несмотря на совпадение сообщений более поздних исследователей, я рассматриваю кукурузу как более сложную проблему.

В любом случае мне кажется, что отсутствие каких-либо упоминаний о дикой кукурузе в версии книги Флэтея имеет самое существенное отношение к аргументации доктора Нансена. Ибо практически во всех упоминаниях об Островах Удачи кукуруза и виноградные лозы настолько тесно связаны, что заемщик из таких источников вряд ли мог бы использовать одно без другого.

Например, Гораций, *Epodes*, xvi. 41:

Беата

petamus arva, divites et insulas;

reddit ubi Cererem tellus inarata quotannis,

et imputata floret usque vinea’;

и Исидор, *Etymologiarum* xiv. 6:

‘*Fortuitis vitibus iuga collium vestiuntur; ad herbarum vicem messis.*’

Следовательно, существование подробного описания Вайнленда, в котором нет упоминания о дикой кукурузе, делает какую-либо производную связь между описаниями этой страны и *Insulae Fortunatae*, помимо всех других трудностей, крайне маловероятной.

Кельтские легенды.

Когда мы обращаемся к другим эпизодам саги, мы обнаруживаем, что доктор Нансен проявляет еще больший ресурс и изобретательность в поиске параллелей в фольклоре других стран. Аргумент, основанный на аналогии, вошедший в поговорку, ненадежен, но в то же время с ним довольно трудно эффективно бороться там, где, как в данном случае, невозможно указать все количество предполагаемых сходств, которые обеспечила ему исследовательская деятельность доктора Нансена. Образцы могут быть обвинены в недобросовестном отборе. Я бы сомневался,

например, в том, что даже сам доктор Нансен, хотя он и подчеркивает параллель заголовком на полях, может придать какое-либо реальное значение такому примеру, как следующий:

"Великую реку, которую Брандан нашел в Terra Repromissionis и которая протекала через середину острова, можно сравнить с ручьем, который Карлсефни нашел в Хоп в Вайнленде, который впадал в озеро, а оттуда в море.... Но река, которая разделяла Terra Repromissionis ... очевидно, первоначально была рекой смерти, Стиксом или Ахероном в греческой мифологии (Гьелль в скандинавской мифологии). Может возникнуть соблазн предположить, что точно так же, как все описание Вайнленда было дехристианизировано с Terra Repromissionis, реалистичной и, следовательно, часто рационализирующей, исландцы превратили реку в земле обетованной, древнюю реку смерти, в ручей в Хоп". [80]

Непочтительному человеку сразу же приходит в голову поразительная параллель с этой параллелью. "В Македонии есть река, и, кроме того, есть река в Монмуте: в Монмуте она называется Уай; но как называется другая река, я не знаю; но "это все одно", это так похоже, как мои пальцы на мои пальцы, и в обоих есть лосось" (Генрих V, Акт IV, sc. vii).

Поскольку в обоих случаях были "лососевые", беспристрастный читатель, я думаю, должен признать, что аналогия Флуэллена более поразительна, чем аналогия доктора Нансена.

Прежде чем рассматривать дальнейшие примеры сходства, которые пытался установить доктор Нансен, можно сказать несколько слов, имеющих общее отношение ко всему. Как и в приведенном выше примере, аналогии доктора Нансена практически все взяты из мифических "имрамх", или путешествий, которые составляют определенный класс в ранней ирландской литературе. В более поздний период этот класс постепенно переходит в литературу о видениях, где видение Рая заменяет путешествие в страны чудес невидимого мира. Но в своей более ранней форме, которой в основном занимается доктор Нансен, имрамх принимал форму своего рода Одиссеи, в ходе которой путешественники открыли много новых и чудесных стран. Следовательно, очевидно, что обязательно должны присутствовать многие элементы, из которых можно вывести аналогии с любым открытым путешествием, каким бы подлинным оно ни было. Если, таким образом, обнаруживаемое сходство не является более поразительным, чем все, что может быть объяснено этими необходимыми совпадениями, мы должны, я полагаю, придавать им лишь небольшое значение. Мы должны также помнить, что исландец, каким бы реалистичным или рациональным он ни был, вряд ли был разборчивым заемщиком или отвергал сказочные элементы, вполне правдоподобные в суеверный век. Таким образом, если бы обширные заимствования были взяты из литературы, исключительно богатой чудовищным и чудесным, мы должны были бы ожидать, что найдем, во всяком случае, немало определенных примеров, где эти характеристики были сохранены без особых изменений.

Я уже говорил, что ирландская литература была исключительно богата чудовищным и чудесным. Именно на этой характеристике настаивал мистер У. Б. Йейтс в своем замечательном введении к "Кухулину из Мюртемна" леди Грегори как на великом различии между кельтскими и скандинавскими произведениями. 'Ирландский рассказчик,' говорит он, - не мог с неизменным интересом наблюдать за тем, как люди, подобные ему, сжигают дома или завоевывают жен, не более замечательных, чем они сами. Его разум постоянно ускользал от повседневных обстоятельств, подобно тому, как сук, который держала слабая рука, внезапно распрямляется. Его воображение всегда уносилось в Тир-нан-Оге, в землю Обетованную, которая так же близка сегодняшним сельским жителям, как была близка Кухулину и его

спутникам.”Именно так, - говорит доктор Нансен, - и поэтому, когда исландец брал взаймы, он находил рациональное объяснение’. Но обладал ли он необходимой критической проницательностью, чтобы отвергнуть сказочное? Был ли он настолько свободен от суеверий, чтобы быть способным дискредитировать мифическое? Ни в коем случае. Нет ничего яснее, чем то, что он был в высшей степени суеверен, свято верил в призраков и всевозможные предзнаменования: на самом деле, он верил в них настолько основательно, что они почти перестали быть зловещими из-за того, как он думал о них. Насколько он знал, самые дикие взлеты кельтского воображения могли быть трезвой правдой, и он записал бы их как правду, если бы они касались его. Но если бы они не были частью истории, которую он рассказывал, их можно было бы оставить в стороне.

Теперь, если мы рассмотрим одну из этих ирландских историй, мы обнаружим, что чудесными элементами являются сами кости и сухожилия этой истории. Исключите их, и не останется ничего, что было бы нелегко сопоставить с записями о любом исследовательском путешествии. Нет ничего характерного, с чем можно было бы проследить какое-либо сходство, за исключением этих явно мифических черт. Возьмем в качестве примера краткое изложение путешествия Маэлдуина, приведенное на стр. 336 первого тома работы доктора Нансена. Сначала мы слышим, как "стаи муравьев размером с жеребят спустились на пляж и изъявили желание съесть" команду и лодку.

‘Эта земля,’ говорит доктор Нансен, - параллельна Хеллуланду, где водилось много песцов’. Теперь мне кажется, что нет причин, по которым исландский писатель XIII века должен был бы дискредитировать возможность существования этих бробдингневских муравьев. И все же он описывает всего лишь песцов, животных, во всех отношениях отличающихся от этих муравьев примерно настолько, насколько это можно себе представить. Это не насекомые, они не большие, они не опасны и не устрашающи. Это животные, которых на самом деле можно встретить в северных частях американского континента, и местность, где они водятся, правильно описывается как страна скал, а вовсе не как пляж. Правдоподобно ли, что одна история, точная во всех деталях, могла быть выведена путем приложения любого количества воображения из другой? Попросите своих детей рационализировать историю Маэлдуина и посмотрите, удастся ли вам превратить муравьев в лис в каком-либо отдельном случае.

Далее мы слышим об ‘огромном возвышенном острове с террасами вокруг него и рядами деревьев, на которых сидело множество крупных птиц’. ‘Этот остров,’ говорит доктор Нансен, ‘мог бы соответствовать лесистой Маркландии с ее многочисленными животными, где Карлсефни и его люди убили медведя’. Тогда где же остров, или где террасы, или возвышенность, или птицы - ни одна из этих черт, можно было бы подумать, не сохранилась бы из-за самой рационалистической потребности? Напротив, у нас есть низменная земля, по-видимому, материковая, действительно покрытая лесом, но в остальном непохожая ни на одну частность. Далее мы читаем о песчаном острове, населенном зверем, похожим на лошадь, с собачьими лапами и когтями. Затем плоский остров со следами лошадиных копыт величиной с корабельный парус, ореховой скорлупой изумительных размеров и следами человеческой деятельности. Далее следует высокий остров с большим, роскошно обставленным домом, в который морские волны выбросили лосося. Здесь доктор Нансен мог бы заявить, как и Флуэллен, ‘лосось в обоих видах’, но обычно это не рассматривалось как убедительная аналогия. Наконец, нам рассказывают об острове, окруженном огромным утесом, на котором растет единственное дерево. Ветку этого Маэлдуина поймали и держали три дня, проплывая

мимо острова, по истечении которых на конце ветки было три яблока. Даже винограда не было! Я не уверен, несмотря на некоторые двусмысленные фразы, что, цитируя этот длинный отрывок, доктор Нансен хочет подчеркнуть много общего, помимо повторения определенного количества периодов продолжительностью в три дня. Но это описание удобно для моих целей, поскольку дает характерный пример того типа легенды, из которого, как предполагается, было заимствовано большинство черт саги. И я напрасно спрашиваю себя, где можно найти хоть малейший след одной истории в другой, кроме того, что обе они являются путешествиями с целью открытий?

Соответствие реальным фактам.

Или дело можно изложить так: если описанная фауна и природные продукты - всего лишь чудовища кельтской художественной литературы, снятые с долей исландской скептицизма, то как получается, что они неизменно соответствуют реальным фактам о странах, в которые, скорее всего, прибыли первые первооткрыватели Америки?

Бесспорно, это так, пока мы не доберемся до Страумсфьорда, хотя нельзя особо подчеркивать то обстоятельство, что описания, столь краткие и общие, как описания Хеллуланда и Маркленда, оказываются точными. Эпизод с ирландскими бегунами, похоже, действительно был вставлен не в том порядке, в каком он был положен, и, хотя это не исключено, он может отражать отдельную и менее надежную традицию, а в случае инцидента с китом детали, приведенные Хауком, могут быть отвергнуты в пользу более простого описания, приведенного в книге Флэтея.

Но, кажется, нет веских оснований сомневаться в том, что выброшенный на берег кит действительно стал пищей для исследователей, или рассматривать, как это делает доктор Нансен, этот случай как заимствованный у Святого Брендана. Вторая песнь Торхолла Охотника, обычно признаваемая современным произведением и, во всяком случае, старейшей частью существующего рассказа, прямо отсылает к такому эпизоду, когда в ней говорится о 'кипящих китах'. Более того, киты широко фигурируют в легендах, собранных К. Г. Лиландом у алгонкинов и индейцев микмак в Новой Шотландии и Новой Англии, в то время как Дуглас в своем Кратком отчете о создании британских североамериканских поселений (1760) ссылается на китов, обитающих вдоль берега у Кейп-Кода, и отмечает, что задняя часть Лонг-Айленда, где мелкие киты обитают на отмелях, была первым местом английского китобойного промысла. Есть китовое мясо, даже не испытывая чувства голода, было вполне естественно для исландца, поскольку Троил пишет в своих письмах об Исландии (1780), особо упоминая 'рейдур', название, применяемое к киту, о котором идет речь в книге Флэтея: 'все они считаются очень изысканной пищей; и исландцы говорят, что мясо имеет вкус говядины'. Таким образом, что касается инцидента с китом — во всяком случае, так записано в упрощенной версии — можно сказать, что, во-первых, он, по-видимому, подтверждается упоминаниями современников, во-вторых, он полностью согласуется с местной естественной историей и, наконец, исландцу, во всяком случае, не было необходимости ехать в Ирландию из-за историй об использовании китов в пищу. Случай доктора Нансена, соответственно, раскрывается в отношении кита. Другой характерной особенностью, упомянутой в связи со Страумсфьордом, является птичий остров. Доктор Нансен отвергает это как "очевидно, сугубо северную особенность, привнесенную для украшения сказки, и привнесенную так неудачно, что они вынуждены находить всю эту массу яиц осенью'. Он также отрицает существование каких-либо важных мест

размножения даже так далеко на юге, как Новая Шотландия. Итак, во-первых, утверждение о том, что яйца были собраны осенью, принадлежит не автору саги, а доктору Нансену. Экспедиция покинула Гренландию — согласно Хауку - весной, согласно сопроводительному тексту - летом. Следовательно, мы можем предположить, что старт был произведен не позднее начала мая. Нигде не останавливались надолго, пока не достигли Страумсфьорда.

Даже поэтому, если мы отбросим все зарегистрированные расстояния и предположим, что скорость плавания составляет всего один тильфт в день (75 миль, или чуть более трех узлов), очевидно, что где бы мы ни разместили Страумсфьорд, исследователи прибыли бы туда до окончания сезона гнездования. И хотя они оставались в этом месте на зиму, когда сильно страдали от нехватки яиц, о сборе яиц не упоминается до следующей весны, после первого сообщения об обнаружении, сразу по прибытии в Страумсфьорд.

Далее, хотя утверждение "ноги человека едва могли пройти между яйцами" на первый взгляд кажется поразительным, несложно найти параллельные отрывки среди более поздних записей об исследованиях в этих широтах или около них.

Например, Чарльз Ли (в книге "Путешествия Хаклюйта") говорит об островах птиц в заливе Святого Лаврентия, что они "песочно-красные, но из-за множества птиц на них они кажутся белыми. Птицы сидят там так же густо, как камни лежат на мощеной улице.

Та же местность почти столь же поразительно описана Жаком Картье: "Эти острова так же полны птиц, как поле травы, которые гнездятся на этих островах".

Если доктор Нансен возражает, что упомянутые здесь острова находятся не так далеко к югу, как Новая Шотландия, где он отрицает существование крупных мест размножения, мы можем сослаться на Николаса Дениса, который пишет об острове у этого побережья, который был отождествлен с островом Самбро, недалеко от Галифакса:

‘ Однажды я был там на лодке, в то время, когда птицы вьют свои гнезда. Мы обнаружили такое большое изобилие всех названных мною видов, что вся моя команда и я сам, нарезав себе дубинок, убили такое большое количество, как детенышей, так и их отцов и матерей, которые очень медленно поднимались из своих гнезд, что мы не смогли унести их всех. И помимо них, количество тех, которые были пощажены и которые поднялись в воздух, образовало облако настолько плотное, что солнечные лучи едва могли проникнуть сквозь него".

Или снова возьмите Шамплейн (острова близ мыса Сейбл, Новая Шотландия):

Оттуда мы отправились на остров Баклан, расположенный в лиге от нас, названный так из-за бесконечного количества водящихся там бакланов, яиц которых мы набрали полную бочку.... На двух других островах водится такое изобилие птиц разных видов, что человек не смог бы себе этого представить, если бы сам их не видел.

Наконец, мы можем обратиться к более современным временам и еще более южным широтам и сослаться на "сотни тысяч" гнездящихся морских птиц, наблюдавшихся на острове Маскегат и вокруг него совсем недавно, в 1870 году. [81] Это после столетий беспорядочного грабежа со стороны человека вполне может заставить нас принять практически буквальный факт наличия птичьих гнезд Страумси, где бы мы ни чувствовали себя расположенными к обнаружению этого

острова. В любом случае было бы опрометчиво отвергать эту деталь как чисто северную особенность, и еще более неправдоподобно проследивать, как это делает доктор Нансен, возможную связь между этими яйцами и красно-белыми "чешуйками", которые покрывали остров отшельника в легенде о Святом Брендане. [82]

Среди сохранившихся описаний фауны Вайнленда, по-видимому, мало что требует каких-либо комментариев. Что касается палтуса — или 'священной рыбы', — добытого в ямах, вырытых во время прилива, мне кажется, что наиболее вероятной рыбой, о которой здесь идет речь, была американская камбала или куриный палтус. О них говорится в книге Гуда "Американские рыбы" (стр. 316): "Мелководье кажется особенно привлекательным, и их часто можно встретить у кромки воды, зарывшимися в песок, так что видны только их глаза". Ср. Трактат "Новый английский Ханаан": [83] "Там отличная камбала, и ее легко поймать. Они (в проточной воде) действительно почти выходят на берег, так что можно углубиться всего на полфута и вытащить их на песок".

В любом случае, все исследования доктора Нансена не смогли предоставить ему мифический источник этой особенности.

Короче говоря, куда бы мы ни посмотрели, вместо дикой нелепости ирландских легенд мы находим трезвые описания мест с их фауной и флорой, которые совершенно естественны. Что еще более важно, мы не находим в этих описаниях вещей, которые могли бы прийти в голову исландцу или гренландцу, который рационализировал легенду, чтобы она соответствовала обстоятельствам, к которым он привык. Помимо вина и кукурузы, у нас умеренный климат с лесами и большими деревьями, низкими берегами и песчаными пляжами; за исключением появления ледников в Хеллуланде в книге Флэтея, которая может быть почерпнута из местных источников, чтобы подчеркнуть пустынный характер пейзажа, мы повсюду прослеживаем явную попытку описать условия, достаточно естественные для нас, но совершенно непохожие на что-либо характерное для Исландии или Гренландии. Что касается виноградных лоз, в частности, то можно видеть, что авторы саг недостаточно понимали природу этих вещей, настолько непохожими они были на все, с чем они были знакомы дома. Однако наиболее ярким примером описания чего-то совершенно чуждого исландским представлениям является рассказ о "скрелингах", или дикарях. Однако они являются настолько важными элементами при рассмотрении данного вопроса, что им следует посвятить отдельную главу.

IV. SKRÆLINGS

Остается рассмотреть то, что, вероятно, является наиболее важной особенностью из всех, - информацию, данную в сагах об аборигенах. В этой связи важно отметить, что во времена самих путешествий, по всей вероятности, дикое племя было для скандинавов совершенно в новинку. Единственными возможными исключениями были эскимосы Гренландии, о которых, вероятно, что-то было известно к тому времени, когда саги о Вайнленде были сведены к письменной форме. Таким образом, поскольку описания скрелингов Вайнленда реалистичны и существенно отличаются от всего, что могло быть почерпнуто из эскимосских источников, эти описания, вероятно, являются наиболее убедительным доказательством исторической точности этих

историй. Таким образом, исследование на данном этапе подразделяется на три категории: возможные влияния эскимосов, любые следы легендарных или мифических влияний, которые могут быть обнаружены, и характеристики, несомненно, индейские.

Свидетельство Слендингабока.

Прежде всего, следует отметить, что у нас нет свидетельств о каких-либо встречах норвежцев и эскимосов Гренландии до времен Ари Ученого. И действительно, у нас есть некоторые свидетельства того, что до этого времени такой встречи не было, хотя ясно, что на тот момент сообщалось о существовании скрелингов в Вайнленде. В предыдущей главе (стр. 95) Я привлек внимание к свидетельству Ари по этому поводу, но с учетом комментариев доктора Нансена по этому поводу необходимо сделать несколько дополнительных ссылок на эти вопросы.

В "Слендингабоке" Ари, в отрывке, касающемся колонизации Гренландии (см. Приложение и ср. стр. 95), утверждается, что были обнаружены жилища и фрагменты каноэ. И автор недвусмысленно продолжает: "и каменная кузнечная работа (оружие) *такая*, что из нее (steinsmíðiatat, es af því) можно понять, что там прошел такой народ (фарит), который поселился в (bygt) Вайнленд, а гренландцев называют скрелингами." Едва ли можно было бы более четко заявить, что вывод о прежнем присутствии этого народа в Гренландии был основан на таких следах, которые здесь упомянуты, и ни на чем другом. Кажется *prima facie* совершенно невероятным, что такие осторожные термины могли использоваться, если гренландцы в то время действительно встречались с эскимосами и таким образом получили гораздо более убедительное доказательство их существования. Более того, помимо экспрессивных терминов, используемых Ари, мы имеем дело с явно намеренным противопоставлением, на которое я ссылался в другом месте, между временным и прошедшим перемещением эскимосов через одну страну (фарит) и постоянным проживанием дикарей в Вайнленде (bygt). И казалось бы, из этого отрывка можно сделать законный и почти неотразимый вывод, что рассказы о дикарях с каноэ и каменным оружием (ср. 'хеллустейн', убивший Торбранда Сноррисона в Вайнленде) появились в то время, когда у норвежцев не было другого источника, кроме Америки, из которого им могло быть известно о существовании таких вещей. Доктор Нансен, однако, приходит к выводу, что молчание Ари относительно самих эскимосов было вызвано тем фактом, что "они были сверхъестественными существами, о которых лучше всего было ничего не говорить". [84] Довольно трудно понять, если бы это было так, почему Ари чувствовал себя вправе упоминать о существовании этих людей в Вайнленде чаще, чем в Гренландии, или почему он считал, что лучше говорить о предполагаемом существовании эскимосов, чем описывать их реальное появление. Далее, мы можем справедливо спросить, почему доктор Нансен находит в исландской литературе нежелание упоминать сверхъестественных существ там, где считается, что они существовали. В целом, мне кажется преуменьшением утверждение о том, что никакая встреча норвежцев и эскимосов до даты Слендингабока не представляется вообще вероятной.

Однако доктор Нансен пишет (том ii, стр. 77): 'Я не в состоянии понять значение слов Ари таким образом. Он использует настоящее время: "калла", а те, кого "называют скрелингами", предположительно должны быть людьми, которых мы знаем, а не теми, с кем наши предки встречались более ста лет назад. "Исходя из этого, если я говорю о "человеке, которого Карлайл называет Неподкупным цвета морской волны", я имею в виду, что Робеспьер и Карлайл были современниками. Д-р Нансен далее ссылается (лок. цит.) на параллельный отрывок из Ari,

упоминая ирландских монахов в Исландии, 'которых норвежцы называют (калла) Папар". [85] "Из этих слов, - говорит он, - можно было бы заключить с таким же основанием, как и из утверждения о следах скрелингов, что пришельцы не вступали в контакт с более ранними людьми; но в последнем случае это невероятно и, более того, противоречит собственным словам Ари'. Давайте рассмотрим это утверждение. Во-первых, из заявления Ари "они ушли потом" ясно, что на момент написания ни одного из них не осталось, но он все же говорит, в соответствии с обычным грамматическим употреблением, что скандинавы 'называют', то есть говорят о них как о папарах. Следовательно, из самого отрывка, на который ссылается д-р Нансен, очевидно, что использование настоящего времени не указывает на современное присутствие ирландских монахов, и поэтому в другом отрывке нет необходимости указывать на присутствие каких-либо скрелингов во времена Ари в гренландской колонии.

Во-вторых, в то время как в отрывке из Скрелинга Ари упоминает только следы, по которым можно было предположить их прежнее присутствие, он начинает свое упоминание о "папаре" словами: *"Тогда здесь были христиане, те, кого норвежцы называют "папар", но потом они ушли... и оставлены позади'* и т.д. Следовательно, этот отрывок нельзя рассматривать как дающий какую-либо поддержку утверждению доктора Нансена о скрелингах.

В другом месте (том ii, стр. 16) доктор Нансен предполагает, что упоминание следов оккупации скрелингами без записи встречи с самими людьми имеет сверхъестественное значение, предполагая, что со скрелингами обращаются как с троллями. В целом кажется более естественным истолковать этот отрывок как означающий то, о чем в нем говорится, — что следы были там, но не люди.

Говоря об этом предмете, я могу также сослаться на неточность, которая обнаруживается в примечании на странице 77 второго тома доктора Нансена. Он говорит там: 'Если речь шла о предании о встрече Карлсевича со скрелингами, то, конечно, ни он, ни большая часть его людей не были гренландцами, а исландцами, так что с таким же успехом можно было бы сказать, что исландцы называли их скрелингами'. Это находится в прямом противоречии с утверждением в "Саге об Эрике Рыжем": "ok váru þar flestir Grœnlendskir menn á" — 'и большинство тех, кто был там (в экспедиции), были гренландцами". Конечно, настоящая причина, по которой Ари говорит, что "гренландцы называют их скрелингами", заключается в том, что он цитирует здесь, как он говорит нам, гренландский источник, а именно. информация, полученная его дядей Торкелем Геллисоном в Гренландии. Таким образом, аргумент в записке доктора Нансена, как и аргумент в тексте, несостоятелен.

Каноз Скрелингов.

Допуская, однако, что некоторые знания об эскимосах, возможно, преобладали в то время, когда наши саги приняли их нынешнюю форму, хотя в "Королевском зеркале", написанном примерно в середине XIII века, ничего не говорится об этих людях в подробном описании Гренландии, возникает вопрос, насколько авторы могли быть обязаны таким знаниям своими реалистичными описаниями дикарей Вайнленда. Эти Скрелинги, как их называют, впервые появляются в истории во время исследования Торвальда, как описано в книге Флэтея. Нам рассказывают, что были замечены три каноз из кожи (худкейпар), под каждым из которых спали по три человека. Эти каноз, по-видимому, были настолько портативными, что одному человеку, единственному выжившему в последовавшей бойне, удалось спастись на одном из них. Итак, здесь, на первый взгляд, мы видим эскимосскую особенность в том факте, что каноз, как

говорят, были сделаны из кожи. И действительно, вполне возможно, что используемое слово - это просто гренландское название каяка. В этом, однако, нет уверенности, поскольку потребовался бы тщательный осмотр индейского каноэ с его сшитой 'кожей' из бересты, чтобы люди, незнакомые с использованием этого материала в судостроении, смогли отличить такое покрытие от шкуры. Я предпочитаю не подчеркивать, как это делали некоторые, тот факт, что некоторые индейские племена использовали кожаные покрытия для своих каноэ, поскольку аборигены тех широт, о которых идет речь, представлены в самых ранних источниках как использующие бересту. Переходя, однако, от используемого названия к описываемому предмету, становится совершенно ясно, что у нас здесь не каяки и не умиаки, а индийские каноэ. Трое мужчин никак не могли бы спать под байдаркой, которая представляет собой узкое судно, закрытое со всех сторон, кроме одной, наподобие каноэ "Роб Рой" или гоночного аутригера. Также один мужчина не смог бы утащить умиак, большую и неуклюжую лодку, обычно управляемую женщинами (если это не бык). Обе эти формы эскимосских лодок были замечены и точно описаны в современном отчете о втором путешествии Фробишера (1577 г.), приведенном в "Хаклюйте", — "Большая разновидность, в которой могут сидеть шестнадцать или двадцать человек: другая лодка предназначена только для одного человека, который может сидеть и грести одним веслом"; и, несомненно, в гораздо более ранние времена эскимосы конструировали свои каяки и умиаки практически таким же образом, как и в наши дни. Но индийское каноэ точно и полностью соответствует требуемым условиям в обоих отношениях. Он чрезвычайно легкий и переносной, но при этом может использоваться и часто используется в качестве убежища для своих обитателей. По этому последнему пункту можно сравнить наблюдение Жака Картье относительно племени индейцев, встреченного в ходе его исследований. 'У них нет другого жилища, кроме своих лодок, которые они переворачивают вверх дном, и под ними они все время лежат на голой земле'. (Перевод Хаклюта.) Таким образом, здесь мы имеем характеристику, которая, возможно, за исключением слова, используемого для обозначения каноэ, могла быть заимствована только из реальной встречи с североамериканскими индейцами и историческая точность которой неоспорима.

Еда скрелингов.

Еще один маленький момент, точно отмеченный и почти наверняка указывающий на прямой контакт с американскими индейцами, можно найти в отрывке, касающемся спящих скрелингов, обнаруженных и убитых экспедицией Карлсефни. Нам сказали, что у них были ящики, содержащие костный мозг животных, смешанный с кровью, описание, которое, по-видимому, относится к чему-то вроде пеммикана или 'лосяного масла', о котором Денис упоминает в своей работе о Новой Шотландии, а отец Леклерк - в своем рассказе о Гаспезии. Это была лепешка из твердого жира, извлеченного из костей лося, и Денис рассказывает нам, что "именно этим они (индейцы) питались, когда отправлялись на охоту".

Внешний вид.

В описании личной внешности скрелингов мало что является решающим, но много косвенного. Один из двух сопутствующих текстов описывает их как 'смуглых', другой - как 'маленьких'. 'Маленький' звучит скорее как эскимосский, чем индийский, и может быть искажением оригинального текста, основанного на знаниях, полученных в Гренландии. Уродство, нечесанные волосы и широкие щеки характерны для многих индейских племен, например микмаков, а также для эскимосов. На первый взгляд может показаться, что большие

глаза не относятся ни к тем, ни к другим, и поэтому доктор Нансен считает это признаком, свидетельствующим о внедрении идей троллей. Тем не менее, глаза индейцев поразили многих подлинных наблюдателей своими размерами; например, Лескарбо говорит нам, что эти черты 'неантмойны и не так уж малы, комильфо древних кос, главное величие человека, достойного уважения'. Карвер снова (1779) говорит об индейцах: 'у них большие и черные глаза'. Вереццано также говорит о 'больших черных глазах и неподвижном выражении'. Другой характеристикой, заявленной Нансеном в качестве доказательства влияния идеи тролля, является борода, которой, как нам сказали, обладал один из скрелингов, обнаруженных в Маркланде: но мне кажется, что это говорит скорее о другом, поскольку все тролли бородатые, а скандинавы были настолько распространены, что гренландские эскимосы называли их 'длиннобородами'. Таким образом, этот момент, по-видимому, был зафиксирован именно из-за его редкости среди скрелингов, и, хотя индейцы по большей части тщательно удаляют все волосы с лица и тела, возможность появления бород у этого народа признается почти всеми авторами по этому вопросу (ср. Лескарбо, Скулкрафт, Картер, Кэтлин и др.). Однако можно признать, что внешний вид скрелингов не является моментом, из которого можно сделать какой-либо очень четкий вывод ни в ту, ни в другую сторону.

Размахивающие Посохи.

Дикари, внешность которых описывается в этих двусмысленных терминах, появились в каноэ, на борту которого, как нам сказали, находились определенные предметы, которыми размахивали со звуком, похожим на молотьбу. Слово, используемое для обозначения этих предметов, пишется по-разному "trjánum", 'trjom" и 'trjónum'. Обычно его переводили как 'посохи' или 'шесты", но если "трионум" - правильное прочтение, то может показаться сомнительным, что здесь не указано что-то большее по характеру тотемной маски или подвижной фигурной головы. Ибо 'триона' означает прежде всего морду, а затем отделяемую фигурную голову; ср. интересный отрывок из Ланднамы (IV. 7) имеется в виду старый закон, согласно которому мужчинам предписывалось снимать свои фигурки голов перед приближением к Исландии, 'и не плыть на сушу с разинутыми головами или мордами с открытым ртом (trjónum), которые могли бы потревожить местных духов'. С одной стороны, можно было бы возразить, что фигурки-головки более тесно связаны с идеей лодок, чем посохи, но именно по этой причине переписчик с большей вероятностью преобразует "trjánum" в "trjónum" в рассматриваемом отрывке, чем допустит ошибку в противоположном направлении.

Принимая значение "шесты" или "жерди", недавний автор [86] рассматривает это как доказательство того, что описание заимствовано у эскимосов, и доктор Нансен высказывает аналогичное предположение. По мнению мистера Гослинга, "очевидно, что это попытка описать движение двухлопастного весла, используемого эскимосами, и будет видно, что эскимос, сидящий в своем каяке лицом к направлению, в котором он гребет, когда плывет на восток или север, будет казаться, что он машет веслом вопреки движению солнца в небесах, но вместе с ним, когда плывет на запад или юг'. Я должен признаться, что эта попытка объяснения меня очень далека от удовлетворения. Во-первых, мне кажется крайне маловероятным, что скандинавы могли наблюдать большое количество каяков в трех отдельных случаях, не понимая, что размахивающее весло было всего лишь средством передвижения. Далее, хотя ничего конкретно не указано относительно направления, с которого прибыли первые

посетители, второй и третий визиты, один мирный, а другой враждебный — следовательно, один, в котором шесты двигались по направлению к солнцу, а другой, в котором они двигались против него, — оба произошли "с юга", так что движение лопастей было бы одинаковым в обоих случаях. Опять же, весло для каяка, имеющее лопасти на каждом конце, непрерывно движется не в одном направлении, а из стороны в сторону, в то время как при взгляде сбоку это движение напоминает вращение шеста вперед.

Наконец, хотя, возможно, это и менее важно, можно отметить, что в одном случае используемый язык, по-видимому, подразумевает более одной 'трионы' для каждой лодки (var veift á hverju skipi trjánnum). Принимая во внимание распространенность в Америке, как и в большинстве других стран, церемониального использования солнечного и противосолнечного движения (ср. "Мифы Нового Света" Бринтона), мне кажется более вероятным объяснение того, что мы имеем здесь подлинное и интересное использование знака, правильно истолкованного скандинавами, которое, возможно, удастся прояснить при дальнейшем изучении индейских обычаев и суеверий. Со своей стороны, я склонен думать, что 'триона' была погремушкой, подобной тем, которыми пользуются многие индейские племена. Ни одно другое объяснение, предложенное до сих пор, не учитывает 'шум, подобный молотбе', который является косвенной частью описания. Погремушками, которые обычно сопровождают танцы, скорее всего, будут размахивать по направлению к солнцу или против него в зависимости от значимости церемонии, частью которой они были.

Что касается белых и красных щитов, использовавшихся норвежцами в качестве ответных сигналов, то, конечно, нет необходимости предполагать, что скрелинги понимали их, как это делает доктор Нансен, отмечая, что эти черты 'имеют совершенно европейский эффект'. И все же по любопытному совпадению такие знаки, вероятно, были понятны американским индейцам, поскольку в "Естественной истории человека" Вуда говорится, что 'Как и у нас, белый и красный цвета являются знаками мира и войны, и каждый вождь носит с собой два маленьких флажка: один из шкуры белого бизона, а другой из красной кожи'. Но мы можем довольствоваться наблюдением, что скандинавы, скорее всего, предприняли бы свои обычные попытки подать сигнал, несмотря на то, что их усилия могли быть неразборчивыми. [87]

Торговля и сражения.

Торговля дикарями мехами напмнит любому изучающему историю исследований многочисленные параллели в работах Жака Картье и других. В частности, можно назвать подлинной индейской чертой страстное приобретение красной ткани для повязывания вокруг головы. Многочисленные параллели этому можно найти в записях более поздних исследователей; в частности, можно процитировать из описания третьего путешествия Хадсона Джуэтом (изд. Общество Хаклуита, стр. 60), что читается почти как вольный перевод саги: "Они привезли много бобровых шкурок и других прекрасных мехов, которые они обменяли бы на редди гоунса".

Маловероятно, что одетые в тюлений эскимосы Гренландии, которые, по-видимому, старались держаться подальше от норвежцев, насколько это было возможно, могли внести такой вклад в эту историю. Еще более достоверным является рассказ о боях с туземцами. Эскимосы, как указывает доктор Нансен, не привыкли воевать в Гренландии, где им действительно не с кем было воевать, хотя, конечно, война всегда была нормальной частью существования индейцев. (Следует, однако, признать, что Фробешер находил американских эскимосов явно

воинственными и драчливыми.) Ясно, что скрелинги были грозными противниками, поскольку именно страх перед ними в конечном итоге вынудил Карлсефни покинуть страну. Из их оружия только одно, кажется, требует комментариев - большой шар, напоминающий овечье брюхо и темный по цвету, который был переброшен с шеста в сторону отряда Карлсефни, издав ужасный шум при падении. Доктор Нансен попытался провести параллель между этим инцидентом из ряда разрозненных источников, начиная от использования катапульта и даже пороха в европейских войнах и заканчивая огненной массой, брошенной щипцами в корабль Святого Брендана жителями острова Кузнецов, и аналогичным инцидентом в "путешествии Малдуина", а через них и Циклопом в "Одиссее". [88] Однако во всех этих предложенных источниках различия кажутся столь же поразительными, как и сходства. Шест отсутствует, сходство с овечьим брюшком кажется отдаленным, ракета в рассматриваемом случае, по-видимому, не была ни огнеопасной, ни взрывоопасной, и в целом трудно увидеть, что упомянутые инциденты имеют больше общего, чем наличие большой и в некоторых случаях шумной ракеты. Помня об этом, давайте посмотрим, не следует ли найти гораздо более поразительное сходство в отрывке, который доктор Нансен пропускает с полупрезрительной сноской. Рассматриваемый отрывок, который можно найти в книге Скулкрафта "Индийские племена Соединенных Штатов", том i, стр. 85, представляется мне достаточно важным, чтобы привести его полностью.

Традиция алгонкинов утверждает, что в древние времена, во время ожесточенных войн, которые вели индейцы, они сконструировали очень грозное орудие нападения, зашив большой валун в новую кожу. К нему была привязана длинная ручка. Когда кожа высохла, она очень плотно прилегалась к камню и после нанесения рисунков приобрела вид и характер твердого шара на шесте. Этот грозный инструмент, к которому можно применить название 'балиста', изображен (фото 15, рис. 2) по описанию вождя алгонкинов. Его несли несколько воинов, которые выступали в роли балистов. Погрузившись на лодку или каноэ, он был способен потопить его. Внезапно обрушенный на группу людей, он вызвал ужас и смерть".

При всем уважении к доктору Нансену, который считает сходство "отдаленным", мне кажется, что здесь мы имеем именно то, что описано. Прежде всего, у нас есть оружие, которое Скулкрафт называет "балистой", и которое, следовательно, может легко послужить основанием для утверждения, что у скрелингов были "валсленгуры", то есть боевые пращи или катапульты. У нас есть шест, на котором он был поднят, у нас есть несколько человек, чтобы перевязать его, у нас есть, в частности, сходство с овечьим брюхом, объясняемое тем фактом, что оно было покрыто натянутой кожей. Фактически, отвергать объяснение этого отрывка, которое соответствует каждому зафиксированному факту, в пользу предполагаемого сходства со взрывчатым веществом, потому что оно производило шум при падении, или с огненными массами, брошенными в корабль, потому что это тоже большие ракеты, мне кажется граничащим с извращением. Но читатель сам рассудит, нужно ли приписывать автору саги здесь какое-либо заимствование из мифических источников, или описание этого оружия само по себе не является убедительным доказательством существенной исторической точности рассказа.

Мистер Бэбкок, действительно, [89] мне кажется, был излишне озадачен этим оружием. Он, по-видимому, считает предмет, описанный Скулкрафтом, "дубинкой", в то время как этот автор, присваивая орудию название 'балиста', явно предполагает, что камень был выпущен как метательный снаряд. Он также ищет, не очень убедительно, доказательства того, что индейцы в

этих широтах использовали пращи; но совершенно ясно, что замечание о 'валсленгуре' (боевых пращах) относится исключительно к этому оружию, описание которого следует сразу же. Итак, во всяком случае, я прочитал этот отрывок (q. v., стр. 62).

Таким образом, о скрелингах, которых, как говорят, видели в Вайнленде, мы можем сказать, что описание не содержит практически ни одного утверждения, которое не могло бы быть действительно сделано об американских индейцах. Более того, в нем содержатся такие моменты, как каноэ, под которыми спали трое мужчины упомянутая выше балиста, которые вряд ли могут быть связаны с каким-либо другим источником, кроме непосредственного наблюдения за американскими аборигенами. Возможно, от знания гренландских эскимосов произошло слово "худкейпур", используемое для обозначения каноэ, и, как некоторые думали, инцидент с размахивающими шестами на лодках, хотя последнее кажется мне совершенно неоправданным выводом. Описание внешности аборигенов подойдет либо эскимосу, либо индейцу. В целом, однако, мы можем с уверенностью сказать, что перед нами описание дикарей, настолько реалистичное, что требует прямого и тщательного наблюдения. В подтверждение утверждения доктора Нансена о том, что сказка в основном представляет собой попури из заимствованного фольклора, у нас на самом деле нет ничего, кроме двойника, который явился Гудрид в книжной версии Флэтея, запоздалого предупреждения о нападении Скрелингов, пришедшего к Торвальду, и одноногого, который, как утверждается, в одной из версий, стал причиной смерти этого сына Эрика Рыжего. Из этих трех инцидентов два типично скандинавские и не более того, чего мы должны ожидать в отчетах ненаучного века. Неужели даже у Хадсона не было своей русалки? Инцидент с unipred демонстрирует следы заимствования из какой-то отдельной и более поздней легенды, например, предсмертная речь Торвальда явно заимствована из речи Тормода Кольбрунарскальда в Стиклестаде. И история, как я попытался показать, вполне может обойтись без этого. Даже если допустить эти сказочные элементы, мы все равно можем напрасно просить об одном-единственном явном примере заимствования или адаптации кельтской легенды с ее постоянным акцентом на сверхъестественном; то есть источника, на который доктор Нансен претендует как на главный вклад в сагу в том виде, в каком она у нас есть.

Марклендские скрелинги.

Остается рассмотреть эпизод с дикарями, захваченными в Маркленде на обратном пути. С тем обстоятельством, что один из скрелингов, захваченных в плен по этому случаю, как говорят, был бородатым, я уже имел дело. Утверждение о том, что те, кто сбежал, исчезли под землей, как мне кажется, означает не более того, что, подобно хорошим сталкерам, они ухитрились укрыться и ускользнуть незамеченными. Таким образом, в этом случае нет более четких свидетельств легендарного влияния, чем в остальной части истории. Остальное из того, что сообщается, является слухами, полученными от самих пленников, после того, как их — возможно, не очень эффективно — научили говорить по-исландски. Поэтому я согласен с доктором Нансеном в том, что безнадежно пытаться, как это делали некоторые (в частности, м-р Талбитцер, 1905 и 1913), определить национальность этих дикарей по сохранившимся словам: Vætildi, Uvægi, Avalldamon, Valldidida. [90] Исследователи более поздней эпохи были не очень довольны своей транслитерацией местных слов, и мы не можем представить, что эти названия передавались в течение периода устной передачи без фатальной трансформации. То, что

остальная часть того, что сообщается, неточна в большинстве деталей, - это не больше, чем мы должны ожидать при данных обстоятельствах.

Хвитраманналанд.

Однако одно утверждение в этом отрывке, которому большинство комментаторов уделили чрезмерно много внимания, является просто предположением тех, кто слышал эту историю, и не содержит какой-либо необходимой неточности в сообщаемых высказываниях пленников. Я имею в виду намек на Хвитраманналанд (Страну Белого человека) или Великую Ирландию. Существование или несуществование такого места, как это, хотя и проявило изобретательность почти всех авторов на данную тему, на самом деле не имеет ничего общего с достоверностью рассказов о Вайнленде. Все, что следует из этого отрывка, это то, что определенные люди, услышав рассказ о соседней земле, предположительно описанной этими детьми Скрелингов, пришли к поспешному выводу, что описанным местом был Хвитраманналанд, и несуществование такой страны просто доказало бы, что эти люди ошибались в своих предположениях, а не то, что сама история недостойна доверия. То, что, возможно, пытались объяснить дикари, я предложу позже. Здесь, поскольку было указано, что это совершенно неуместно, может быть интересно проследить за намеком немного дальше.

Что, по-видимому, было в умах тех, кто высказал упомянутое предположение, так это отрывок из "Ланднамы" (i. 22), в котором рассказывается, как некий Ари Марссон был загнан штормами в "Хвитраманналанд, который некоторые называют Ирландией Великой; он лежит к западу вокеане недалеко от Вайнленда Доброго: он называется "шесть дней пути" (dægra) на запад от Ирландии: Ари не удалось выбраться оттуда, и он был крещен там. Впервые эту историю рассказал Рафн, житель Лимерика, который долгое время жил в ирландском Лимерике. Торкель Геллисон (дядя Ари Ученого) заявил, что исландцы, которые слышали это от (графа) Торфина с Оркнейских островов, говорят, что Ари был признан в Хвитраманналанде, и ему не удалось сбежать оттуда, но он был там в большом почете".

В "Саге об Эйрбиггя" рассказывается похожая история, хотя название странной страны опущено, о некоем Бьорне Асбрандссоне, который таким же образом был заброшен на землю к юго-западу от Ирландии, где впоследствии его узнал исландец по имени Гудлейф Гудлаугсон. Мне кажется, эта история не имеет достаточного отношения к рассматриваемому предмету, чтобы заслуживать более подробного рассмотрения, хотя любознательные найдут достаточно упоминаний о ней в других работах по вайнлендскому вопросу.

Помимо неуместности этих историй, те, кто знаком с законами доказывания, несомненно, согласятся с тем, что земли, где герой, как говорят, совершил свое окончательное исчезновение, о котором сообщают обязательно понаслышке, находятся в совершенно ином положении, чем страны, исследователи которых вернулись, чтобы описать их лично. Единственная ценность — так или иначе — этого отрывка из Ланднамы заключается в упоминании Вайнленда Доброго как места, известного и признанного существовавшим в период, задолго до даты любой дошедшей до нас рукописи об этих путешествиях. Близость Хвитраманналанда к Вайнленду, по-видимому, является гипотезой авторов Ланднамы, которые, естественно, склонны связывать друг с другом любые неизвестные земли, о которых сообщается в западном направлении. Мне кажется крайне маловероятным, что Вайнленд нашел какое-либо упоминание в оригинальной истории, рассказанной Рафном из Лимерика. Во всяком случае, никто не может быть оправдан, основывая аргумент на предположении, что это

произошло, как это делает доктор Нансен, [91] когда он говорит в поддержку своего аргумента о том, что кельтское воображение сыграло большую роль в искажении традиций Вайнленда: "Равн, должно быть, слышал и о Хвитраманналенде, и о Вайнленде в Ирландии, поскольку в противном случае он не мог бы знать, что одно находится рядом с другим".

В любом случае, если Хвитраманналенд находился всего в шести 'даграх' плавания от Ирландии, то на самом деле он не мог находиться где-либо поблизости от Вайнленда, если предположить, что последний находится в Америке. Если мы, следуя Саге об Эйрбиггье, поместим его на юго-запад, а не на запад Ирландии, то расстояние больше наводит на мысль об Азорских островах. Шторм, однако, придерживается мнения, что рассказы Ари Марсона и Бьерна Асбрандссона являются искажением ирландских легенд о христианской оккупации Исландии, согласно которым знание положения и характеристик этого острова было перенесено в другое место, сохранив дистанцию (шесть парусных 'дагров'), которая в форме 'sex dierum navigatione' зафиксирована Плинием и принята Бедой и Дикуилем применительно к Туле. Кажется, многое можно сказать в пользу такой точки зрения, особенно поскольку "Ирландия Великая", по-видимому, призвана передать идею ирландской колонии (ср. Magna Græcia и др.), и, если это так, то Хвитраманналенд следует рассматривать как мифический регион.

Однако из этого никоим образом не следует, что утверждения, приписываемые пленным скрелингам, должны быть отнесены к той же категории. Что бы эти утверждения ни донесли до скандинавской аудитории, современной или последовавшей за ней, у нас, по-видимому, нет причин усматривать в описании процессию христианских священников, как, похоже, согласились многие комментаторы.

Конечно, подобные заявления, даже если пленников 'обучили речи', были бы очень подвержены неправильному толкованию. Среди достоверно подтвержденных путешествий более позднего периода нетрудно найти примеры сообщений туземцев, которые, как было понято, передавали идеи, возможность которых, должно быть, зародилась в уме спрашивающего. Так, в исследованиях Жака Картье мы находим такие отрывки, как следующий: "Доннакона сказал нам, что он был в стране Сагений, где бесконечно много рубинов, золота и других богатств, и что там есть белые люди, которые одеваются в шерстяную одежду, совсем как мы во Франции". Таким образом, неправильное понимание ответов на вопросы, основанных на предвзятых идеях, может многое объяснить, но, помимо этого, сами по себе точные отчеты могут легко оказаться окрашенными ложной ассоциацией идей по мере того, как традиция передается из уст в уста. Таким образом, в данном случае вполне может быть, что те, кто передал нам сагу в ее нынешнем виде, поняли заявления скрелингов как подразумевающие существование некоей христианской общины, какой ее представляли более поздние комментаторы. Но сами утверждения поддаются объяснению, более созвучному факту. Выделанная индейцами оленья шкура перед обработкой дымом становится белой, как лайковая перчатка, и одеяния из этого недымленного материала не редкость, особенно если они предназначены для церемониального использования. Я сам видел плащи индейцев Лабрадора, украшенные несколькими незначительными линиями и узорами красной краской, которые заставили бы меня с совершенной правдивостью сказать о владельце, что он 'носил белую одежду'. Что касается 'громких криков', то эту черту гораздо легче согласовать с

представлением об индейцах, чем с христианской церемонией. То, что описывается как "Индийский флаг", украшенный, правда, перьями вместо овсянки, изображено в книге Скулкрафта на странице 13 тома. iii, и трудно представить, как еще кто-либо мог бы описать это, в то время как другие примеры шестов и флагов встретятся читателю практически в любой работе о североамериканских индейцах.

В целом, не кажется невероятным, что какая-то индейская церемония на материке могла быть описана на каком-то подобном языке, который здесь приписывается пленным скрелингам.

Прежде чем закрыть эту главу, будет удобно подвести итог выводам, к которым мы пришли.

1. В то время, когда в Исландии были описаны дикари, пользовавшиеся каменными орудиями труда и каноэ, никаких встреч с гренландскими эскимосами не было.
2. В то время не существовало другого источника, из которого можно было бы почерпнуть реалистичные описания дикарей, если только скандинавы не нашли их в Америке.
3. Описание внешности скрелингов нейтрально — оно очень хорошо подойдет как индейцу, так и эскимосу; это явно точный портрет какого-то дикаря.
4. Описанные каноэ напоминают индийские, за исключением названия (худкейпар), 'каноэ из кожи'. Этот момент, однако, можно объяснить, либо предположив естественное заблуждение относительно используемого материала, либо приняв используемое слово за то, которое эскимосские каяки Гренландии ко времени написания саг ввели в обиход как естественное обозначение любой формы каноэ.
5. Обмен мехов на красную ткань, костный мозг животного, смешанный с кровью, ночевки под каноэ, крики и драки - ярко выраженные индейские черты.
6. Индийское оружие, использовавшееся в прежние времена, было независимо описано Скулкрафтом, и оно в точности напоминает то, что описано в саге.
7. Описанные люди испытывают ужас при виде незнакомых предметов и звуков, например, прирученного быка; они не знакомы с цивилизованным оружием; они бесхитростны, но мстительны. Все это подлинные черты дикаря, некоторые из них особенно присущи индейцам.
8. Размахивающие шесты нельзя удовлетворительно объяснить как весла для каяка, и любая попытка идентифицировать слова, приписываемые пленным скрелингам, как эскимосские, после того как они были переписаны несколькими поколениями переписчиков, неизбежно окажется весьма безрезультатной.
9. Отрывок из "Хвитраманналанда" может быть истолкован в соответствии с индийскими обычаями, хотя любые предполагаемые утверждения дикарей следует рассматривать как крайне ненадежные и крайне подверженные неправильному толкованию.
10. Описания точны и реалистичны, в них нет явных следов черт, заимствованных из кельтских или других романтических источников. Таким образом, в целом мы можем с уверенностью утверждать, что саги содержат точные описания американских индейцев и что они, сделанные в то время, когда норманны в остальном не знали дикарей, представляют собой безупречное подтверждение существенной исторической точности рассказа.

V. ВОПРОСЫ О "ДАГРЕ" И "ЭЙКТАРСТАДЕ"

Прежде чем перейти к рассмотрению самих путешествий с целью определения, насколько это возможно, исследованной территории, желательно расчистить путь путем обсуждения двух вопросов, первый из которых своим решением дает приблизительный стандарт для измерения определенных зарегистрированных расстояний, в то время как второй дает приблизительную северную границу возможного положения Вайнленда. Эти два вопроса никоим образом не связаны, за исключением того, что они являются предварительными к любому заслуживающему доверия исследованию: как таковые, они могут быть удобно рассмотрены в одной главе, которую люди, не склонные к науке, могут пропустить.

"Дейгр сиглинг".

В первые дни, о которых идет речь в настоящем томе, единственным методом измерения расстояний на море обязательно было время. Никакие астрономические наблюдения, способные дать результаты, хотя бы приблизительно точные, тогда не могли быть поняты, и любопытным фактом в истории мореплавания является то, что даже простейшая форма журнала для расчета скорости продвижения не была введена до сравнительно нового времени. Наиболее естественным методом измерения морских расстояний в этих обстоятельствах было бы использование единиц измерения, соответствующих обычному делению времени. Следовательно, мы должны ожидать, что одна единица будет соответствовать часовому плаванию, другая - двенадцатичасовому рейсу, а для использования на больших участках открытого моря, возможно, будет использоваться единица, основанная на среднем ходе за двадцать четыре часа.

В настоящее время установлено, что исландцы действительно использовали два эталона морских измерений— "вика" и "тилфт", или дюжину, которая, как следует из названия, представляла двенадцать из названных первыми единиц. Для настоящего исследования будет сочтено полезным прежде всего установить, с максимальной возможной точностью, расстояния, представленные "викой" и "тилфтом".

В рукописи пятнадцатого века, включенной в сборник научных трактатов, известный как Римбегла, можно найти следующий отрывок (стр. 482): 'Между Бергеном и Нидарошем (Трондхьем) около четырех градусов, так что один градус составляет примерно морской "тильфт"'. Остановливаясь здесь, мы можем заметить, что путешествие из Бергена в Тронхьем, очевидно, представляло собой четыре морских 'тайфта'. Отрывок продолжается: 'теперь градус на суше и "тильфт" в море равны, и в дневном (дагурском) плавании есть два "тильфта"'. К выражению, используемому для обозначения дневного плавания, следует обратить внимание позже, но пока ему можно позволить оставаться в той не вызывающей споров форме, в которую оно переведено выше. Взятая как точное изложение дела, эта цитата из Римбеглы дала нам следующую таблицу:

1 вика = 5 морским милям.

1 тилфт = 1 градус (60 морских миль).

2 тильфта = 1 день плавания (120 морских миль).

Теперь, если дневное плавание принять здесь за эквивалент двадцати четырех часов, мы имеем именно те деления расстояния, которые, как я сказал вначале, мы должны ожидать там, где измерение производится по времени. 'Вика' означает часовой пробег, 'тилфт' - двенадцать часов, а дневное плавание - двадцать четыре часа. Были ли правильно указаны географические расстояния, которые, как утверждается, они представляют, - это другой вопрос, на который мы можем теперь взглянуть немного внимательнее.

Очевидно, что предполагаемое соответствие между 'тилфтом' и градусом, которое, принимая во внимание состояние судоходства в период саги, в любом случае должно было быть случайным, основывается на гипотезе о том, что длина рейса от Бергена до Трондхьема составляет четыре градуса, или 240 морских миль. Разница в широте между этими двумя местами на самом деле составляет немногим более трех градусов, и даже линия румба, соединяющая Берген и Тронхьем, не имеет протяженности 240 морских миль; эта ошибка, однако, не обязательно должна каким-либо образом влиять на расчеты автора. Но при вычислении кратчайшего расстояния, покрываемого кораблем, плывущим из одного места в другое, становится очевидным, что, называя это расстояние четырьмя градусами, делается серьезное преуменьшение, которое сводит на нет полученный вывод. Считается, что это расстояние, пройденное в настоящее время, составляет 318 морских миль, и расчет или проверка карты покажет, что его невозможно уменьшить намного меньше 300, так что, если это соответствует четырем "тильфтам", рассчитанным по времени, как это, вероятно, и было, нашу таблицу следует пересмотреть следующим образом:

1 вика = 6·25 миль.

1 тилфт = 75 миль.

1 день плавания = 150 миль.

Эта оценка в некоторой степени подтверждается шкалой исландских морских миль (викур), приведенной в "Письмах Троила об Исландии" (1780), где они представлены как девять с точностью до градуса или равны $6\frac{2}{3}$ милям каждая. Разумеется, не следует ожидать точного соответствия стандартам измерения, полученным таким грубым методом, как время, затраченное на среднее плавание.

Еще один "тилфт", поддающийся измерению, указан в путеводителях по Гренландии, приписываемых Ивару Бардсону. Здесь таким образом описано расстояние между Рейкьянесом ($63^{\circ} 24'$ северной широты, долг. $22^{\circ} 40'$ з.д.) и Снафельснес ($64^{\circ} 55' 30''$ северной широты, дол. $23^{\circ} 59' 40''$ з.д.). Расчет дает длину прямой линии между двумя точками в 73,54 мили, согласно которой "вика" будет составлять около 6,12 миль, что еще раз подтверждает предположение, что правильным измерением этой единицы должно быть что-то более шести, а не пяти миль.

Если ход рассуждений до сих пор был правильным, то из этого следует, что средняя скорость в исландском рейсе при благоприятных условиях будет составлять что-то около шести узлов. Следующее, что нужно выяснить, - это максимально возможная скорость при исключительно благоприятных обстоятельствах. К счастью, этот момент также поддается определению. Нет необходимости и, вероятно, это вводит в заблуждение, как это делает мистер Бэбкок, входить в расчеты, основанные на скорости современных кораблей. В "Саге об Олафе Святом" (см. Эту

сагу в "Хеймскрингле", § 125) некто Торар Нефьольфсон совершил то, что, очевидно, считалось замечательным подвигом, проплыв из Норвегии (Моэри) в Эйрарбакки в Исландии в течение четырех дней и четырех ночей. В данном случае нет никакой двусмысленности относительно значения восьми 'дагров', зафиксированного периода, поскольку сам Торарссылается на тот факт, что четыремя ночами ранее он был с королем в Норвегии. Отправной точкой можно смело считать Стад, который находился в районе Сендмере, поскольку из других источников мы знаем, что это было обычное место отправления в Исландию, поскольку, действительно, его географическое положение на оконечности западного направления береговой линии от Тронхьема делало бы это вполне вероятным. Географическое положение Штада - 62° 11' северной широты, 5° 8' Восточной долготы. Расстояние до Эйрарбакки (63° 51' 45" северной широты, 21° 7' западной долготы), самой южной точки Исландии (63° 23' 45" северной широты, 19° 5' 5" западной долготы), в круглых цифрах составляет около 730 морских миль. Это означало бы скорость около 7 · 6 узлов, и хотя это, вероятно, слишком мало, поскольку курс вряд ли мог быть таким прямым, и мы не знаем ни точного места отправления, ни точного времени старта и финиша, мы можем с уверенностью предположить, что все, что значительно превышало восемь узлов, было за пределами возможностей исландского судна.

Таким образом, согласно нашим расчетам, среднее расстояние, покрываемое за двенадцать часов при попутном бризе, составит около семидесяти пяти миль, и, получив эти важные данные, мы можем теперь перейти к более конкретному рассмотрению единицы расстояния, повсеместно используемой в истории Вайнленда, а именно "dægr sigling", или дневного плавания.

В его строго научном значении не может быть никаких сомнений в том, что "день" - это период в двенадцать часов. Римбегла (не уже цитировавшийся трактат, а другой, включенный в тот же сборник) недвусмысленно излагает этот вопрос. 'В сутках два "дня", в "дне" двенадцать часов' (стр. 6). В морской фразеологии, в которой это слово встречается чаще всего, нельзя отрицать, что иногда оно используется с тем же значением. Примером может служить уже процитированный отрывок, повествующий о путешествии Торара Нефьольфсона. С другой стороны, утверждение из уже цитировавшегося трактата Римбеглы о том, что "в плавании "дэгур" есть "два тильфта", должно быть ясно истолковано как означающее двадцать четыре часа, поскольку даже 120 морских миль нельзя преодолеть за двенадцать часов при том, что, как мы выяснили, является предельной скоростью исландского парусника, и мы всегда должны колебаться, отождествлять местное или техническое использование с точной научной терминологией.

Можно, например, серьезно сбиться с пути, взяв длину мили из учебника географии и применяя ее при любых обстоятельствах к любому расстоянию, называемому тем же названием.

Автор последнего упомянутого отрывка в "Римбегле", по-видимому, действительно использует "дагр" и "даг" как взаимозаменяемые, поскольку далее он говорит, что девяносто градусов окружности земли заняли бы сорок пять 'даг сиглингар', а полное кругосветное плавание заняло бы 180 'даг сиглингар'. Если бы этот отрывок стоял отдельно, то, несомненно, было бы возможно объяснить первое "dægr" как простую словесную оговорку; соответственно, необходимо рассмотреть вопрос с другой точки зрения и исследовать расстояния, которые, как утверждается, покрываются данным количеством "dægra sigling".

Подходящий для этой цели отрывок встречается в Ланднаме I, 1. Автор, очевидно, пытается определить положение Исландии, ссылаясь на хорошо известные точки по всем ее сторонам. С этой целью он делает следующее заявление:

Мудрецы говорят, что из Норвегии от Стада семь “дагров” плывут на запад до Хорна на востоке Исландии; но от Снайфелльсна, где расстояние наименьшее, четыре “дагра” морем до Хварфа в Гренландии [92].... От Рейкьягна на юге Исландии есть пять морских “дагров” до Джолдхулапа в Ирландии, на юге, в то время как от Ланганеса на севере Исландии есть четыре морских “дагра” до Шпицбергена в Полярном море (Хафсботн), и это “дагровое” плавание до необитаемых частей Гренландии с острова Кольбейн (Мевенклинт) на север.’

Давайте рассмотрим эти утверждения последовательно.

Горн на востоке Исландии может означать либо современный мыс Горн, самую восточную точку страны, либо, что более вероятно, Восточный Горн немного дальше к юго-западу. Причина, по которой я отдаю предпочтение последнему месту, заключается в том, что это, по-видимому, был самый восточный Рог, известный как таковой авторам Ланднамы. Он упоминается вскоре после этого при описании открытия этой земли Гардаром и, очевидно, был не самой восточной точкой страны, поскольку Гардар, как говорят, прибыл к востоку от нее. Положение самой восточной части мыса Горн составляет 65 ° 5' северной широты, 13 ° 27' 45" западной долготы; положение Восточного Горна - 64 ° 20' северной широты, 14 ° 25' западной долготы. Расстояния от Штада до этих двух мест соответственно составляют 524-67 и 543-46 миль. Следовательно, в данном случае ясно, что имеются в виду семь периодов по двенадцать часов, и расстояние, пройденное за каждый ‘день’, точно соответствует среднему “часу пути”, на который мы уже прибыли, составляя от 74,9 до 77,5 миль в зависимости от выбранной цели. Из этого ясно, что мы здесь имеем дело со средними показателями, а не, как предполагает Шторм, с записями, поскольку скорость составляет не более 6 · 4 узлов, что, помимо того, что мы знаем о путешествии Торара Нефьольфсона, очевидно, не является чем-то экстраординарным, в то время как путешествие между этими двумя пунктами, по всей вероятности, проходило чаще, чем любое из других, упомянутых здесь.

Хварфом (поворотной точкой) в Гренландии был либо мыс Фарвелл, либо один из мысов, таких как Сермесок, лежащий непосредственно к северо-западу от него, и для нашей настоящей цели будет достаточно справедливо рассчитать расстояние до мыса Фарвелл.

Это получается примерно на расстоянии 631 мили по прямой, и сразу становится очевидным, что четырех периодов по двенадцать часов совершенно недостаточно для покрытия расстояния. С другой стороны, четыре дня по двадцать четыре часа вполне подходят для плавания со скоростью около 6½ узлов.

Позвольте мне теперь рассмотреть одно или два возможных возражения. Во-первых, можно настаивать на том, что версия отрывка, в которой в качестве цели указан Хварф, может быть неверной, и что точкой измерения является побережье Гренландии непосредственно к западу от Снайфелльсна. Слова ‘к западу от Гренландии’, которые заменяют любое упоминание о Хварфе в альтернативном прочтении, могут показаться подтверждающими эту точку зрения, но взгляд на карту покажет, что все проложенные маршруты следует интерпретировать со значительной свободой и что Хварф так же точно соответствует западу от Исландии, как,

скажем, Ирландия югу от Рейкьянеса. Реальные ответы на это возражение, однако, заключаются, во-первых, в том, что никто никогда не мог совершить непрерывное плавание до точки в Гренландии к западу от Снайфельснеса, принимая во внимание ледяной барьер, который в этой точке разделяет побережье и открытое море; и затем, что расстояние до Гренландии к западу от Снайфельснеса, около шестнадцати градусов долготы, составляет по меньшей мере 400 миль, и, следовательно, столь же невозможное расстояние, которое можно преодолеть за сорок восемь часов плавания. Наконец, несомненно, более вероятно, что для измерения следует выбрать точку, регулярно проходимую во время рейса между Исландией и Гренландией, чем неопределенную местность в неисследованном регионе, находящемся в сотнях миль от путей практической навигации. Следующее возражение, возможно, будет заключаться в том, что я измерил расстояние по прямой, тогда как из старых навигационных указаний следует, что это ни в коем случае не было обычным выбранным курсом. Курс, проложенный в направлениях, приписываемых Айвару Бардсону, по-видимому, лежит на запад в течение дня и ночи, а затем в юго-западном направлении параллельно ледяному поясу. Теперь, прежде всего, следует помнить, что курс по прямой линии на самом деле не самый короткий, и если на карте обозначить день и ночь строго на запад, а оставшуюся часть расстояния рассчитать, скажем, от $29 \cdot 45$ западной долготы, результирующее расстояние не увеличится очень существенно, но составит где-то около 645 миль, которые все еще можно преодолеть за четыре дня со скоростью около 6-7 узлов. Фактически, вероятно, все курсы, с которыми я имею дело, на практике были бы длиннее, чем я их рассчитал, и средняя скорость, которую я вывел из них, должна быть немного увеличена, хотя то же самое не относится к скорости в восемь узлов, которую я принял за максимальную, поскольку в этом случае уже была сделана значительная поправка на отклонение. Если кто-то скажет, что мои максимальная и средняя скорости в таких обстоятельствах довольно близки друг к другу, я отвечу, что на самом деле шторм не дает большого преимущества в скорости по сравнению с попутным бризом, поскольку эффект поднятия уровня моря сводит на нет большую часть выигрыша, которого в противном случае можно было бы ожидать. Если расстояние, фактически пройденное между Снайфельснесом и Хварфом, увеличить хотя бы до 700 миль, скорость будет ненамного больше семи узлов или в пределах установленных пределов. По этим причинам расстояние, указанное в Ланднаме между двумя точками, кажется мне правильным утверждением, но "dægra sigling" здесь следует интерпретировать как дни из двадцати четырех часов.

Аналогично обстоит дело и с путешествием из Рейкьянеса в Джолдухлауп в Ирландии. Это никоим образом не может быть сделано в течение пяти 'дагр' по двенадцать часов каждая. Приблизительно ближайшие пункты в Ирландии можно считать удаленными примерно на 688 миль. Малин-Хед на севере и Эррис-Хед на западе Ирландии находятся почти на равном расстоянии от Рейкьянеса: первый находится примерно в 685 милях, второй - в 690 милях от начальной точки. Нет никаких реальных оснований предполагать, что какая-либо точка в Ирландии, находящаяся так близко к Исландии, является истинным местоположением Джолдухлаупа. С другой стороны, очевидно, что еще несколько миль - и записанное расстояние будет полностью соответствовать пяти дням по двадцать четыре часа. Если мы приведем наш корабль в залив Слайго, расстояние составит $718 \cdot 6$ миль, или десять 'тилфтов' по $71 \cdot 8$. Это полностью соответствовало бы уже рассмотренным стандартам расстояния, но, конечно, Джолдухлауп вполне мог находиться еще дальше от Рейкьянеса. Это название обычно переводится как 'бегущая волна' и иногда пишется как Олдухлауп из спельты. Джойс [93] приписывает скандинавское происхождение названию Олдерфлита недалеко от гавани Ларн, и

поскольку "hlaup" и "fljót" являются распространенными окончаниями, означающими "поток", это слово в исландской форме (Oldufliót) было бы практически идентично Olduhlaup. Процитированный выше автор говорит, что первая часть Olderfleet - это скандинавское искажение Ollorbha, кельтского названия воды Ларне, но происходит ли истинное происхождение от этого слова или 'oldu' - волна - это вопрос, который в равной степени применим к Olderfleet и Jolduhlaup и не дает оснований для различия между ними. Что касается имен, то они вполне могут быть идентичны. Ларн должен был стать первой важной гаванью после входа в Северный пролив между Шотландией и Ирландией, и поэтому вполне мог быть выбран в качестве хорошо известной точки для измерений в Ланднаме. От Рейкьянеса до острова Ратлин у входа в Северный пролив около 713 миль, оттуда до Ларне еще около тридцати семи, что составляет расстояние, которое, если верить этой гипотезе, нужно преодолеть примерно в 750 миль за пять "дагра"-десять "тилфтов" по семьдесят пять миль, что в точности соответствует нашей измененной таблице.

Было высказано возражение, что в некоторых рукописях не читается "пять дагров"; это верно, но альтернатива (три дагра) не помогает тем, кто претендует на двенадцатичасовой "дагр", в то время как даже если мы примем произвольную редакцию версии, напечатанной в Скалхолте в 1688 году, и прочитаем "восемь дагров", скорость перемещения, даже до ближайшей точки, была бы слишком быстрой, чтобы быть нормальной. Таким образом, мы снова имеем утверждение, замечательно согласующееся с нашими данными, если мы интерпретируем "день" как двадцать четыре часа, и совершенно невозможное, если "день" повсеместно следует рассматривать как всего двенадцать.

Оценивая расстояние от Ланганеса до Шпицбергена, мы сталкиваемся с трудностью, заключающейся в том, что мы не знаем, где могло находиться последнее место. Я рад, однако, признать, что в данном случае, по-видимому, указывается продолжительность в двенадцать часов. Четыре раза по двадцать четыре часа проникли бы слишком далеко в арктические регионы, чтобы быть вообще вероятными, в то время как Ян-Майен, по-видимому, лучше всего соответствует условиям места к северу от Ланганеса, расположенного в Полярном море.

От мыса Ланганес до южной оконечности Ян-Майена около 296 миль, или "тилфтов" по 74 мили, маршрут летом в этом месте обычно свободен ото льда, и в целом представляется вероятным, что Ян-Майен, а не Шпицберген, как иногда предполагают (840 миль), является местом, описанным как Шпицберген.

Последнее зарегистрированное расстояние - от острова Кольбейн (Мевенклинт) до необитаемого побережья Гренландии, лежащего к северу. Положение Мевенклинта указано в широте. 67° 10' северной Широты, лонг. 18° 30' западной долготы, а ближайшая точка на побережье Гренландии находится примерно в широте. 69° 40' северной широты, протяженность. 22° 48' W. Таким образом, расстояние составило бы 177 · 45 морских миль, и поэтому очевидно, что оно не могло быть покрыто за двенадцать часов плавания. Однако за двадцать четыре часа, при исключительно благоприятных условиях, можно было преодолеть все расстояние, и в любом случае за этот промежуток времени судно, вероятно, подошло бы к суше настолько близко, насколько позволил бы лед. Маловероятно, что это конкретное путешествие, которое не включено во все тексты Ланднамы, совершалось достаточно часто, чтобы можно было составить справедливое среднее значение; скорее всего, речь идет об

особом случае, известном авторам, который, по всей вероятности, имел бы место при исключительно благоприятной возможности.

Теперь выводы, к которым нас вынуждает рассмотрение всех этих расстояний, зарегистрированных в Ланднаме, таковы:

1. Только два из пяти рейсов вообще совместимы с "дневным расписанием" продолжительностью двенадцать часов.
2. Эти двое, по-видимому, очень точно зарегистрированы, что наводит на мысль о правильности других данных. В путешествии от Штада до К. Хорна нам предстоит преодолеть ровно семь "тилфтов" по 74,9 мили за семь дней, в то время как от Ланганеса до Шпицбергена (если имеется в виду Ян-Майен) четыре "тилфта" по семьдесят четыре мили каждый за четыре дня.
3. Либо оставшиеся три безнадежно неточны, либо "dægr sigling" в этих случаях означает двадцать четыре часа.
4. Если они неточны, то самым замечательным совпадением является то, что все они могут быть уточнены за счет использования двадцатичетырехчасового периода.

Таким образом, если взять среднее значение в семьдесят пять миль за двенадцать часов, на которое мы ранее приходили:

Расстояние от Штада до С. Хорн заняло бы 6·9, или практически семь дней по двенадцать часов (в пересчете на семь дней).

Если бы был выбран альтернативный маршрут, путешествие заняло бы 7·1 дней.

От Снайфелльсна до Хварфа пройдет 4 · 1 дня по двадцать четыре часа (задается как четыре дня).

При отплытии из Рейкьянса в любую часть Ирландии нельзя было прибыть раньше, чем наступит пятый день из двадцати четырех часов, и было бы легко найти точку, которая заняла бы точно указанное время. Расстояние от Ланганеса до Ян-Майена указано правильных пределах восьми миль, что легко может быть объяснено небольшими различиями в пунктах прибытия и отправления.

Путь от Мевенклинта до Гренландии занял бы 1·16 суток по двадцать четыре часа.

Таким образом, расхождения настолько незначительны, что даже если бы скорость пришлось ограничить этим средним значением, утверждения были бы настолько правильными, насколько позволяет столь неопределенная единица измерения, как день пути, и, конечно, разница в скорости должна была значительно превышать все, что требуется для абсолютного обоснования этих оценок в мельчайших деталях.

О том, что в случае трех из пяти утверждений такое соответствие должно быть случайным, мне кажется, не может быть и речи.

Несомненно, будут возражены, что я не вправе интерпретировать одно и то же слово в одном и том же отрывке в два разных периода времени. Однако составители Landnámabók прямо

отказываются от личной ответственности за зарегистрированные статистические данные. Они основаны на сообщениях "витрир менн", людей, обладающих необходимыми специальными знаниями, и если допустить, что значение выражения "дэгр" могло варьироваться от места к месту, то нет ничего экстраординарного в том, что расхождение такого рода проиллюстрировано в отрывке, основанном на информации, полученной от разных информантов на востоке и западе Исландии.

Сравнительно легко понять, как могло возникнуть такое расхождение в использовании в мореходстве. Очевидно, 'dægr sigling' было обычным морским выражением для дневного плавания. Об этом свидетельствует не только тот факт, что слово "dægr" почти всегда встречается в морском контексте, но и первое предложение предисловия Ланднамабока, в котором слова Беды "sex dierum navigatione" заменяются "sex dægra обозначением" как очевидный эквивалент. Конечно, до массового исхода, вызванного политикой Гарольда Харфагре в Скандинавии, подавляющее большинство путешествий, предпринимаемых скандинавами, совершалось вдоль побережья Норвегии и прилегающих стран и осуществлялось почти исключительно днем, корабли заходили в удобную гавань почти каждую ночь. Побережье Норвегии до появления маяков не могло быть приятным местом для плавания в темноте, и фактически мы почти всегда находим записи об исключительных случаях, когда какие-либо мотивы побуждали моряков того периода плыть день и ночь без остановок. Таким образом, дневное путешествие на корабле при нормальном ходе было бы эквивалентно расстоянию, пройденному за двенадцать часов, и, таким образом, несомненно, началось применение этого слова к дневному морскому путешествию. Затем, когда колониальная экспансия и предприятия викингов сделали непрерывные путешествия в открытом море более распространенным явлением, для желающих записать пройденное расстояние были открыты два курса. Они могли бы воспринять морское выражение 'dægr' как относящееся к двенадцати часам, фактически затраченным на плавание в старых условиях, или они могли бы воспринять его как относящееся к периоду, в течение которого корабли менее отважных моряков обычно стояли на якоре. Человек, который взял, скажем, четыре "дэгры", чтобы проплыть между двумя пунктами, останавливаясь на ночь, на самом деле проделал бы путь всего за сорок восемь часов, но время, затраченное на переход от пункта к пункту, составило бы четыре дня по двадцать четыре часа. В зависимости от аспекта вопроса, который поразил моряка, привыкшего к такому методу счета, он, вероятно, назвал бы непрерывное плавание продолжительностью в четыре дня либо четырьмя, либо восьмью 'даграми'. Таким образом, разнообразие в местный обычай, возможно, вполне естественно возникает который будет учитывать расхождение, которое привело к трудностям с которыми я стремился интерпретировать.

Конечно, в отрывках, где используется это выражение, мы вообще редко располагаем какими-либо данными, позволяющими сказать, какое значение следует придавать этому слову. В "сагах о Вайнленде" слово "дэгр" встречается, возможно, с необычной частотой, и, на мой взгляд, каждый отрывок, где оно там используется, можно было бы использовать в поддержку аргумента о том, что 'дэгр сиглинг' часто длился двадцать четыре часа. Но использовать эти отрывки на данном этапе означало бы вести спор по кругу, и мы должны довольствоваться предположением, что это слово использовалось именно так, на основе данных, которые использовались в предыдущем аргументе, оставляя за собой право при последующем исследовании путешествий принять то, что там указано относительно пройденных расстояний, даже если исходить из гипотезы, что "dægr" может означать только двенадцать часов, сделанные утверждения явно невероятны.

Проблема "эйктарстада".

В рассказе о пребывании Лейфа в Вайнленде, содержащемся в книге Флэтея, можно найти отрывок, который вызвал более острые споры, чем любой другой в этой истории. Он выглядит следующим образом:

"Sol hafðearar eyktarstad ok dagmálastad um skamdegi" — солнце находилось там в самом коротком месте и для завтрака в самый короткий день, или, как передано в нашем переводе, [стр. 42](#), "в самый короткий день солнце стояло над (исландскими) отметками как в течение ночи, так и во время завтрака".

Теперь можно мимоходом отметить, что, каким бы ни было значение этих слов, они, очевидно, не относятся к тому типу вещей, которые романтизирующий автор саг представил бы в своем собственном воображении. Это признают самые враждебные критики авторитета, который их воспроизводит.

Принимая во внимание позицию, занятую некоторыми современными авторами, важно указать на их полную независимость от того, что можно извлечь из конкурирующей версии. Они идут далеко, чтобы опровергнуть, если это необходимо, теорию о том, что рассказ о книге Флэтей позаимствован из Саги об Эрике Рыжем.

Но на данном этапе исследования нас это интересует меньше, чем точное значение используемого выражения, и хотя вопрос окончательно решен и ничего нового добавить нельзя, необходимо, ради читателей, незнакомых с предметом, уделить этому вопросу некоторое время.

У исландцев, не имевших часов или научно сконструированных циферблатов, была привычка определять время суток по положению солнца над горизонтом. С помощью этой цели они отметили восемь точек на горизонте, используя холмы и природные объекты там, где они были удобно расположены, и возводя пирамиды из камней в местах, которые в остальном были ничем не примечательны. Этот метод учета времени, каким бы грубым он ни был, сохранялся вплоть до самого недавнего времени, если, конечно, он до сих пор не используется в некоторых частях страны. Гендерсон, посетивший Исландию в 1814-15 гг., описывает метод довольно подробно (Исландия, том i, стр. 186) и дает названия и временные эквиваленты различных точек следующим образом:-

1. Миднаэтти.	Около	11	часов дня
2. Отта.	"	2	ночи
3. Мидур-моргун (или Хирдис-рисмал).	"	5	часов утра
4. Дагмал.	"	8	часов утра
5. Хадеги.	"	11	часов утра
6. Нон.	"	2	часа дня
7. Мидур Аптан.	"	5	часов вечера

В более ранней работе [94] упоминаются те же самые деления времени, но с некоторой разницей в эквивалентах, например: ‘Отта с ними в три часа ночи; Мидур моргон или Хердис рисмал - в пять часов; Дагмал - в половине девятого; Хадеге - в одиннадцать; Нонн - в три часа дня; Мидур афтон - в шесть утра (так в оригинале: очевидно, должно быть ‘днем”); наттмал - в восемь, а миднатт - в двенадцать часов ночи”. Небольшое размышление сделает очевидными причины этих расхождений во времени, поскольку метод не только чрезвычайно груб, но, конечно, горизонтальный азимут солнца в определенное время не одинаков в течение всего года, и он также меняется в зависимости от широты. Например, приняв широту Исландии за 65° , а наклон эклиптики в 1000 году н.э. за $23^\circ 34'$, что является относительно точным, и рассчитав положение солнца в три часа дня в течение года, мы получаем:—

Середина лета: $57^\circ 9'$ с.ш.

Равноденствие: $47^\circ 49'$ з.д.

Середина зимы: $40^\circ 36'$ з. д. (не видно)

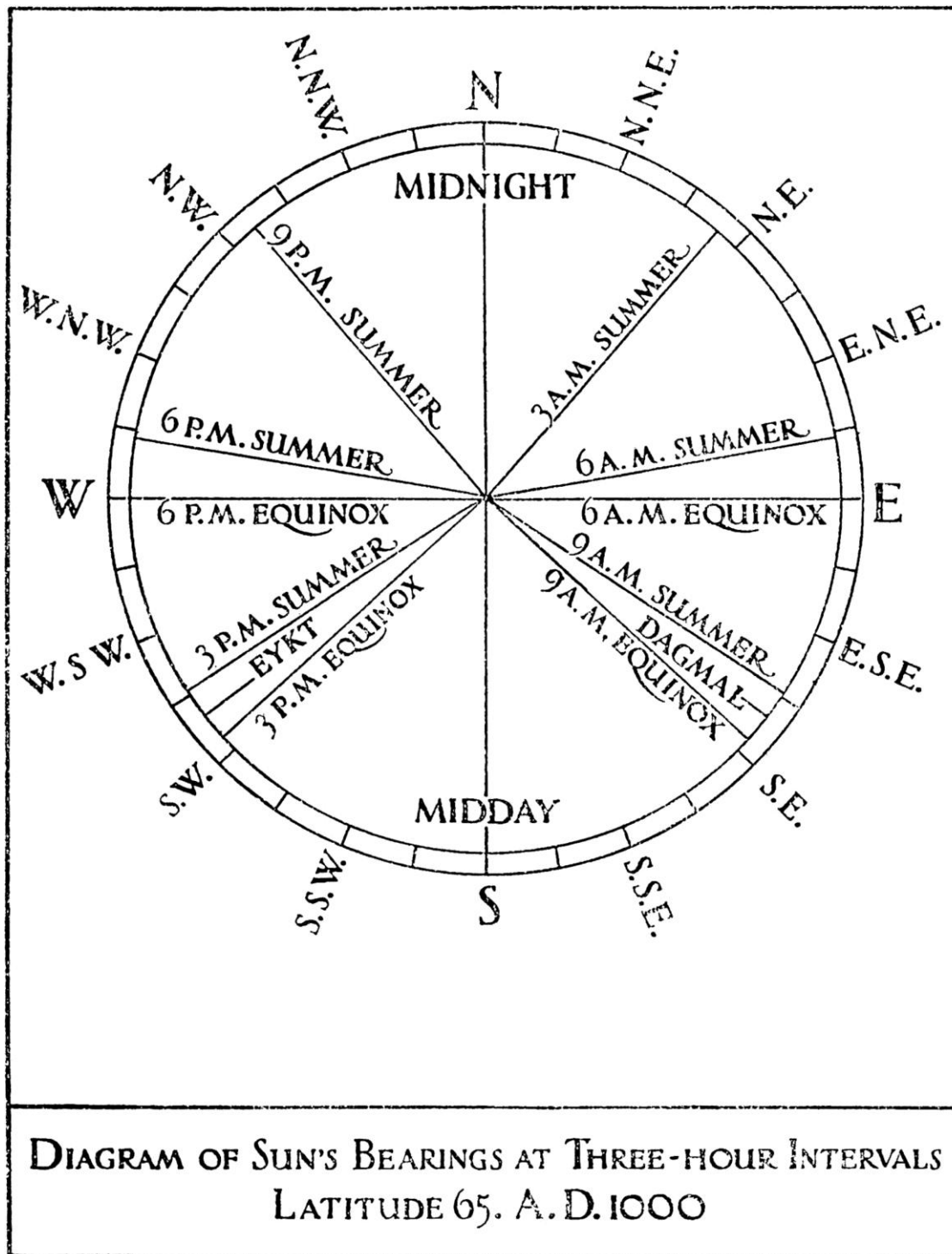
при смещении широты на $51^\circ 30'$ (примерно на широту Лондона) мы получаем азимут $68^\circ 17'$ на 3 часа дня в середине лета.

Однако из того факта, что одной из восьми точек была полночь, а другой ‘хадеги’ (высокий день или полдень), следует, что схема была направлена на разделение дня равноденствия на трехчасовые интервалы. Тогда было бы около 9 часов утра и около 3 часов дня. Последнее слово первоначально означало церковное ‘pones” (3 часа дня), а в древнеисландском “eykt” используется как синоним “pones”.

В Исландском церковном кодексе, или Кристинрет, даны инструкции по правильному расположению знака ‘eykt”. ‘Это эйкт, - гласит закон, ‘ когда юго-западный воздух делится на три части, а солнце прошло два деления и ему осталось пройти еще одно”. Это дает нам азимут $52^\circ 30'$ с.ш. для “эйкт” или нулей, что в Исландии одиннадцатого века было бы вполне правильным для 3 часов дня между равноденствиями и летним солнцестоянием в течение почти всего времени, то есть когда солнце было бы видно в этот час в этих северных широтах. (Смотрите прилагаемую диаграмму.)

Итак, основная ошибка всех более ранних комментаторов, пытавшихся разъяснить рассматриваемый отрывок, заключалась в том, что они рассматривали “эйкт” не как солнечное направление, а как определенное время по часам. Три часа явно не годились, поскольку закат в 3 часа дня в самый короткий зимний день указывает на широту, слишком далекую к северу, чтобы каким-либо образом соответствовать указанному климату. Торфеус, самый ранний автор на эту тему, соответственно интерпретировал “юго-западный воздух” как целую четверть между югом и западом, и, разделив время между полуднем и 6 часами вечера (западное равноденствие) на трети, он пришел к 4 часам дня как ко времени захода солнца, которое с 8 часами утра для Дагмаля дает восьмичасовой рабочий день, или широту приблизительно 49° Северной широты. Конечно, по уже приведенным причинам направление, соответствующее такому разделению горизонта (60° южной широты), предполагая, что последнее оправдано, не соответствовало бы неизменно представляют 4 часа дня даже в Исландии, и время, на которое

указывался азимут в Исландии, было бы указано совершенно другим положением солнца на другой широте.

Затем появилось то, что можно назвать школой Рафна, который утверждал, что точно определил местонахождение Виноградников из саг по соседству с Род-Айлендом. Для них интерпретация, в результате которой была получена широта 49°, была неудовлетворительной. Соответственно, они молились о помощи отрывку из "Эдды Снорри", в котором говорится, что зима начинается в точке, где заходит солнце в "Эйктарстаде". Было известно, что зима, согласно исландскому

календарю, начиналась на неделе, предшествующей 18 октября, и наблюдения на широте дома Снорри показали, что солнце заходило там 17 октября в 16.30. Поскольку в отрывке проводится различие между осенью и зимой, это вряд ли могло относиться к началу исландской зимы примерно 18 октября, поскольку, как указал Вигфуссон в отношении этого разделения календаря, которое сохраняется в современной Исландии, это разделение года только на лето и зиму, и весна и осень не принимаются в расчет. [95] Но это привело Рафна и его последователей к утверждению, вопреки всем другим свидетельствам, что "эйкт" - это не точка, а период времени, и что "эйктарстад" - это точка, которую можно интерпретировать как 4.30 пополудни, очевидно, на любой широте! Это, с учетом "дагмаластада" в 7.30 утра, дало девятичасовой день, из которого Рафн утверждал, что определил широту — с точностью до секунды дуги — как $41^{\circ} 24' 10''$, наблюдение, которое, принимая теорию Рафна относительно посещенной местности, было бы за пределами точности современного секстанта. К несчастью для этого удивительного результата, метод расчета вряд ли был настолько правильным, поскольку, помимо ошибочной трактовки местного *времени* как переносимого, не было сделано никакой поправки на эффекты рефракции и т. Д., И предполагаемое склонение относилось не к одиннадцатому, а к девятнадцатому веку.

Доктору Густаву Шторму оставалось указать правильный способ использования предоставленных данных. Предполагая, что инструкции в "Кристинрете" применимы к наблюдению, записанному более ранним днем, и предполагая, что этот отрывок означает, что солнце село точно в момент "эйкта", амплитуда или расстояние от запада при заходе солнца в самый короткий день в Вайнленде составляла $37\frac{1}{2}$. Мы можем предположить, поскольку наблюдатель смотрел бы через сушу, что нижний край солнца находился по крайней мере на 19 футов выше фактического горизонта, и, таким образом, нет необходимости учитывать рефракцию или наклон горизонта перед вычислением формулы: —sec : широта : = sin : amp : cossec : decl. Профессор Тернер из обсерватории Оксфордского университета любезно предоставил мне исправленное склонение для 1000 года н.э., а именно: $23^{\circ} 34' 8''$. Нам не нужно беспокоиться о секундах, поскольку мы не знаем ни точного момента солнцестояния, ни даже года с уверенностью; если опустить их, задача решается следующим образом: —

логарифмический грех : амплитуда :	9.784447
логарифмическая косекунда : склонение :	10.398140
логарифмическая секунда : широта :	10.182587

Следовательно, широта должна быть около $48^{\circ} 57'$ Северной широты. Это, однако, при правильном понимании дает только северную границу, за которой наблюдение не могло быть произведено.

Можно было бы возразить, что усовершенствования, предписанные в "Кристинрет", вряд ли применялись в те первобытные времена. По-видимому, было восемь дневных отметок, две из которых представляли полночь и полдень соответственно, и поэтому казалось бы более естественным для людей, которые не придавали особого значения часу в 3 часа дня, который впоследствии был связан со временем нулей, разделить свой горизонт на равные части, которые служили бы, во всяком случае, в дни равноденствий, точно для 6 часов утра, вечера и середины дня, в то время как дагмаль и эйкт занимали бы точки посередине между другими и,

менее точно, для 9 часов утра и 3 часов дня. разделить день на равные вахты: в любом случае, такая интерпретация не может быть правильной, поскольку амплитуда в 45° дала бы широту $55^\circ 34'$, до которой было бы видно это направление, и это было бы слишком близко к широте Гренландии, чтобы быть примечательным, в то время как нет ничего более ясного, чем то, что автор отрывка пытался зафиксировать заметное и удивительное отличие от продолжительности зимнего дня, к которому привыкли гренландцы.

На самом деле именно это, а не точное определение широты, по-видимому, является целью данного утверждения, взятого в целом. Это все равно, как если бы кто-то сказал: 'Я мог бы завтракать или бриться при дневном свете круглый год'. Из этого отрывка никоим образом не следует, что дагмаластад и эйктарстад следует понимать как восход и заход солнца; на самом деле, если бы это было так, то это было бы экстраординарным совпадением. Обычно использовались только восемь точек, по которым можно было измерить или выразить время суток, и поэтому сказать, что солнце взошло в определенное время, не означает, что в этот точный момент оно находилось над горизонтом. Действительно, если бы Рафн довольствовался вероятностями, вместо того чтобы пытаться обосновать прохождение точным определением широты, он привел бы довольно веские доводы, насколько это касалось эйктарстада, в пользу местности, которую он отождествил с лагерем исследователей. Есть вероятность, что на фоне лесистой и холмистой местности фактические восход и заход солнца были невидимы, и что солнце было высоко в момент прохождения над зарегистрированными точками. Я примерно рассчитал высоту солнца в эйктарстаде в рассматриваемое время и выяснил, что даже на 40° южнее она не достигнет $5\frac{1}{2}^\circ$. Даже если предположить, что имелось в виду время захода солнца, не потребовалось бы какой-либо очень большой неровности горизонта, чтобы произвести эффект захода солнца в этой точке на широте, поддерживаемой Rafn, и почти наверняка указанная местность была намного ближе к этой широте, чем к северной границе наблюдения.

Взятые в их контексте, эти слова, по-видимому, являются иллюстрацией большего равенства дня и ночи, о котором говорится во вступительных словах предложения. Их реальная ценность заключается в том факте, что они воплощают замечание обстоятельного и делового характера, которое во многом подтверждает историческую достоверность повествования. Это не то, что придумал бы романтик, это то, что заметил бы путешественник. Во-вторых, хотя, по всей вероятности, эти слова указывают на гораздо более южную широту, они исключают возможность того, что место наблюдения находилось севернее (примерно) 49° . Рассматривать их как преднамеренную попытку определить широту - значит упускать из виду все вероятности. Пусть все, кто все еще придерживается этой интерпретации, пойдут и установят для себя отметки и попытаются по ним определить широту. Южная точка, конечно, может быть точно зафиксирована с помощью места наикратчайшей тени или различных других хорошо известных устройств. Временные эквиваленты, приведенные Хендерсоном и Тройлом, однако, не предполагают, что они были такими фиксированными, как правило. Но без инструментов для правильного измерения углов для других отметок, скажем, 2° , было бы действительно очень сложно, в то время как сами отметки, вероятно, составляли бы заметный угол. Ошибка в один градус будет более чем воспроизведена на широте. Любое изменение точного положения наблюдателя, вероятно, привело бы к неточности по меньшей мере такой степени; так что, если посещаемую местность вообще можно идентифицировать, то, конечно, не с помощью этого отрывка, на который так много комментаторов потратили столько бесплодной изобретательности.

VI. ПУТЕШЕСТВИЯ. ОБЩИЕ СООБРАЖЕНИЯ

Читатель, который внимательно следил за аргументацией до сих пор, я думаю, будет убежден, что открытие и исследование некоторых частей Америки скандинавами покоится на прочном историческом фундаменте.

Теперь становится необходимым заняться вопросом, относительно которого имеется значительно больше поводов для споров; реконструкцией, насколько это разумно возможно, самих путешествий. Никто, знакомый с трудностями, связанными с записями гораздо более поздних исследователей, таких как Кэбот и Кортес Реаль, не будет ожидать, что этот предмет можно догматизировать; географические детали, вероятно, никогда не будут урегулированы с абсолютной окончательностью. Мы должны продвигаться осторожно и поэтапно, устраняя невозможное и устанавливая общие границы, прежде чем приступим к увлекательной задаче теоретизирования по деталям.

Трудности задачи.

Основная трудность заключается в том факте, что при примитивном состоянии навигационной науки того периода те сведения, естественно, наиболее расплывчаты и ненадежны, на которые мы больше всего привыкли полагаться. Точных широт или долгот не существует, и даже компас, хотя и использовался до написания дошедших до нас рукописей, не был известен этим ранним исследователям. Что касается расстояний, то мы должны зависеть от периодов времени, которые, возможно, были неточно скопированы и само значение которых является предметом острых споров. (См. Предыдущую главу, § 1.) Вполне вероятно, что на указанные курсы повлияли предвзятые идеи более поздних редакторов, и в любом случае они расплывчаты, часто лишь приблизительно обозначены направлением ветра.

На самом деле нам приходится в значительной степени зависеть от того, что нам говорят о внешнем виде различных побережий и о различных местных продуктах.

И что касается одной версии этой истории, мы должны полагаться в ней на описание только одного путешествия — Карлсефни. Что касается другой версии, версии Книги Флэтея, то следует иметь в виду, что авторы этой саги считали, что все исследователи совершили один и тот же выход на сушу. Они пришли в 'лагерь Лейфа'. Теперь, хотя это была естественная идея для тех, кто не имел представления о размерах страны, мне кажется невероятным, что это соответствует реальным фактам. Для автора книжной версии Флэтея "лагерь Лейфа" и 'Вайнленд' были более или менее синонимичными терминами. Но более подробный отчет о путешествии Карлсефни наводит на мысль, что, хотя более поздний исследователь искал район, который посетил Лейф, на самом деле он его так и не нашел. Лейф, похоже, поспешил на берег, едва увидев эту страну, и провел чисто местную разведку. Его брат, Торвальд, который, следуя сразу за Лейфом, возможно, прибыл на ту же базу, как нам сказали, 'думал, что исследование страны было ограничено слишком узкой территорией'. Карлсефни, с другой стороны, после прибытия в Килнесс, провел очень длительную разведку и, по-видимому, разделил свой отряд на две части: одна отправилась на север, а другая на юг, с целью повторного открытия Винодельческих земель Лейфа. Как я надеюсь сейчас показать, Лейф не мог проникнуть в дом Карлсефни. И все

же автор Книги Флэтея, проникнутый идеей, что Лейф и Карлсефни занимали одинаковые лагеря, очевидно, почувствовал себя вправе взять свое описание сцены высадки Лейфа из самого полного доступного отчета, который, как он нам говорит, принадлежал Карлсефни. Учитывая представление о том, что все исследователи высадились на берег одинаково, это было вполне естественно и законно, но это вносит элемент путаницы в нашу и без того трудную задачу. Я думаю, не может быть никаких сомнений в том, что сочетание мелководья, реки и озера в описании лагеря Лейфа является убежищем Карлсефни, но, как будет видно позже, маловероятно, что Лейф когда-либо добирался туда.

Я склонен думать, что другой пример такого же рода путаницы прослеживается в версии этой истории Хаука. Приняв решение вернуться домой из-за дикарей, автор приводит группу обратно в Страумсфьорд. Затем он, очевидно, желает включить некоторые материалы из разных источников. Поэтому он сначала отмечает некоторую информацию, расходящуюся с только что приведенной, "Некоторые люди говорят" и т.д., А затем вставляет свою версию смерти Торвальда Эриксона, которому, как было указано в главе о книге Флэтея (стр. 126), на самом деле до этого момента не было места в этой саге. Следует отметить, что в обеих версиях Торвальд погибает во время путешествия на север мимо Килнесса, где, как гласит одна история, 'все было покрыто лесом', в то время как в другой говорится, "там не было ничего, кроме безлюдного леса". Представляется крайне маловероятным, что группа Карлсефни, приняв твердое решение вернуться домой, отправилась в новое путешествие с целью открытий, поэтому, хотя доказательства могут быть неубедительными, я склонен думать, что первоначально приведенный здесь материал был отчетом о независимом путешествии, предпринятом Торвальдом, как это изложено в книге Флэтея. В старых стихах о единороге, безусловно, упоминается Карлсефни, но, как указывает Шторм в своем издании "саги", стихи кажутся лишь слабо вписывающимися в контекст и не упоминают свирепость единорога. Поэтому представляется вероятным, что "унипед" создан для того, чтобы убить Торвальда, чтобы можно было доработать "рассказ", точно так же, как автор работает с предсмертной речью Тормода Кольбрунарскальда, с очень небольшими изменениями и значительной неточностью, как с последними словами Торвальда Эриксона.

Таким образом, учитывая, что у нас есть основания подозревать путаницу такого рода, совершенно невозможно провести сколько угодно различий между разными путешествиями, и мы возвращаемся в основном к Карлсефни, хотя приключение Бьярни Херюльфсона имеет несколько иную основу и может быть исследовано независимо.

Стороны света.

Столкнувшись с этими трудностями, что нам делать дальше? Установлено, что скандинавы посещали Северную Америку: карта этой страны лежит перед нами в ожидании результатов нашего исследования. Имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства явно не имеют равной ценности; фактически мы находимся в положении картографа, чей материал варьируется от скрупулезно точной работы профессионального эксперта с его теодолитом до поспешных обходов по компасу и зарисовок первопроходца-исследователя, пробивающегося сквозь непроходимые и дикие дебри. Я думаю, что здесь следует подражать методу, с помощью которого картограф добивается наиболее удовлетворительных результатов на основе своего материала. В рамках, составленных из ряда пунктов, установленных с предельной достоверностью, на которую способна наука, он приспособливает менее заслуживающий

доверия материал, полностью отвергая то, что не может быть приведено в соответствие с такими фактами, которые были определенно установлены. Любой случайный выбор отдельных элементов неизбежно приведет к значительной, если не к кумулятивной ошибке.

Итак, в данном случае, если мы не будем неуклонно придерживаться того, что можно считать нашими постоянными точками зрения, адаптируя то, что подходит полностью или частично, и неумолимо отвергая остальное, мы будем склонны делать поспешные выводы и заниматься произвольным отбором любых свидетельств в их поддержку. Изучение результатов, достигнутых некоторыми более ранними исследователями данного предмета, очень сильно привлекает внимание к этой опасности.

Возможно, некоторые склонны возражать против использования в этой связи такого выражения, как "неподвижные точки", но на самом деле существует довольно много утверждений, выделяющихся на фоне остальных как факты, которые любой, кто вообще верит сагам, должен считать достаточно достоверными. Я постараюсь изложить их, прежде чем делать какие-либо выводы, в надежде, что, изученные отдельно от любого вопроса о том, к чему они могут нас привести, они встретят всеобщее признание.

1. Линия, проведенная около 49-й параллели северной широты, зафиксирована наблюдением "эйктарстад" как северная граница района, в котором следует искать Вайнленд. Этот отрывок, как мы видели, не может быть истолкован как означающий, что солнце село в самый короткий день точно в точке эйктарстад. На самом деле, было бы трудно поверить в совпадение, если бы закат в определенный день соответствовал отметке, произвольно установленной в Исландии для совершенно другой цели. Фактически, этот переход означает, что солнцe заходило в рассматриваемой точке; следовательно, к югу от этой линии вероятность возрастает на значительном расстоянии.

2. Объем нашего исследования дополнительно ограничен пределами, в которых можно найти дикуую лозу. Опуская как не относящееся к делу открытие Жаком Картье этого растения в заливе Святого Лаврентия, [96] можно сказать, что эта область начинается с бассейна Аннаполиса в западной части Новой Шотландии, исключая остальную часть этого полуострова, и оттуда следует вдоль побережья Новой Англии так далеко на юг, как нам захочется. Открытие виноградной лозы скандинавами, я думаю, окончательно установлено. Название, присвоенное стране, которое можно проследить с самого начала письменной истории, само по себе является доказательством этого. Это подтверждается Адамом Бременским в еще более ранний период, и из явно современных стихов Торхалля Охотника становится ясно, что до путешествия Карлсефни кто-то из участников предыдущей экспедиции утверждал, что виноградная лоза процветала в новой стране. Зерно, возможно, немного более сомнительно, а его природа более противоречива; соответственно, оно исключено из наших основных пунктов.

3. Исследуемая территория должна быть разделена участками открытого моря на три независимые формы суши. Разные участки одной непрерывной береговой линии не будут соответствовать требуемым условиям. Все источники сходятся в том, что любое каботажное плавание откладывается до того момента, когда будет достигнут Вайнленд.

4. Хеллулэнд, Марклэнд, Вайнленд, Фурдустрандс - все это географические названия, заимствованные из природных характеристик. Какую бы форму ни приняли их атрибуты, мы вправе рассматривать Хеллулэнд как страну камней, Марклэнд - как страну лесов, Вайнленд -

как страну винограда, а Фурдустрандс - как побережье с необычайной протяженностью. Последнее название не было изолированным пунктом; это название сохранилось в более поздней исландской географии как название района, сопоставимого с тремя основными подразделениями страны, хотя и с большинством ошибочных представлений о его положении. Итак, географический трактат, известный как "Грипла":

"Фурдустрандс - это название земли, где сильный мороз, так что, насколько известно, она непригодна для жизни; к югу от нее находится Хеллуланд и т. Д."

Его существование подтверждается упоминанием в самых ранних стихах, приписываемых Торхаллю Охотнику, — "и варят своих китов на Фурдустранде", — и если мы примем свидетельство саги о местности, где были сложены эти стихи, пляжи, о которых идет речь, должны были простираться по крайней мере от Килнесса до Страумсфьорда.

5. Килнесс, как мыс, протянувшийся в более или менее северном направлении и представляющий собой первую точку, к которой прикоснулись в Вайнленде, подтверждается постоянными упоминаниями о таком объекте в обеих независимых версиях рассказа. Происхождение его названия, несмотря на утверждения в сагах, вполне может рассматриваться как неопределенное. И Килнесс, и Бьярни (Медвежий остров) - названия, существующие в других местах, и то, что нам о них рассказывают, возможно, было придумано для их объяснения. Возможно, на самом деле они обязаны своими названиями воображаемому сходству с прототипами в других местах.

6. Страумсфьорд с его островом и сильными течениями описан слишком подробно, чтобы быть выдумкой.

7. Топографические характеристики Хопа, помимо значения названия, которое, по-видимому, относится к не имеющему выхода к морю приливному устью, подтверждаются свидетельствами обеих независимых версий. Поэтому мы должны принять его основные черты — обширные отмели и реку, текущую через озеро в море.

Итак, это наши отправные точки. К ним мы можем смело добавить, как общее правило, пункты, по которым независимые версии согласуются. Дикари, хотя и столь же достоверные и ценные как свидетельство общей правдивости рассказа, не включены, поскольку, какое бы мнение мы сами ни составили, некоторые все еще могут считать спорным, что они были эскимосами. В любом случае они не помогают нам зафиксировать какую-либо ситуацию более точно, чем другие наши данные. Если бы это были индейцы, они могли бы встречаться где угодно в пределах исследуемой нами области, если эскимосы, они не могли бы отнести Вайнленд к северу от 49-й параллели или подальше от виноградных лоз, от которых он получил свое название. Их существование, если оно будет установлено, лишь докажет более южную миграцию эскимосов, чем это до сих пор считалось общепринятым.

Теория лабрадора.

Несмотря на все это, некоторые авторы настойчиво утверждали, что полный охват всех зарегистрированных путешествий должен быть ограничен побережьем Лабрадора. Их, как правило, нельзя найти среди тех, кто специализировался на этом предмете. Чаще всего это те, кто, подобно Вайзе ("Открытия Америки до 1525 года"), рассматривает этот вопрос случайно, как часть более широкого исторического исследования. Их точка зрения, по большей части, по-

видимому, связана со скептическим отношением к сагам в целом. Это, действительно, не зависит от истории, за исключением того, что это служит некоторым подтверждением того простого факта, что Америку открыли скандинавы. Его сторонники в основном утверждают на независимых основаниях, что смелые мореплаватели, подобные скандинавам, добравшись до Гренландии, должны были время от времени попадать на Лабрадор. Ничто из того, что записано о Вайнленде, на самом деле не может быть приведено в соответствие с такой теорией, за исключением, возможно, скрелингов, которые используются максимально эффективно для этой цели с очень неубедительными результатами. Наблюдение "эйктарстад" (см. Предыдущую главу, [стр. 211](#)), наиболее обстоятельный момент в истории, исключает весь Лабрадор.

Климат тоже совершенно неподходящий, и, конечно, виноградные лозы и кукуруза превращаются в абсурд. Помимо всего этого, возникает вопрос, где на побережье Лабрадора мы можем найти три различные формы суши с совершенно разными характеристиками, отделенные друг от друга несколькими днями открытого моря.

Это правда, что бостонский ботаник, профессор Фернальд, попытался предположить, что виноградные лозы, кукуруза и мезурское дерево были продуктами совершенно иного порядка, которые можно найти на Лабрадоре. Виноградные лозы, по его словам, - это "ягоды куропатки" из Канады (*tutteбер* из Норвегии); кукуруза, трава лайма (*arundo arenaria*); и мезур - разновидность березы. Если бы это было так, то трудно понять, почему вещи, прекрасно известные в Исландии, привлекли бы столько внимания или были описаны под совершенно новыми названиями; или почему земля, в которой нет ничего вкуснее куропаток, должна была называться Вайнландией. Что касается виноградных лоз, то можно далее указать, что "Виноградная лоза" (*vínvið*) чаще упоминается в сагах, чем виноград, что, по-видимому, исключает ягоды; лаймовая трава (*melur*) хорошо известна в Исландии, и из нее в этой стране совсем недавно готовили разновидность муки. [97] Наконец, лес месур не был чем-либо известен норвежцам, поскольку в эпизоде с бременским купцом нам прямо сказано, что Карлсефни не знал, что это за дерево.

В целом этот, последний вариант лабрадорской теории, должен быть отброшен, как и его предшественники.

Теория шторма — Лабрадор, Ньюфаундленд, Новая Шотландия.

Наиболее общепринятой в настоящее время является теория, выдвинутая доктором Штормом в исследовании Винландсрайзера.

Прежде чем проводить какой-либо независимый анализ путешествий, будет полезно изучить эту теорию в свете только что изложенных принципов. По словам Шторма, Хеллулэнд, Маркленд и Вайнленд относятся к Лабрадору, Ньюфаундленду и Новой Шотландии соответственно.

Отождествление Лабрадора с Хеллулэндом основано главным образом на внешнем виде этого бесплодного побережья и присутствии там в большом количестве песцов. Конечно, то небольшое, что нам рассказывают о Хеллулэнде, очень подходит Лабрадору, и данное название наводит на мысль о нелестном описании страны, написанном в более поздние времена Жаком Картье: "Ее следовало бы называть не Новой Землей, а *землей камней*, ужасной и уродливой формы, ибо на всем упомянутом Северном побережье я не нашел ни одной телеги земли, хотя я высаживался во многих местах, — короче говоря, я скорее полагаю, чем нет, что это земля, которую Бог дал Каину". Действительно, как я знаю по личному опыту, голые, покрытые

ледником скалы побережья Лабрадора настолько поразительны, что приходится признать вероятность того, что страна получила название от них.

Однако вряд ли можно оспаривать, что на рассматриваемый момент все, что нам рассказывают о Хеллулэнде, подходило бы как Ньюфаундленду, так и Лабрадору. Несомненно, в наши дни песец больше напоминает лабрадора, но в прошлые времена это животное, по-видимому, было довольно распространено в Ньюфаундленде. Так, Энтони Паркхерст пишет Хаклюйту из этой страны в 1578 году: "Я почти забыл сказать о множестве волков и показать вам, что здесь водятся лисы, черные, *белые и серые*", а в другом отрывке он говорит о поразительном бесстрашии этих лисиц — черте, более характерной даже для новой страны Арктики, чем рыжие виды. Рыжая лисица, даже там, где она непривычна к виду человека, легко пугается и обычно хитра, но я сам обнаружил, что песец настолько бесстрашен, что удержать его подальше от мяса, лежащего поблизости от лагеря, было практически невозможно. Носовой платок, привязанный к рогу мертвого карибу, не годился даже для временной проверки.

Тем не менее, судя по всему, Хеллулэнд вполне может находиться на Лабрадоре. Но даже если Хеллленд - это Лабрадор, можем ли мы считать Ньюфаундленда Марклендом? Принимая во внимание единственный авторитет, на который опираются Сторм и его школа, мы не получаем никакой положительной подсказки из приведенного описания страны. 'Много леса и много зверей' не является чем-то особенным, хотя, без сомнения, его можно применить к Ньюфаундленду так же, как и к любому другому месту. Если мы включим описание из книги Флэтли: "низменный, с широкими полосами белого песка, склон от моря не был крутым", - то нам уже будет трудно искать Маркленд вдоль крутых скалистых берегов Ньюфаундленда. Описание, конечно, не характерное. Но если оставить в стороне вопрос о местном сходстве, идентификация защищается на том основании, что в одном тексте указано направление из Хеллуланда: 'они изменили свой курс с юга на юго-восток'. Это кажется мне самым ненадежным утверждением, на основании которого можно сделать определенный и положительный вывод. Во-первых, указанное изменение курса дано только Хауком; в более чистой версии компаньона говорится просто, что у исследователей был северный ветер. Принимая во внимание тот факт, что слово 'юго-восток' (*landsuðr*) встречается в самом следующем предложении — "остров лежал на юго-востоке", — здесь очевидна ловушка для неосторожного переписчика. Предположим, что слово в архетипе саги изначально было юго-западным (*utsuðr*), что более соответствует общему направлению исследований Карлсефни, и весьма вероятно, что оно было неправильно переведено словом, настолько похожим на то, что оно находится под рукой и бросается в глаза. Кроме того, курсы в целом настолько явно ошибочны или, в лучшем случае, являются расплывчатыми приближениями, что никто не может быть уверен в том, кто на них полагается. (Ср. Главу II, [стр. 131](#).)

Но, более того, внутренняя вероятность совершенно не соответствует юго-восточному курсу между Хеллулэндом и Марклендом. Первоначальный первооткрыватель, кем бы он ни был, никогда бы не вышел в открытое море к юго-востоку от Лабрадора. Если бы его целью было возвращение в Гренландию, он повернул бы на северо-восток; если бы проводил разведку, то держался бы побережья. В последнем случае он либо поплыл бы через пролив Бель-Айл, чего он явно не делал, либо, рассматривая это просто как залив или фьорд, рассматривал бы Ньюфаундленд и Лабрадор как одну страну. Если бы Карлсефни ориентировался независимо от опыта своего предшественника, он действовал бы точно так же и пришел бы к тому же выводу. Если бы он пользовался указаниями другого исследователя, он действительно мог бы повернуть

на юго-восток от Лабрадора к мысу Фрилз, но он сделал бы это, зная, что лежит перед ним, и поэтому не рассматривал бы как отдельную страну то, что его предшественник решил связать с Хеллулэндом. По этим причинам я склонен отвергнуть отождествление Маркланда с Ньюфаундлендом и прийти к выводу, что независимо от того, находится ли место, посещенное в Хеллуленде, в Ньюфаундленде или на Лабрадоре, название должно рассматриваться как включающее обе страны.

Еще более неудовлетворительным является отождествление Новой Шотландии с Вайнлендом. За исключением бассейна Аннаполиса на западе, который не соответствует требованиям сага, там нельзя найти дикий виноград. Зимой температура опускается до 20 ° ниже нуля; морозы обычно продолжаются с Рождества по апрель. Более того, описание побережья в сагах, во всяком случае, в окрестностях Килнесса, мыса на его северной оконечности, настаивает на длинных пляжах и песках, настолько замечательных по своей протяженности, что дали начало названию *Furðustrandir* ("Чудесные пляжи"). В Новой Шотландии нет ничего подобного. Это обстоятельство настолько важно, что я вернусь к нему позже; здесь будет достаточно заявить, что все авторитеты, древние и современные, сходятся в том, что говорят о Новой Шотландии как о скалистом побережье с многочисленными углублениями. Из представителей власти, которые в основном разделяют взгляды Сторма, мистер Дизеруд и мистер Бэбкок осознали эту трудность, хотя только мистер Бэбкок предпринял серьезную попытку справиться с ней. Его решение можно оставить для последующего рассмотрения; здесь он будет вызван просто как невольный свидетель против Новой Шотландии. "У этих людей были быстроходные корабли. Пляжи обычной протяженности, должно быть, также были знакомы всем им.... Они не удивились бы протяженности в пятьдесят миль". 'Очевидный факт, что в Новой Шотландии сейчас нет этих чудес... похоже, это вынудило доктора Сторма дополнить эту часть своей теории небольшими пляжами, на которые исландцы едва ли взглянули бы, проезжая мимо'. Возражение не могло быть сформулировано более убедительно; на этом давайте пока оставим его.

Еще раз: Карлсефни занимался исследованиями в течение трех лет. Не раз он плывал "подолгу". Когда сага означает день или два, это говорит само за себя; более того, часто кажется, что затраченное время занижено. Крайняя протяженность Новой Шотландии составляет менее 350 миль; за два дня и ночь со скоростью 7 узлов можно примерно покрыть это расстояние. Нам нужно гораздо больше места, чем предоставляет эта теория; фактически, ей нужны прокрустовы методы, чтобы вписать Винодельческую страну из саг в границы Новой Шотландии. Сжатие всего объема исследований от Килнесса до Хопа, как это делает мистер Дизеруд, до побережья между Кейп-Бретоном и Галифаксом, кажется несовместимым как с буквой, так и с духом рассказа.

Теории, включая Новую Англию.

Представители старой школы исследователей Вайнленда в настоящее время сильно дискредитированы. Их энтузиазм перешел все границы научной осторожности, и они высмеивали свои теории, пытаясь подкрепить их доказательствами, которые по большей части были чистым вздором. Предполагаемые останки норвежцев в Америке по праву стали притчей во языцех; хотя м-р Бэбкок считает, что стоит проанализировать все, что было приведено о свидетельствах такого рода, он без колебаний принимает общий вердикт о том, что, как это

было *априори* вероятно, до наших дней не сохранилось никаких следов визитов норвежцев. Там никогда не могло быть ничего, кроме временного лагеря; "*perierunt etiam ruinae*". В результате их необдуманного и легковверного энтузиазма ни один серьезный писатель не может согласиться с Рафном или Хорсфордом в деталях без предварительных извинений.

Тем не менее, возможно, есть что сказать в пользу принятия основных линий их идентификации "трех земель": Ньюфаундленд, Новая Шотландия и Новая Англия означают Хеллулэнд, Маркленд и Вайнленд. Это теория, которая бросается в глаза при взгляде на карту с целью обнаружения трех отдельных форм суши, лежащих на пути исследования Гренландии или Исландии. Возможно, это самая слабая идентификация Хеллулэнда, хотя, как было показано, Ньюфаундленд не исключается требуемыми условиями. Однако, если, как я предположил, Лабрадор и Ньюфаундленд, вероятно, рассматривались как одна и та же страна, идентификация Маркленда и Вайнленда не пострадает.

То немного, что мы знаем о Маркленде, очень хорошо подходит для Новой Шотландии. 'Много леса и много зверей' может, конечно, относиться к Ньюфаундленду и его карибу, но это было бы справедливо и для Новой Шотландии. В "путешествии мистера Хилла из Редрайфа в 1593 году", опубликованном в Хаклюите, так описывается случайная высадка на берег у Кейп-Бретона; 'и когда они осматривали местность, они видели разных зверей и нечисть, таких как черные лисицы, олени, выдры и т. Д.'. Очевидно, что еще в шестнадцатом веке фауна Новой Шотландии была достаточно многочисленной, чтобы поразить команду корабля, как только они сойдут на берег. Описание страны, данное в Книге Флэтея, которое не похоже ни на что исландское и, следовательно, звучит подлинно, подойдет южной оконечности Новой Шотландии, которая с большой вероятностью выходит на сушу, гораздо лучше, чем Ньюфаундленду. Он низменный и поросший лесом, как обнаружил Шамплен между Порт-Мутоном и мысом Негро, — 'берега, которые я видел до этого места, очень низкие и покрыты таким лесом, какой видел на мысе ла-Хев'. Что касается белого песка, мы можем сравнить описание Гудзона: "Земля у воды низменная, *абелые песчаные* берега возвышаются, поросшие небольшими холмами".

Хотя в Новой Шотландии нет пляжа достаточной протяженности, чтобы обслуживать Furdustrands, песка как местной особенности достаточно, чтобы соответствовать условиям, необходимым для Маркленда.

В своем отождествлении Вайнленда с Новой Англией, а не с Новой Шотландией, представители старшей школы придерживаются еще менее сомнительной позиции, какими бы опрометчивыми ни были их рассуждения о деталях. Действительно, в настоящее время, по-видимому, наблюдается тенденция, примером которой являются выводы м-ра Бэбкока, отходить от теорий Шторма настолько далеко, что включать в них часть береговой линии Новой Англии. Добавление Новой Англии позволяет преодолеть ранее замеченные огромные трудности, связанные с нехваткой места для всей экспедиции Карлсефни и почти полным отсутствием дикой лозы. Должны ли мы также включать Новую Шотландию в число "третьих земель", посещенных скандинавами, или нет, нам следует посоветовать искать Нор, во всяком случае, вдоль побережья Соединенных Штатов. Лично я твердо убежден, что Новая Шотландия необходима для Маркленда, и что Вайнленд, должно быть, располагался совсем к западу или юго-западу от него.

Прежде чем приступить к более подробному рассмотрению путешествий, составляющему тему последующих глав, я бы предварительно наметил общие направления нашего исследования в

соответствии с аргументами, приведенными выше. Тогда Хеллленд, по всей вероятности, будет рассматриваться как Ньюфаундленд и Лабрадор как одна страна или, возможно, только Ньюфаундленд; Маркленд будет Новой Шотландией; а Вайнленд, наиболее важная область в исследовании, где-то на восточном побережье Соединенных Штатов.

Постскриптум к двум недавним теориям.

Здесь будет удобно остановиться на теориях, выдвинутых двумя недавними авторами, чьи работы не привлекали моего внимания до тех пор, пока не были написаны все главы настоящего тома. Это:

1. "Путешествия скандинавов в Америку" профессора У. Ховгаарда (Нью-Йорк, 1915) и
2. "Путь норвежцев из Гренландии в Вайнленд" профессора Х. П. Стинсби (Копенгаген, 1918).

Из двух трактатов второй в целом более революционный. Ибо профессор Стинсби, обнаружив Хеллулэнд и Маркленд на Лабрадоре и отождествив Бьярни с Ньюфаундлендом, приводит своих исследователей в залив Святого Лаврентия, где южный Лабрадор заменен Фурдастрандсом, Килнесс (*после Фурдустрандса*) - в Пойнт Вашес у устья Сагеней, Страумси на острове Хэйр на реке Святого Лаврентия и Хоп, все еще находящийся в реке Святого Лаврентия, у Сент-Томаса на южной стороне.

Хотя они придерживаются совершенно разных взглядов относительно относительной ценности источников — профессор Стинсби полностью отвергает книгу Флэтли, авторитет которой поддерживает другой автор, — оба автора сходятся во мнениях в некоторых отношениях, которые несколько новы. Оба совершают первую посадку Карлсефни в Хеллуланде, в точке Лабрадора, которая находится почти на той же широте, что и южная Гренландия, и берут курс очень далеко к западу от юга; и оба настаивают на каботажном плавании на всем протяжении, без перерывов в открытом море между различными посещаемыми землями. Мне кажется, что обе эти теории основаны на замене того, что их авторы считают неотъемлемыми вероятностями для выразительного языка саг.

В особенности это относится к трактовке Бьярни профессором Ховгаардом. Сначала он привозит его на Ньюфаундленд, а затем везет обратно вдоль побережья Лабрадора на остров Резолюшн у Баффиновой земли, чтобы подтвердить наличие льда (*екуль*, понимаемого как ледники) в этой истории. Результатом такой трактовки, когда автор приступает к рассмотрению путешествий Лейфа и Торвальда, является то, что остается огромный необъяснимый участок побережья между Хеллулэндом (остров Резолю) и Марклендом, который, по его мнению, нельзя разумно отождествить с каким-либо местом к северу от мыса Сейбл в Новой Шотландии. (Что касается Маркленда и Вайнленда Лейфа, действительно, профессор Ховгаард приходит по существу к тем же выводам, что и я.) Но, если отвлечься от этой трудности, все еще существуют серьезные возражения против такой реконструкции путешествия Бьярни.

1. Текст либо выражает, либо подразумевает открытый морской проход вне видимости суши между различными выходами на берег. От первой до второй земли это подразумевается в утверждении 'проплыв два дня, они увидели другую (или вторую) землю'. От второй до третьей земли прямо указано, что корабль плыл "в море три дня, когда они увидели третью землю". В оставшемся случае "они повернули носы *в сторону от* суши и вышли в море".

2. Весь смысл указания направления ветра (юго-западный) заключается в указании курса. На этот курс профессор Ховгаард не обращает внимания: от острова Резолюшн до Хердзульфснесса пеленг на самом деле будет лежать к югу от востока, а остальная часть пути - к западу от севера.

Что касается Карлсефни, то отношение профессора Ховгаарда к своим властям еще более произвольное. Предыдущие экспедиции, он согласен со мной, обнаружили Вайнленд на побережье Соединенных Штатов. Теперь целью Карлсефни был Вайнленд, и его экспедиция, хотя и несколько громоздкая, была более тщательно оборудована и заняла больше времени, чем любая другая. Однако, по словам рассматриваемого писателя, Карлсефни вообще никогда не бывал в Вайнленде. Сначала он нанес визит на Баффинову землю или северный Лабрадор, затем доплыл до Наина на побережье Лабрадора и присвоил этой местности название (Маркленд), уже присвоенное его предшественником месту далеко на юге, [98] а затем, вместо того, чтобы следовать указаниям Лейфа, отправился бродить в Сандвичеву бухту, которая здесь отождествляется со Страумсфьордом. Правда, как отмечает наш автор, зима в Страумсфьорде описывается как суровая. Тем не менее, экспедиция, очевидно, не замерзла, как это было бы на Лабрадоре, поскольку даже в это время норвежцы 'надеялись на рыбную ловлю' и действительно добыли выброшенного на берег кита. Капитан Картрайт, поселившийся в этом регионе, так описывает зимние условия:

Поднимитесь на вершину вон той горы; расширьте свой обзор

В бескрайней Империи Нептуна ты тоже этого не сделаешь,

Во всех его обширных Владениях есть Лазейка,

Где пенится Волна, или где вздымается Волна.

Сплошная унылая Пустыня, Лед и снег.

В этом месте, по словам профессора Ховгаарда, сведенный с ума москитами летом и безнадежно замерзший долгой зимой, опытный Карлсефни, далеко к северу от своей цели, основал свою основную базу. И за все три года своих исследований, согласно тому же автору, Карлсефни ни разу не проник дальше "Хопы" в Ньюфаундленде, не сумев добраться даже до Маркленда своего предшественника. Теория фактически предполагает полную корректировку и произвольный отбор доступного материала, который необходимо прочитать, чтобы оценить по достоинству. Конечно, Карлсефни не нашел ни виноградных лоз, ни кукурузы, и "пески" Меховых полей явно отсутствуют.

Незначительный момент, заключающийся в том, что эта теория требует каботажного плавания на всем протяжении, теперь можно рассматривать в сочетании с выводами профессора Стинсби. Я не придаю особого значения свидетельствам старых карт, которые будут рассмотрены позже в [главе IX](#), хотя они показывают, что между тремя основными 'землями' всегда считалось открытое море. География Исландии, упомянутая в той же главе ([стр. 287](#)), также предполагает наличие моря, во всяком случае, между Марклендом и Вайнлендом. Я бы попросил беспристрастного читателя обратиться к тексту и посмотреть, передает ли он ему какое-либо представление о каботажном плавании до достижения Килнеса, за исключением

одного случая в версии Хаука, который расходится с более чистым языком Саги об Эрике. Пусть он далее решит, можно ли на основе беспристрастного прочтения доказательств рассматривать Хеллулэнд, Маркленд и Вайнленд как части одной и той же непрерывной береговой линии.

Профессор Стинсби ([стр. 32](#)) утверждает, что скандинавы обычно плыли по берегу при приближении к суше, говоря, более того, "Это особенно применимо, когда речь шла о новой земле". Я бы счел более верным сказать, что норвежцы были пионерами мореплавания в открытом море, и необходимость сохранения достаточного морского пространства была бы особенно убедительной в случае побережья, опасности которого были совершенно неизвестны. Более того, согласно всем свидетельствам, первое открытие было случайным, и открытое море вполне могло быть пересечено в попытке вернуться в Гренландию, как нам сообщили в случае с Бьярни: если бы это было так, последующие экспедиции держались бы, насколько это было возможно, пути своих предшественников до того момента, когда они прибыли в страну (Вайнленд), которая единственная считалась желательной для посещения и исследования. Вдоль берегов Вайнленда они, несомненно, будут плыть, и это именно то, о чем нам рассказывают в сагах.

Я не буду останавливаться на модификации данных курсов, поскольку в данных обстоятельствах на это нельзя сильно полагаться. Утверждение, однако, саги о том, что Хеллуланд лежал к югу от Гренландии, подтверждается древнеисландской географией (см., [пост Глава IX, стр. 287](#)), и в любом случае конечная цель лежала так далеко к югу, что судно, ограниченное по вместимости, естественно, устремилось бы в этом направлении как можно быстрее. Как у меня будет возможность указать позже (глава VIII, [стр. 262](#)), судно, идущее берегом Лабрадора в начале лета, может сильно задержаться из-за льдов, о которых мы не находим никаких упоминаний, за исключением других соображений, в отчете экспедиции Карлсефни. Однако, если бы манипулирование курсами оставалось в стороне, этот пункт вряд ли был бы окончательным.

Но как только мы оказываемся в заливе Святого Лаврентия, возражения против этой теории становятся поистине грандиозными. Во-первых, профессор Стинсби вынужден постоянно удерживать Карлсефни в Страумсфьорде (река Святого Лаврентия) и сделать Хоп точкой фактически во фьорде. Это совершенно не соответствует нашим полномочиям. Климатические условия Страумсфьорда и Хопа, по-видимому, заметно отличались, и язык повсюду подразумевает, что было необходимо покинуть одно место, чтобы добраться до другого.

Во-вторых, рассматриваемый автор вынужден разместить Килнесс *после* Фурдустрандса, недалеко от основания Страумсфьорда. Однако в саге, прежде чем упомянуть Фурдустрандс, говорится, что "там был мыс (Килнесс), куда они прибыли", то есть это была первая точка, замеченная после отъезда из Маркленда. И снова, в обратном порядке от Страумсфьорда: "Торхалль пожелал отправиться на север через Фурдустрандс и мимо Килнесса". Страумси отождествляется с островом Хэйр, который даже в наши дни описывается как 'густо поросший лесом', место, казалось бы, неподходящее для размножения морских птиц и плохо приспособленное в качестве пастбища для крупного рогатого скота. Наконец, 'Хоп' профессора Стинсби в Сент-Томасе обращен на север, что противоречит саге, где нам не раз говорят, что скрелинги пришли с юга. Из положения лагеря Карлсефни на берегу "озера" ясно, что прибытие дикарей могло быть замечено только после того, как они вошли в устье реки, которое, соответственно, если верить властям, должно было быть обращено на юг, а не на север.

Остров Сент-Томас, расположенный немного южнее 47-й параллели, находится в пределах возможного наблюдения из эйктарстада. Это, однако, верно только в том случае, если мы понимаем, что солнце село именно в этой точке в рассматриваемый день. Как я уже указывал в другом месте, было бы слишком странным совпадением, чтобы его можно было легко принять, если бы скандинавы поселились в месте, где солнце точно в самый короткий день в году закрывало в самый момент захода одну из восьми отметок, установленных на совершенно другой широте с целью определения трехчасовых интервалов. Таким образом, мы вынуждены прийти к выводу, что солнцeне заходило в рассматриваемый момент, но в этот момент было на высоте, чтобы его можно было использовать. Поскольку это так, указана широта намного южнее расчетного предела, и, что касается этого наблюдения, Нор профессора Стинсби находится в районе, слишком близком к этому пределу, чтобы быть вообще вероятным.

VII. ПУТЕШЕСТВИЯ В ДЕТАЛЯХ: БЬЯРНИ, ЛЕЙФ, ТОРВАЛЬД

Бьярни Херюльфсон.

Как уже говорилось в предыдущей главе, Шторм и большинство признанных авторитетов жестоко обошлись с бедным Бьярни. Аргументы "за" и "против" его путешествия уже рассматривались, и есть надежда, что некоторые читатели, возможно, убедились в том, что Бьярни имеет все основания считаться первым моряком, увидевшим американские берега. Но независимо от того, могут ли быть обоснованы личные утверждения Бьярни или нет, я утверждаю, что мы имеем здесь очень ясный и правильный отчет о том, каким образом Америка была открыта, будь то Бьярни или кем-то другим. Первое открытие обязательно должно было быть случайным и почти наверняка было сделано, как утверждает Бьярни, с юга на север, поскольку в противном случае последующие исследования в южном направлении не поощрялись бы. Северная часть Америки представляла мало привлекательного для практических умов первых исследователей, критерием которых было 'чтобы это была прибыльная страна для посещения'; Лабрадор или Ньюфаундленд с моря, на первый взгляд, заслуживали эпитета Бьярни 'огагнавенлигт' - ни на что не годные. Гонимые штормом моряки, запасы которых были на исходе, вряд ли стали бы проводить исследования с севера на юг, в то время как в обратном направлении открытия были навязаны им обстоятельствами, и их опыт вполне мог побудить жителей Гренландии к дальнейшим исследованиям. Какой бы критике ни подвергалось путешествие Бьярни со стороны тех, кто не в состоянии привести его в соответствие со своими теориями, мне кажется, что если бы все остальные наши материалы были уничтожены, это путешествие само по себе считалось бы достаточным для подтверждения факта открытия скандинавии.

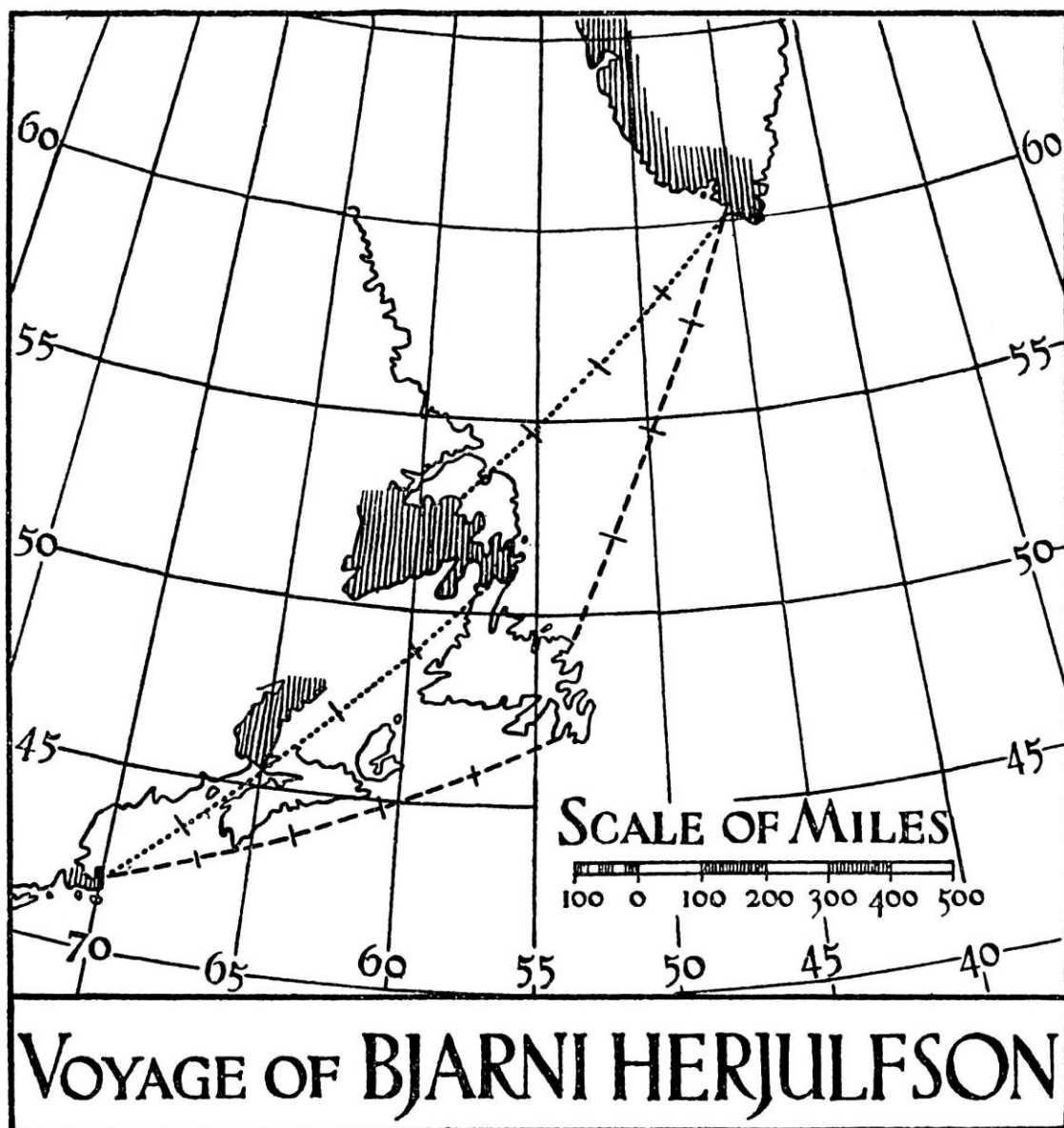
Каким бы незначительным и отрывочным он ни был, он представляет меньше реальных трудностей, чем любой другой. Хрониста, как и его героя, интересовали не увиденные земли, а приключения корабля, и оба курса и расстояния даны, возможно, с большей точностью, чем любые другие в этих сагах. Вероятно, это связано с тем фактом, что с этого повествования было сделано всего несколько копий. Как уже упоминалось, она представляла мало интереса для широкого читателя доколумбовой эпохи; она могла заинтересовать только моряков и штурманов, которые были бы больше заинтересованы в точном сохранении данных,

содержащихся в ней, чем простой переписчик, совершенно невежественный или дезинформированный относительно реальных топографических деталей.

Стоит отметить, насколько насыщено повествование морской фразеологией и деталями, представляющими интерес только для моряков. Это подтверждает впечатление о его подлинности, поскольку, конечно, история, если она правдива, изначально должна была быть рассказана Бьярни или одним из его моряков. Спуск и поднятие парусов, необходимость зарифления на обратном пути вместе с такими выражениями, как 'различать эйрты' или, как в нашем переводе, "ориентироваться", 'оставил сушу слева и позволил шверту повернуться к ней', 'отвел нос от суши', 'земля была заложена', то есть потеряна за горизонтом (*landit var vattnat*), придают этой части рассказа чрезвычайноморской колорит, хотя они мало что добавляют к общему интересу рассказа. Более того, мы получаем курс и расстояние в мельчайших деталях, за исключением периода тумана, когда сами моряки могли не знать о происходящем.

Самый простой способ разобраться с этим путешествием - проложить его в обратном направлении от Гренландии. Дальнейший путь обозначен лишь смутно, как путешествие корабля, безуспешно идущего западным курсом против северных штормов и сбитого с толку туманами и многодневным дрейфом. Предположительно, на корабле были припасены припасы для опасного плавания в неизвестные моря, но, по-видимому, перед концом у него заканчивались запасы воды и других предметов первой необходимости; следовательно, оправданно предполагать действительно длительный период действия этих неблагоприятных воздействий. Путешествие домой, однако, записано с предельной точностью.

Принимая данные, полученные в [главе V](#), для определения длины "большого знака", мы можем построить расстояние, представленное этой единицей, равное примерно 150 милям. Нам сказали, что ветер был юго-западный. Нанесите от Херьюльфснесса (Сермесок) на юге Гренландии четыре единицы 'dægr' в юго-западном направлении, а затем нарисуйте рельеф, который будет служить для обозначения "острова", который был третьей замеченной землей, проследите вдоль его побережья до точки дальше на юг, чтобы охватить описанный каботажный рейс, затем нанесите еще пять единиц 'dægr' на юго-запад. Наконец, отметьте место приземления на трассе по истечении пяти дней, а также через два дня после окончания. Результат будет таким, как показано на заштрихованных частях эскиза. Эти указания достаточно близки к истине, чтобы довольно убедительно показать, что "землями" были полуостров Барнстейбл (Массачусетс), Новая Шотландия и Ньюфаундленд соответственно. Это правда, что если вернуть этим землям их правильное положение на карте, то курс будет примерно северо-восточным, а расстояние от Ньюфаундленда до Гренландии увеличится, но во время последней части путешествия следует помнить, что ветер был намного сильнее, а расстояние между мысом Фрилз или мысом Сент-Джон в Ньюфаундленде и Сермесокком (Херьюльфснесс) в Гренландии составляет менее 720 миль, и его можно было легко преодолеть за четыре дня и ночи при таких благоприятных условиях, как во время путешествия Торара Нефьолфсона в Исландию обсуждается в [главе V](#). Пока что вся эта версия вполне последовательна и вероятна.

Теперь проблему можно решить по-другому. Бьярни, прежде чем достичь Гренландии, столкнулся с сильным северным штормом. Некоторое время он борется с этим и, слишком долго оттягивая момент, когда его может вырвать, вынужден бежать против ветра. Его везут к Ньюфаундлендским берегам, где он попадает в туман и, спустив паруса, как нам рассказывали, некоторое время дрейфует. Направление течения - в сторону Кейп-Кода; ветер, вращающийся вместе с солнцем по мере улучшения погоды, будет стремиться гнать его в том же направлении. Соответственно, нетрудно предположить, что он впервые увидел землю где-то на полуострове Барнстейбл в окрестностях Кейп-Кода. Данное описание этой земли, хотя и не является отличительным, безусловно, не противоречит сделанному выводу.

Сейчас Бьярни полностью поглощен идеей вернуться в Гренландию. Где он? Он долгое время плыл в попытке попасть на запад; вероятно, он находится к западу от места своего назначения. Более того, к западу или северу от него есть неизвестный берег, к которому он должен держаться подальше. Видимое изменение высоты полярной звезды или полуденного солнца, а также разница в продолжительности дня - это данные, которые показывают опытному

моряку, что он забрался слишком далеко на юг. Он должен уйти от неизвестного берега в открытое море, и он должен идти на восток и север. Плывая поэтому курсом немного на северо-восток, он через два дня видит другую землю, юго-западный выступ Новой Шотландии, "низменную и покрытую лесом". Это ничуть не похоже на Гренландию: он снова отплывает тем же курсом. Берег, уходящий здесь на север, исчезает из виду, но примерно через 500 миль открытого моря, покрытых тремя 'градусами', он видит часть южного побережья полуострова Авалон на Ньюфаундленде. Это унылый берег, и кругом полно айсбергов; более того, хотя, по расчетам Бьярни, он все еще находится слишком далеко к югу, команда уже начала роптать, и к их удовлетворению нужно доказать, что это не Гренландия. Что касается льда, я, конечно, знаю, что в саге используется слово 'екуль', которое подразумевает ледники, и вполне возможно, что это прихоть автора, привыкшего ассоциировать ледники с любым пустынным ландшафтом. "Екуль", однако, также может означать просто лед, и именно так используется в "Саге о Гретти" и в других местах. Айсберги, согласно King's Mirror, были известны гренландцам как 'фолджеклар'. Здесь может возникнуть некоторая путаница. Тем не менее, поблизости были бы айсберги, и внешний вид страны был бы более арктическим; это место лучше немного исследовать. Соответственно, Бьярни следует вдоль побережья до тех пор, пока не убедит себя и свою команду, что это место - всего лишь остров. Вероятно, он пришел к такому выводу, обогнув полуостров Авалон; возможно, он доплыл до мыса Фрилз или чуть дальше. Менее вероятно, что он проплыл через пролив Бель-Айл и таким образом убедительно продемонстрировал островной характер Ньюфаундленда, поскольку, если это так, он вряд ли мог избежать встречи с побережьем Лабрадора, которого он, очевидно, никогда не видел. То, что скандинавы, не заходя так далеко в своих исследованиях, пришли к выводу, что то, что они видели, было островом, несколько не примечательно, если вспомнить, что в течение почти 100 лет после его повторного открытия Ньюфаундленд считался архипелагом из-за изломанного характера его береговой линии и именно так он изображен на более ранних картах. [99]

Так или иначе, Бьярни пришел к выводу, что эта "третья земля" была островом. В этом утверждении нет ничего общепринятого; оно не относится к другим землям, и тот факт, что остров фигурирует в рассказе на своем надлежащем месте, является убедительным подтверждением его точности. Убедившись сам и его команда, что это не Гренландия, Бьярни мог с новой уверенностью отступать по своим собственным расчетам и таким образом добраться до места назначения. То, что он сделал это быстро и точно, могло бы вызвать удивление, если бы в исландской литературе не было множества хорошо подтвержденных примеров людей, которые после длительного дрейфа в условиях неблагоприятных ветров и туманов сохраняли до последнего достаточно знаний о своем положении, чтобы вернуться домой. Это был похвальный подвиг морехода, и мы можем расстаться с Бьярни с большим чувством уважения, чем, по-видимому, испытывали к нему его современники, какими бы ни были его недостатки как исследователя. Только один момент в путешествии Бьярни на первый взгляд может быть воспринят с подозрением. Это точное соответствие между количеством дней плавания и количеством достигнутых земель. Они плывут два дня ко второй земле, три - к третьей и четыре - к четвертой. Однако, как было показано при разработке маршрута, это не является невозможным совпадением. Я думаю, не лишено важности отметить, что то, что называется "четвертой землей", не является землей *единого* рода с другими, но является первоначальной целью Бьярни - Гренландией, которая, естественно, называлась бы именно так. На мой взгляд, это скорее похоже на то, что упомянутое выше совпадение было замечено и использовано в качестве *технической информации* о времени, проведенном в путешествии.

Leif.

О путешествии Лейфа можно будет рассказать вкратце. Описание Хеллулэнда вызывает подозрение, что оно было приукрашено воображением автора саги. Заснеженные холмы Лабрадора могут быть причиной 'великих ледников', но это выглядит как черта, заимствованная из Гренландии, чтобы подчеркнуть неприступный характер ландшафта. Причина, по которой было дано название "Хеллулэнд", легко может быть основана на самом названии. Однако, как указывалось в предыдущей главе, не имеет большого значения, был ли выход Хеллулэнда на сушу Лабрадором или Ньюфаундлендом, поскольку до открытия пролива Бель-Айл исследователь, идущий южным побережьем, предположительно рассматривал бы обе страны как одну. Маркленд Лейфа, как уже предполагалось ([стр. 232](#)), гораздо больше похож на Новую Шотландию, чем на Ньюфаундленд.

Теперь что касается Уайнленда. Книга Флэтея рассказывает нам, что Лейф, прибыв на берега Вайнленда, сразу же высадился и не проводил никаких дальнейших исследований, кроме как в непосредственной близости. Отрывок, свидетельствующий о стремлении людей добраться до берега, очень убедителен, и мы, вероятно, вправе принять его. В любом случае, у нас нет доказательств того, что экспедиция Лейфа продолжилась дальше вдоль побережья Вайнленда после его прибытия. Фактически, утверждение о том, что этого не произошло, в некоторой степени подтверждается мнением, приписываемым Торвальду, о том, что новая страна была недостаточно исследована; это также подтверждается тем обстоятельством, что Карлсефни и его команда явно ожидали найти место лагеря Лейфа где-то в окрестностях Килнесса, куда они впервые прибыли, но не были уверены, с какой стороны этого мыса он расположен. (См. Отчет о путешествии Карлсефни в "Саге об Эрике Рыжем".) Нам говорят, что Карлсефни разделил свои силы: одна группа отплыла к северу от Килнесса, в то время как другая двинулась в противоположном направлении. Следовательно, очевидно, что Килнесс, выбранный в качестве отправной точки, должен был находиться поблизости от места выхода Лейфа на берег, и это подтверждает точку зрения, указанную в книге Флэтея, что Лейф останавливался в точке, близкой к той, которую впервые заметили в Вайнленде.

Поэтому трудно согласиться с мнением мистера Бэбкока о том, что Лейф совершил длительное каботажное плавание вдоль берегов Соединенных Штатов; по крайней мере, можно сказать, что нет никаких положительных доказательств в поддержку такой теории.

Пока мы можем считать учетную запись Flatey корректной. Однако отчет, привезенный Лейфом домой, похоже, был больше посвящен открытиям, сделанным на суше, чем деталям побережья в окрестностях его лагеря. Следовательно, как указывалось ранее, Книга Флэтея, в которой ошибочно предполагалось, что все места высадки в Вайнленде одинаковы, продолжает черпать требуемое описание из некоторого сокращенного отчета о путешествии Карлсефни. Хоп обозначен довольно четко, и мы знаем, что Карлсефни достиг этого места только после долгого каботажного плавания.

Когда мы перейдем к рассмотрению ситуации в Хоп в связи с экспедицией Карлсефни (см. Следующую главу), я думаю, у нас будет полное право дополнить описание этого места тем, что нам рассказали о высадке Лейфа. Очевидно, что эти два места идентичны. Но тот факт, что это так, полностью останавливает любые попытки идентифицировать лагерь Лейфа в Вайнленде.

Если, как я думаю, путешествие Торвальда имело место, как описано в Книге Флэтея, это может пролить некоторый свет на открытия его предшественника, поскольку Торвальд, воспользовавшись советом своего брата и, вероятно, нескольких членов того же экипажа, с большой вероятностью прибудет в тот же пункт назначения. Если это так, то, как будет видно позже, по-видимому, указано какое-то место по соседству с Чатем-Харбор на пятом конце полуострова Барнстейбл. Но, конечно, такое отождествление предполагает много предположений.

Здесь можно сказать несколько слов относительно рассказа об открытии виноградных лоз, который подвергся суровой критике. Вполне возможно, что это было подправлено, но само незнание природы виноградных лоз, которое приписывается автору саги, делает часть истории по своей сути правдоподобной. Гренландцы ничего не знали о виноградных лозах и, возможно, не узнали бы их с первого взгляда. С другой стороны, если бы с ними был уроженец винодельческой страны, открытие было бы объяснено. Этот момент произвел впечатление на Некеля, который зашел так далеко, что сказал, что исландцы или гренландцы того периода, конечно, не узнали бы виноград, увидев его. Предпочитая версию Хаука версии Книги Флэтея, он вынужден согласиться с гипотезой, что первоначальным первооткрывателем был священник, который сопровождал Лейфа в его миссионерском путешествии и который, возможно, был иностранцем из винодельческой страны, хотя, поскольку Олаф в основном черпал вдохновение у таких людей на Британских островах, гипотеза Некеля довольно дикая. Теперь возникает трудность, которая может поразить современного комментатора, хотя, похоже, она не беспокоила многих из них, но мне кажется совершенно маловероятным, чтобы автор периода саг рассматривал этот вопрос настолько глубоко, чтобы выдумать немца для объяснения своего открытия. Тайркер фактически сталкивается с трудностью, которая очевидна только для критичного типа мышления, которого тогда еще не существовало. Следовательно, Тайркер вероятен; в любом случае такой человек был более квалифицирован, чем полуголые шотландцы вроде Хека и Хекья, чьей *сильной стороной* была скорее активность, чем ботаника.

Что касается пьянства Тайркера, то то обстоятельство, что он говорил по-немецки, который оказался его родным языком, на Боу-стрит, возможно, не сочли бы убедительным, но, возможно, автор саги имел в виду опьянение. Такое опьянение также не обязательно является плодом воображения историка. Мы должны помнить, что Охотнику Торхоллу, как можно заключить из его сатирических стихов, очевидно, было обещано выпить в Вайнленде, и поэтому представляется вероятным, что на самом деле был изготовлен какой-то грубый сорт вина. Это снова требует присутствия кого-то с опытом виноделия - искусства, для которого священник, казалось бы, не обладает ни способностями, ни склонностями. Задача, однако, не будет сложной. Как напомнил нам м-р Бэбкок ([, стр. 93](#)), в "Истории путешествия в Виргинию" утверждается, что позднее "иногда производилось по двадцать галлонов за один раз без какой-либо помощи, кроме раздавливания винограда руками, который, выдерживаясь пять-шесть дней, при вытягивании оказывался крепким и пьянящим". В качестве дополнительной поддержки теории о том, что производилось вино, можно сослаться на слова Адама Бременского — 'производить лучшее вино'. Кто с большей вероятностью опробовал метод, упомянутый выше, чем Тайкер с виноградников? И он вполне мог держать эксперимент в темноте до тех пор, пока не испытал свое варево на практике.

Но на самом деле все это не имеет значения; важен сам факт открытия винограда, который полностью подтвержден.

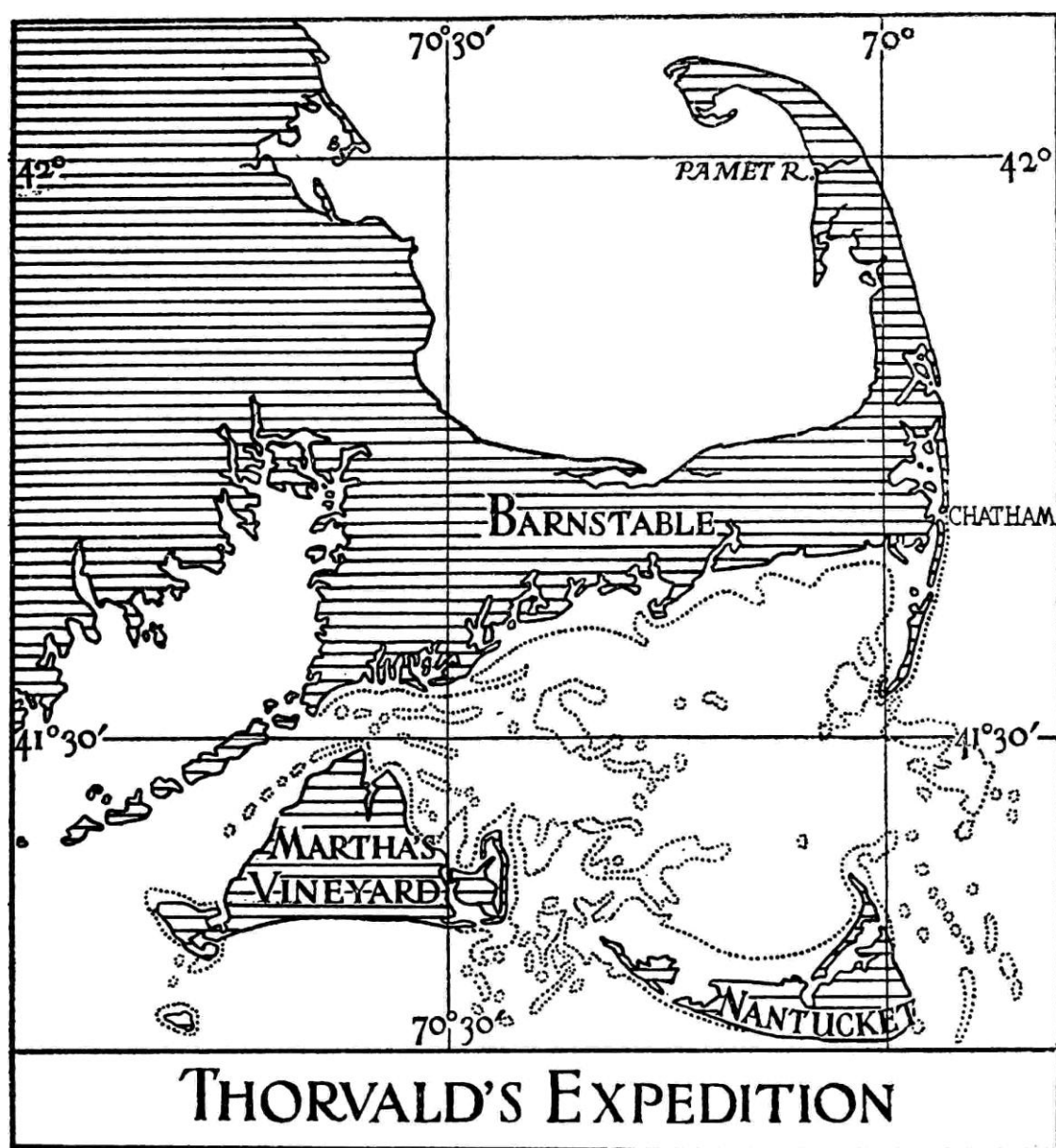
Торвальд.

Независимо от того, был ли Торвальд Эриксон руководителем независимой экспедиции, как указано в книге Флэтея, или компаньоном Карлсефни, как утверждают конкурирующие версии, не может быть никаких сомнений в том, что путешествие, во время которого он погиб, описано во всех отчетах языком, демонстрирующим существенное совпадение топографических фактов. Поэтому возможно и даже целесообразно относиться к исследованиям Торвальда так, как если бы на самом деле не возникало вопроса об их связи с экспедицией Карлсефни.

База Торвальда, по-видимому, располагалась на побережье, обращенном примерно на юг, вдоль которого, как нам сказали, были проведены два исследовательских рейса. Первая из них, согласно Книге Флэтея, была совершена на маленькой лодке и находилась к западу от лагеря. Используемое выражение "фиррир вестан ландит" также может пониматься как означающее у побережья, обращенного на запад, или вдоль него, но эта интерпретация исключается тем фактом, что был посещен остров, лежащий к западу (вестарлига), а также отсутствием какого-либо побережья, отвечающего требуемым условиям, на восточном побережье Америки, за исключением границы Новой Шотландии с заливом Фанди. Последнее ни в коей мере не подходит, поскольку нам говорят, что "там было много островов и много отмелей", косвенное утверждение, которое вряд ли было выдуманно и поэтому достоверно. Действительно, очень мелководье указано в отчете, полученном от людей, находившихся в небольшой лодке, осадка которой, должно быть, была незначительной. Сейчас считается, что название Bay of Fundy является искажением от Baya Fonda (глубокая бухта), и подробности, приведенные в Coast Pilot, подтверждают уместность такого названия. Более того, Шамплейн недвусмысленно заявляет, проходя мимо мыса Фуршу в северном направлении, что "этот берег чист, без островов, скал или отмелей; так что, по нашему мнению, суда могут безопасно заходить туда".

Единственная другая черта в описании саги, "поросшие густым лесом песчаные берега", вряд ли больше подходит для побережья, которое в основном обрывистое и скалистое.

Таким образом, мы в безопасности, если примем отправную точку на побережье, обращенном к югу. К востоку от базы земля, должно быть, вскоре повернула к северу, чтобы выполнить условия, требуемые вторым путешествием Торвальда. На данный момент в повествовании представлены две возможности: южное побережье Новой Шотландии и Соединенные Штаты к западу от Кейп-Кода. Последнее в точности соответствует условиям, предъявляемым к первому, или западному, путешествию. По словам *берегового лоцмана*, "от южного и главного входа в гавань Чатем побережье *низкое и песчаное, с поросшими лесом холмами на заднем плане, уходящими в основном на запад*". Как видно из диаграммы, это масса отмелей, и поблизости находится значительное количество весьма важных островов, включая Нантакет, Мартас-Винъярд и острова Элизабет. На самом деле было бы трудно найти место, более точно соответствующее данному описанию. Путешествие, совершаемое на маленькой лодке, вероятно, было не очень долгим.

Что касается Новой Шотландии, то вдоль этого побережья также есть множество островов и значительное количество отмелей, но само побережье, рассматриваемое в целом, решительно менее соответствует описанию в саге.

Рассматривая последнее путешествие Торвальда, мы можем объединить описания обоих авторитетных источников. Фактически, мы должны стремиться найти местность, воплощающую в себе наивысший общий фактор обеих версий. В чем-то обе истории совпадают, версия Флэтея гласит, что Торвальд плыл "фиррир остан", то есть либо повернул на восток от своего лагеря, либо следовал вдоль береговой линии, обращенной на восток. И то, и другое может быть правдой, если мы считаем, что отправная точка находилась где-то на окраине полуострова Барнстейбл. Торвальд сначала повернет на восток, а затем последует вдоль восточного побережья Кейп-Кода, чтобы достичь "более северной части страны", которая, как нам сказали, была его следующей целью. В Саге об Эрике говорится, что они отплыли на север, в Килнесс, что сводится к одному и тому же. Затем, согласно версии Флэтея, они потерпели крушение на мысе Килнесс и после длительной стоянки для проведения необходимого ремонта повернули на

восток, в вплотную примыкающий фьорд. Важен тот факт, что он был вплотную примыкающим. ВСаге Эрика говорится, что, огибая Килнесс, они держались к западу от него, что, как указывает Дизеруд — хотя и с другим намерением, — следует понимать как следующую фразу 'nordr aptr' (назад на север), и, следовательно, означает путешествие на юг вдоль западного побережья мыса, а не путешествие на запад. Помимо подсказки, которую дает выражение "назад на север", исландский язык допускал бы любое толкование.

Затем в той же версии повествования упоминается, что они подошли к реке, текущей с востока на запад, и расположились на ее южном берегу. Теперь, если мы считаем, что Килнесс - это Кейп-Код, обе версии примерно верны, хотя Книга Флэтли немного более верна, чем Сага об Эрике. От крайней точки Кейп-Кода курс должен был лежать на восток, к устью реки Памет, которая течет на запад, но, вообще говоря, экспедиция должна была следовать вдоль западного побережья полуострова. Во времена Отцов-пилигримов все это побережье было густо поросшим лесом. Что касается того, что это прекрасное место для дома, то, возможно, таково было мнение Торвальда или рассказчик приукрасил его, очевидно, добавив сюда несколько вымышленных штрихов предзнаменований и предупреждений. Такая деталь не должна нас беспокоить. Единственное возражение против этой теории состоит в том, что в "Саге об Эрике Рыжем" говорится, что они плыли долгое время; если это, однако, означает от Страумсфьорда, а не только от Килнесса, то это вполне может быть буквальной правдой.

Альтернативная теория, согласно которой это путешествие совершается вокруг острова Кейп-Бретон, помимо трудностей, связанных с пейзажем, и таких возражений, которые применимы к Новой Шотландии в целом, открыта для критики за то, что она полностью отвергает курс на восток от конца мыса, который упоминается в книге Флэтея. Как правило, несмотря на все утверждения Сторма, версия Флэтея, как я пытался показать, более точна в своих изложениях, чем альтернативная запись; однако возражение, если бы оно стояло отдельно, несомненно, было бы невесомым. Отказ от теории Новой Шотландии, по сути, предполагает рассмотрение аргументов, приводимых против нее повсюду, а не тех, которые применимы к данному конкретному пункту.

Возможно, здесь стоит обратить внимание на непоследовательность, с которой интерполирован одномерный эпизод. Исследователи находятся на южном берегу реки, текущей с востока на запад. Одноточный приходит с севера и удаляется в этом направлении. Следовательно, препятствие в виде судоходного устья реки лежит между этим существом и преследованием, которое, как нам сообщается, как в тексте, так и во включенных стихах, немедленно началось. Дело, по-видимому, в том, что река является частью одного рассказа (Торвальда), а одноточный принадлежит другому, который кто-то пытался привести в соответствие, но безуспешно.

Похоже, на самом деле здесь имеет место двойная интерполяция. После того, как Карлсефни был доставлен в Страумсфьорд с намерением вернуться домой, автор чувствует, что это его последний шанс поработать с какими-либо странными обрывками, которые он собрал из различных источников. Следовательно, имея описание смерти сына Эрика, неизвестного ему ранее или иным образом, которая, по-видимому, произошла в Вайнленде, он приписывает это экспедиции Карлсефни и объединяет это с отдельным анекдотом, по праву принадлежащим Карлсефни, но не являющимся частью основной саги, в котором говорится о погоне за

предполагаемым одноногим. Возможно, единственным источником, относящимся к одноножию, над которым работало воображение автора, был приведенный здесь стих.

Очевидно искаженный, но широко обсуждаемый отрывок о горах в Хоп и о тех, что видели в других местах, будет рассмотрен позже: я полагаю, это часть первоначального дела Карлсефни и не имеет никакого отношения к путешествию Торвальда. (См. Следующую главу, [стр. 277](#).)

VIII. ЭКСПЕДИЦИЯ КАРЛСЕФНИ

Дата.

Как указывалось в главе, посвященной книге Флэтея ([стр. 137](#)), экспедиция Торфина Карлсефни, должно быть, следовала за экспедицией Лейфа и остальных членов семьи Эрика через значительный промежуток времени. Хотя это не было общепризнано, это не просто вопрос мнения, а основывается на убедительных и неопровержимых доказательствах, если внимательно изучить известные моменты хронологии. Помимо этого, при рассмотрении становится очевидным, что было бы очень любопытным совпадением, если бы Карлсефни прибыл в Гренландию именно в то время, когда усилия сыновей Эрика по исследованию были исчерпаны. Поэтому гораздо более маловероятно, что в случае Карлсефни, чем в случае Торвальда, если предположить, что последний проводил независимую экспедицию, что выходы на берег были такими же, как у Лейфа. Если мы примем версию Хаука, путешествие Лейфа произошло в 1000 году нашей эры, и в любом случае это не могло произойти много лет спустя, в то время как 1020 год - это самое раннее время, насколько мы можем разумно отнести экспедицию Карлсефни. По этой причине, помимо любых других, было бы правильно выделить этому путешествию отдельную главу и независимое рассмотрение.

От Гренландии до Хеллулэнда.

Нам говорят, что отправной точкой Карлсефни был не район дома Эрика в Браттахлиде, а Западное поселение (Годтааб) и "Медвежий острова". Последнее название, по-видимому, применялось к Диско, расположенному далеко на севере, но трудно предположить, что Торфин заплыл так далеко в направлении, противоположном его цели. Более вероятно, что это название относится к некоторым островам в непосредственной близости от Годтааба. Стоит только вспомнить частое появление таких местных имен, как Бьернурен, Бьернлиен, в Норвегии, чтобы понять, что номенклатура этого персонажа часто повторяется, действительно, нет необходимости выходить за пределы этой саги, чтобы найти пример такого повторения (в окрестностях Маркланда).

Возможно, Западное поселение посетили с целью вербовки. Гости из Исландии, как нам сообщили, составляли всего 80 человек из 160, которые в конечном итоге приняли участие в экспедиции; первоначальные исландские команды после зимовки в Гренландии, вероятно, нуждались в усилении, и большую часть из 100 добровольцев, должно быть, было трудно собрать в такой маленькой колонии. [\[100\]](#) М-р Бэбкок, [стр. 97](#), по-видимому, считает, что кратчайший путь к Лабрадору через север уже был известен в Гренландии, и он также, как ни странно, считает его самым безопасным маршрутом. По вопросу об опасности есть место для

расхождений во мнениях, но можно указать, что продвижению с севера на юг или *наоборот* часто препятствуют льды до позднего летнего периода. Очень тихоходный корабль моравской миссии, отплывающий из Лондона, часто достигает станций на побережье Лабрадора раньше парохода Ньюфаундленда, поскольку, плывя с востока на запад, он пересекает ледяной барьер, а не идет вдоль него. Конечная и главная цель Карлсефни находилась на юге, и он вряд ли намеренно предпринял бы столь опасный, неисследованный и обходной путь, даже если бы знал о такой возможности, что кажется крайне сомнительным. Поэтому в качестве основы для расчетов мы можем смело взять отправную точку в окрестностях Годтааба.

С этого момента нам сообщают, что экспедиция плыла в течение двух дней при северном ветре, то есть в южном направлении. Следует отметить, что карта, помещенная напротив страницы 106 трактата м-ра Бэбкока, вводит в заблуждение относительно путей, которые она предлагает. Она не имеет меридианов и наклонена к западу почти под углом 40 градусов, в результате чего Западное поселение Гренландии расположено почти точно к северу от окрестностей Наина на побережье Лабрадора, точки, выбранной автором для выхода Карлсефни на сушу в Хеллуланде. На самом деле между этими двумя местами не намного меньше 10 градусов долготы, и курс между ними проходит очень далеко к западу от юга. Мистер Бэбкок, по-видимому, выбрал этот пункт на побережье Лабрадора, чтобы сохранить сделанное заявление о том, что путешествие заняло всего два дня. Поскольку расстояние составляет около 450 миль, автор вынужден предположить скорость почти в десять миль в час, в подтверждение чего он приводит статистические данные о скорости яхт и других современных парусных судов. Теперь, как мы видели в [главе V](#), это, по-видимому, далеко за пределами возможностей древних исландских кораблей, и, поскольку на этот счет у нас есть определенные свидетельства, невозможно, чтобы время было указано правильно, даже если предположить, что самой ближайшей точкой на побережье Лабрадора была земля, замеченная первой. Более того, трудно предположить, что Карлсефни достиг ближайшей точки; он понятия не имел о ее расположении, а его конечная цель, для которой у него был ориентир в соответствии с указаниями его предшественника Лейфа, лежала далеко на юге.

Также текст никоим образом не предполагает длительного каботажного плавания вдоль берегов Хеллулэнда; на самом деле он ему не соответствует. Летом или, тем более, весной Карлсефни почти наверняка был бы сильно затруднен льдами у побережья Лабрадора, но ни о какой такой особенности не упоминается. Поэтому мы должны либо вообще отказаться от цифры в два дня, что — с учетом ее повторения позже — возможно, является правильным курсом, либо мы должны заменить ее какой-нибудь правдоподобной альтернативой. Ривз предлагает "сяу" (семь) вместо "твау" (два), но в рукописях числа, по-видимому, обычно даются цифрами. Возможной поправкой было бы пять (**u**), так как, если бы легкий штрих, соединяющий вертикали при написании этой цифры, стерся со временем, **íí** and **ии** в исландской рукописи были бы почти идентичны. Это было бы эквивалентно 750 милям при средней скорости и привело бы к тому, что земля оказалась бы ближе к югу от начальной точки, в пределах досягаемости. [\[101\]](#) Однако в целом безопаснее решить, что у нас нет надежного ориентира для определения расстояния.

Вопрос о ситуации высадки Карлсефни в Хеллуланде уже обсуждался (глава VI, [стр. 230](#)), и мы можем только придерживаться сделанного там вывода, а именно: что существует небольшое соотношение вероятностей в пользу Лабрадора и Ньюфаундленда, но что обе страны почти наверняка были бы приняты за одну и ту же. Любому, кто сомневается в этой вероятности,

достаточно взглянуть на карты, воспроизведенные на стр. 2 из книги доктора Нансена "Северные туманы", где показано, что та же путаница была допущена в случае с Corte Real.

Маркленд и Бьярни.

Вопрос о Маркленде также рассматривался на более ранней стадии, и указывалось на невероятность направления на юго-восток, от которого в основном зависит отождествление этой страны с Ньюфаундлендом. Какие бы теории мы ни принимали относительно положения различных земель, ясно, что от путей, изложенных в "Саге об Эрике Рыжем" и книге Хаука, в какой-то момент придется отказаться. Например, Storm идентифицирует побережье Новой Шотландии с побережьем, за которым следовал Карлсефни после прибытия в Килнесс. Это побережье расположено намного ближе к западу, чем к югу, каково указанное направление, и то же самое относится к побережью Новой Англии после прохождения Кейп-Кода, которое, по-видимому, является альтернативой. Равномерный курс на юг исключается. Опять же, два дня пути в открытом море от Ньюфаундленда до Кейп-Бретона или от кейп-Сейбл до Кейп-Кода, особенно от первого, указывали бы на западный, а не южный курс экспедиции. Если, с другой стороны, мы предположим, что исследователи прошли вдоль побережья Ньюфаундленда до мыса Рей, то курс на Новую Шотландию будет скорректирован за счет расстояния. Результатом всего этого является то, что, как уже указывалось, ход, приведенный в этой версии саги, является самым неудовлетворительным доказательством, на котором можно сделать важный вывод. Более того, Сага об Эрике умалчивает об этом отклонении на юго-восток, которое, следовательно, опирается на неподтвержденный авторитет Хаука. Этот редактор, возможно, просто подумал, что, поскольку следующий упомянутый остров лежит на юго-востоке, такой курс обязательно подразумевался.

Нам сообщили, что на этом острове у побережья Маркленда к юго-востоку исследователи убили медведя, за что и дали данному месту название Бьярни (Медвежий остров). Обычно предполагалось, что это обязательно должно означать белого медведя. Но Карлсефни был знаком с Норвегией, где европейский медведь все еще существует и, должно быть, тогда был обычным явлением, так что можно было бы подумать, что медведь, который не был белым, в равной степени назывался бы медведем. Я бы далее предположил, что это имело бы место даже в том случае, если бы членам экспедиции ранее не были известны никакие медведи, кроме полярных видов. Но, во-вторых, если предположить, что имеется в виду белый медведь, то не кажется какой-либо невероятной идея о том, что в одиннадцатом веке он был найден так далеко на юге, как Новая Шотландия. Гораздо позже арктическая фауна имела гораздо более южную среду обитания, чем в настоящее время. В заливе Святого Лаврентия регулярно охотились на моржей, о чем свидетельствует ряд отрывков из Хаклюта. Что касается самого белого медведя, то его ограничение нынешним северным ареалом обитания, по-видимому, появилось еще более недавно. На Лабрадоре, так далеко на юг и вглубь материка, как Игл-Ривер-Фоллс, Сандвичевский залив, капитан Картрайт записывает в своем дневнике под датой 22 июля 1778 года: 'Цифры были на виду. Я насчитал тридцать два белых медведя и трех черных, но их было определено намного больше.' Ранее Жак Картье обнаружил белого медведя между Ньюфаундлендом и островами Фанк, в то время как и Кэбот, и Кортэ Реаль нашли одно и то же животное на территории, которая, вероятно, была Ньюфаундлендом и, безусловно, не могла находиться далеко к северу от него. Далее следует отметить, что белые медвежьи шкуры неоднократно упоминаются в Легендах алгонкинов Новой Англии и Новой Шотландии, собранных К. Г. Лиландом. Что касается медведей на островах, будь то белых или черных,

Картье нашел их на острове Брион, так что в этой особенности нет ничего невероятного. Если имеется в виду белый медведь, то остров Сейбл представляется возможным местом для Бьярни, но в любом случае у побережья Новой Шотландии есть много островов, которые соответствовали бы этим условиям.

Меховая промышленность.

Однако до тех пор, пока экспедиция не достигнет Килнесса, мы находимся на очень неопределенной почве, и было бы неосмотрительно настаивать на каком-либо определенном выводе. Фактически, на данном этапе, насколько нам известно на данный момент, мы можем находиться либо на северо-восточной оконечности Новой Шотландии, либо в окрестностях Кейп-Кода, в зависимости от того, согласуется ли наша идентификация Хеллулэнда и Маркленда со Штормом или нет. Однако мы можем справедливо сказать, что выбор лежит между этими двумя точками зрения. Любая другая теория рухнет при первом же прикосновении критики.

Но когда описание Килнесса, данное в саге, сравнивается с тем, что мы знаем о побережье Новой Шотландии, сразу же напрашивается очень серьезное возражение против теории Шторма. Ибо здесь начинались Фурдустрандс, Чудесные Пляжи, названные так из-за их огромной протяженности и описанные следующим образом: 'Это было пустынное место, и там были длинные пляжи и пески.... Они дали пляжам название, назвав их Furdustrands, потому что плыть мимо них было долго.' Похоже также, как уже указывалось, что эта особенность была достаточно заметной, чтобы дать повод для применения названия к большому району, простиравшемуся по крайней мере до Страумсфьорда (ср. Вторую песнь Торхалля Охотника, см. также стр. 227).

Теория мистера Бэбкока.

На непредвзятый взгляд нельзя сказать, что побережье Новой Шотландии представляет собой какой-либо непрерывный пляж действительно значительной протяженности. Напротив, она изрезана и неровная. М-р Бэбкок ясно видит эту трудность; на его замечания по этому вопросу уже ссылались (стр. 234). Ему требуется непрерывный участок протяженностью не менее 100 миль для Furdustrands, и эта оценка выгодно отличается от оценок, выдвинутых Storm и большинством его сторонников. Теперь, чтобы ответить на выдвинутое здесь возражение, м-р Бэбкок постулирует повышение уровня береговой линии Новой Шотландии с XI века, достаточное для объяснения того, что в остальном является фатальным несоответствием в ее нынешнем виде. Он откровенно признает, что прямых доказательств такого явления нет, и действительно, что 'в местных научных кругах существует мнение, что этого, вероятно, не происходило'. Но это не самое большее, что можно сказать. Во-первых, первые исследователи, которые последовали за повторным открытием страны, обнаружили побережье точно таким, каким оно является сегодня. Следовательно, постулируемый переворот должен был произойти, если вообще имел место, в течение еще более короткого периода, чем тот, который допускал м-р Бэбкок. Так, Шамплен пишет: 'Все побережье, вдоль которого мы проходили от мыса Сейбл до этого места (Кансо), умеренно высокое и скалистое, в большинстве мест окаймленное многочисленными островами и бурунами'. О Кейп-Бретоне Денис говорит (от Зеленого острова до Луисбурга): 'Все побережье - сплошные скалы'. С тех пор постоянно повторяется фраза "ничего, кроме скал", но тщетно искать хоть какое-нибудь упоминание о пляже. Позже, "выйдя оттуда (гавань Святой Анны) и направляясь в Ниганиче (Ингониш), проходишь восемь лиг

побережья, состоящего из скалистых берегов, чрезвычайно высоких и крутых, как стена.... Ниганиче ничуть не лучше'. Аналогично и на Северном мысе. У нас осталось не так уж много места для этих длинных и чудесных пляжей, которые так поразили скандинавов сразу по их прибытии в Килнесс и мимо которых было так впечатляюще долго плыть. Как мы уже видели, у юго-западной оконечности полуострова действительно есть белые пески, но береговая линия изрезана многочисленными углублениями, и, кроме того, для описания требуется мыс, обращенный к кораблю, приближающемуся с более северных широт.

Во-вторых, если бы такое изменение, как предположил м-р Бэбкок, имело место в столь недавнее время, то обязательно имелись бы положительные геологические свидетельства этого. Когда пляж поднимается из моря, особенно если он имеет такую большую протяженность, как требуется в данном случае, остаются следы прежнего уровня моря в виде приподнятых пляжей, размытых водой скал или остатков морской фауны. В Новой Шотландии такие вещи действительно найдены, но относятся к периоду, намного предшествующему тому, которым мы занимаемся в настоящее время. Образование, по-видимому, происходит одновременно с существованием какой-то формы мамонта, останки которого были найдены, и во многих местах русло этих пляжных отложений прорезано образовавшимися с тех пор речными долинами. (См. Доусон, Акадийская геология.) Теперь, если эти следы, относящиеся к периоду, предшествующему существованию человеческих останков, все еще можно проследить, то совершенно невозможно, чтобы не сохранилось никаких свидетельств того, что предположительно произошло в дату, которая, с геологической точки зрения, является вчерашним днем. Соответственно, от теории м-ра Бэбкока следует отказаться, несмотря на его тщательную, изобретательную и изощренную аргументацию, и, учитывая это, мы все еще сталкиваемся с непреодолимой трудностью связать Furdustrands с Новой Шотландией.

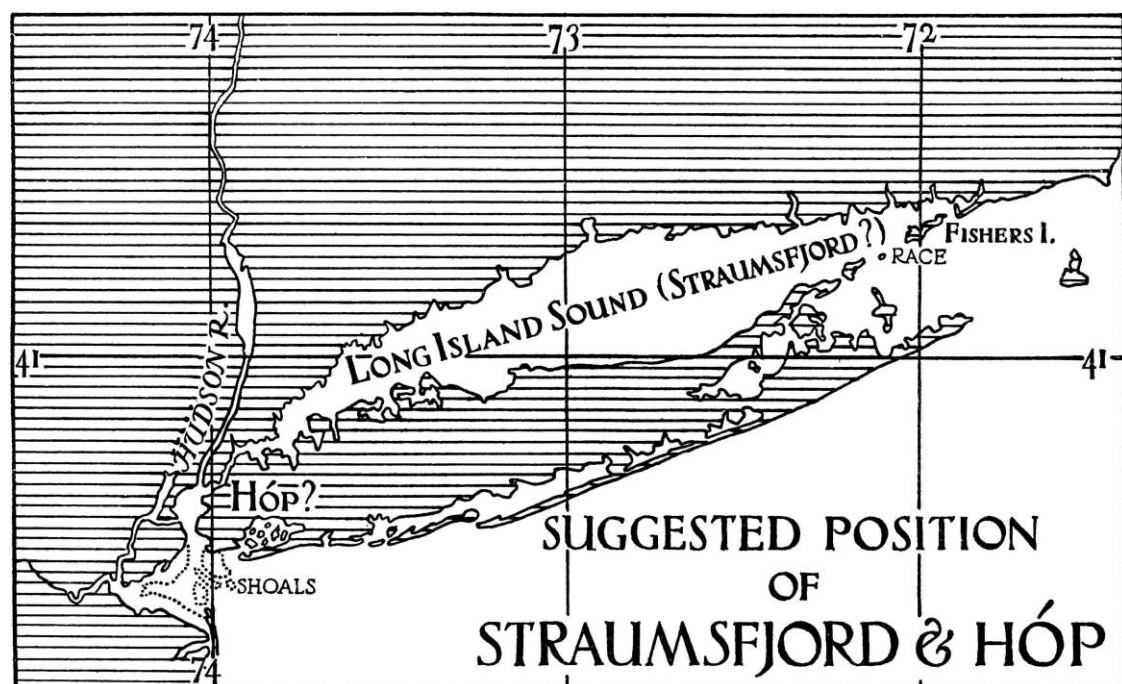
Кейп-Код как Килнесс.

Теперь давайте обратимся к предложенной альтернативе и рассмотрим Кейп-Код как Килнесс. Карлсефни теперь действительно оказался на побережье, заслуживающем присвоенного ему названия 'пустынное место с длинными пляжами и песком'. Мало того, что полуостров Кейп-Код или Барнстейбл, как заметил Хорсфорд, соответствует описанию, но и за пределами этого пункта название Furdustrands может быть уместно применено почти ко всему атлантическому побережью Соединенных Штатов. Минуя берега и песчаные холмы Кейп-Кода и Мономоя, от Чатема у подножия мыса до Нобска-Пойнт у входа в бухту Баззардс, побережье, как описывает его лоцман Соединенных Штатов (стр. 341), 'низкое и песчаное'. Если бы курс лежал к югу от Нантакета и Мартас-Винъярда, то было бы применимо то же описание. Здесь есть небольшой разрыв, образованный углублениями заливов Баззардс и Наррагансетт, но первый скрыт с моря, пока не пройден, островами Элизабет, а второй - островами в его устье; перспектива повсюду была непривлекательной, и эти заливы с моря можно было легко пройти незамеченными, в то время как от Пойнт-Джудит, к западу от залива Наррагансетт, до входа в пролив Лонг-Айленд, у Уотч-Хилл-Пойнт, все еще есть, по словам берегового лоцмана, "низкий пляж с лагунами". внутри и более высокая лесистая местность сзади. 'До прибытия в Страумсфьорд не было предпринято ни одной попытки высадиться на берег. Как замечает мистер Бэбкок, эпизод с Хекком и Хекьей, очевидно, является интерполяцией из другого источника, поскольку до появления стихотворных комментариев Торхолла по этому поводу никаких лоз обнаружено не было. Следовательно, нам нужно искать только одно углубление, представленное Страумсфьордом. Ответ на возражение мистера Дизеруда по поводу Кейп-

Кода о том, что дикий виноград произрастает там недалеко от моря и, следовательно, должен был быть найден, заключается в том, что там не производилась высадка. [102] Карлсефни, не привлеченный такой перспективой, поплыл дальше, и, следовательно, открытие было отложено. 'Они шли своим путем, пока их не прервал фьорд' - так можно почти истолковать язык саги. В любом случае, наиболее вероятным фьордом, привлекающим внимание во время каботажного плавания, будет тот, который находится прямо на пути следования корабля. И таким фьордом, если моя догадка верна, был Страумсфьорд.

Страумсфьорд.

Погибший во время плавания корабля, следовавшего вдоль побережья на запад от Кейп-Кода, лежит в проливе Лонг-Айленд. Хотя, строго говоря, это и не фьорд, до тех пор, пока не будет исследован канал Ист-Ривер, ведущий в Нью-Йорк, он имеет в точности такой вид. Он очень узок с обоих концов, и его наибольшая ширина, пятнадцать-шестнадцать миль, сохраняется только на протяжении примерно двадцати миль в центральной части. До тех пор, пока пролив не был исследован Адрианом Блоком в 1614 году, вероятно, не было известно, что Лонг-Айленд отделен от материка.

В устье пролива находится важный остров Фишерс-Айленд протяженностью шесть миль, между которым и менее важными островами Чаек протекает сильное приливное течение, соответственно известное как Гонка. Это достаточно грозно, чтобы потребовать предупреждения Берегового лоцмана— 'Парусным судам, находящимся поблизости от места проведения Гонки или плывущим вдоль южной стороны пролива вблизи островов Гулл и Плам, следует держаться подальше во время отлива, иначе они могут быть втянуты в один из проходов, прежде чем осознают опасность'. "Во время Забега всегда бывает сильный прилив, за исключением периода примерно тридцатиминутного перерыва между поворотами ручьев".

Лонг-Айленд представляет интерес для натуралистов как место встречи экваториальных и арктических видов птиц и был центром китобойного промысла еще в первой половине девятнадцатого века, и Дуглас, как уже упоминалось, в своем отчете о создании британских поселений в Северной Америке (1760) особо отмечает, что мелкие киты обитают на равнинах Лонг-Айленда. В целом этот звук, по-видимому, во всех отношениях соответствует требованиям Страумсфьорда. Материк, расположенный непосредственно к северу от острова Фишера, холмистый, хотя упоминание гор в Страумсфьорде может иметь другое значение, которое будет рассмотрено позже.

Теперь, если мы предположим, что спор между Карлсефни и непокорным Торхоллом произошел на острове Фишер или материке рядом с ним, аргументы двух мужчин будут выглядеть примерно следующим образом: Торхолл утверждает, что берег Лейфа в Вайнленде должен находиться к северу от Килнесса (Кейп-Код), потому что Лейф никак не мог прибыть на побережье, которое более поздняя экспедиция только что исследовала, покинув Маркленд, не заметив предварительно землю. Карлсефни, с другой стороны, рассматривая Килнесс как самую северную оконечность страны, заметил, что с этого узкого мыса земля бесконечно расширялась по мере исследования ее южного побережья, и его мнение о том, "что область, лежащая южнее, была больше", можно перефразировать так: северная оконечность страны, очевидно, была настолько узкой, что выход Лейфа на сушу вряд ли мог остаться незамеченным, тогда как здесь, на юге, страна имеет огромную протяженность, так что, хотя мы знаем все, что там есть, к югу от берега. на севере, на юге мы можем найти все, что угодно. Мне кажется, это более разумное объяснение этого довольно неясного отрывка, чем у доктора Нансена, а именно. что это "очевидно, было связано с предположением, что он (Вайнленд) был связан с Африкой". [103] Такого предположения нельзя найти никаких реальных следов, кроме как в более поздней исландской географии: 'оттуда недалеко до Вайнленда Доброго, который, как некоторые думают, связан с Африкой'. Для географа, стремящегося разместить свои страны в пределах известного мира, такая теория была бы в высшей степени естественной. Сбитая с толку классическими представлениями о всеохватывающем Море Океане и стесненная ограничениями, налагаемыми ранней религиозной ортодоксальностью, первобытная наука была склонна отрицать возможность существования суши, связанной с известным миром по ту сторону Атлантики; и Африке, как самой западной части мира к югу от Исландии, естественно, приписывались бы вновь открытые земли; но вряд ли Карлсефни мешали географические теории - во всяком случае, в саге об этом нет реальных следов.

Ситуация с Хоп.

Переходя теперь к самым отдаленным участкам экспедиции Карлсефни в Хоп, очевидно, что в данном случае мы располагаем описанием, которое дает нам более многообещающие данные, чем те, которыми мы до сих пор были вынуждены довольствоваться. Если мы объединим информацию, приведенную в "Саге об Эрике", с информацией, предоставленной в книге Флэтей о лагере Лейфа, которая явно относится к тому же месту, описание станет еще более отчетливым.

Нам нужна бухта, не имеющая выхода к морю, в значительной степени закрытая отмелями, охраняемая с одной стороны входа мысом, обращенным на север, а с другой - островом или чем-то таким, что могло бы сойти за таковой при поспешном посещении. В этот залив должна

впадать река, которая у своего устья расширяется в озерное углубление, а затем сужается, отделяя озеро от залива. Эта река, должно быть, впадает с севера, поскольку скрелинги, посетившие лагерь, как говорят, пришли с юга. Второстепенным моментом, который не так надежен, как остальные, является упоминание о лососе в реке, которое включено в описание книги Флэтея.

Очевидно, что не каждое устье реки или залив, не имеющий выхода к морю, будет соответствовать такому описанию во всех или даже почти во всех деталях. Следовательно, если мы найдем в подходящей части американского побережья место, отвечающее каждому из этих требований, мы сможем идентифицировать себя с чем-то, приближающимся к определенности.

Теперь, если принять вход в пролив Лонг-Айленд за место расположения базы Страумсфьорд, то самый дальний предел исследования, Хоп, может быть действительно замечательным образом приведен в соответствие с требованиями сюжета. Я убежден, что было бы ошибкой искать все места, упомянутые в "путешествии Карлсефни", в ограниченных рамках, которые, по-видимому, удовлетворили других изучающих этот предмет. Мне кажется нелогичным, когда мы слышим о двух- или трехдневных путешествиях на очень значительные расстояния, предполагать, когда в саге говорится: 'они плыли долго', что мы можем довольствоваться поисками всех мест, упомянутых в ходе годичных исследований, в пределах нескольких часов плавания друг от друга. Чтобы проплыть мимо Фурдустрандса, потребовалось много времени, а от Страумсфьорда до Хопа было далеко. Следовательно, последнее место следует искать примерно на таком же расстоянии от Страумсфьорда, на каком Страумсфьорд находился от Килнесса. Кроме того, при поиске вероятных выходов на берег следует иметь в виду, что далеко не каждая бухта может привлечь внимание моряков во время каботажного плавания. Отверстия, которые лежат непосредственно на их пути, примером чего является ситуация, выбранная для Страумсфьорда, действительно с гораздо большей вероятностью будут исследованы. Теперь, примерно на таком же расстоянии к западу от входа в пролив Лонг-Айленд, на каком Кейп-Код находится к востоку от него, направление береговой линии резко меняется. И точно в углу, образованном этим изменением направления, находится отсек, отвечающий всем требованиям Нор. Это не имеющее выхода к морю устье, в значительной степени перекрытое мелководьем, с впадающей в него с севера рекой, которая расширяется, превращаясь в озеро среди холмов недалеко от устья. Подход предполагает западный курс между мысом, идущим на север, и островом. Это залив или устье реки Гудзон, представляющий собой современный подход к Нью-Йорку.

Это было описано его первым признанным первооткрывателем, Вереццано, в 1524 году следующими словами: 'Мы нашли очень приятное место среди нескольких крутых холмов, через которые очень большая река, глубокая в устье, пробивала себе путь в море.... Мы прошли вверх по этой реке примерно пол-лиги, когда обнаружили, что она образует *прекраснейшее озеро*, окружностью в три лиги.

Джуэт в своем отчете о посещении Гудзоном того же места описывает само устье реки как озеро и добавляет: 'в устье этой земли много отмелей, и море разбивается о них, когда выбрасывается из устья.... К северу от нас мы увидели высокие холмы.... Это очень хорошая земля для падения, и на нее приятно смотреть".

Де Лаэт в своем отчете об открытии Хадсона утверждает: 'Он (Хадсон) нашел там также виноградные лозы ... из всего этого есть достаточные основания заключить, что это приятная и

плодородная страна'. Даже лосось, о котором говорится в отчете Флэтея о путешествии Лейфа, описание которого, как уже указывалось, в значительной степени заимствовано из книги Карлсефни "Нор", по-видимому, когда-то существовал здесь. Во всяком случае, утверждается, что Гудзон нашел их в этой реке, как Джуэтом, так и Де Лаэтом.

Горы в Хоп.

Утверждается, что анализ путешествия Карлсефни, который был предпринят выше, не представляет реальной трудности и вызывает гораздо меньше возражений, чем любая альтернативная теория. Это не согласуется ни с одним фактом, о котором говорится в саге, за исключением южного направления, и от этого, как было показано, следует отказаться при любой гипотезе. Это единственная теория, которая действительно преодолевает трудности с Фурдустрандсом; она предоставляет страумсфьорд и Перевал, которые по своей сути являются вероятными выходами на берег и которые во всех деталях соответствуют приведенным деталям. Мне кажется, что почти столько же нельзя сказать в пользу общепринятой теории Новой Шотландии или какой-либо другой альтернативы. Теперь необходимо упомянуть еще об одном моменте. В конце раздела Саги Эрика и Книги Хаука, посвященного последнему путешествию и смерти Торвальда Эриксона, приводится фраза, которая совершенно по-разному трактуется в двух версиях. Согласно "Саге об Эрике Рыжем", там говорится: "Они намеревались исследовать все горы, те, что были в Хоп, и те, которые они нашли." Хаук, однако, излагает это следующим образом: 'Они считали, что горы, которые были в Хоп, и те, которые они нашли сейчас, были все едины, и поэтому находились близко друг к другу, и что расстояние от Страумсфьорда было одинаковым в обоих направлениях'. Слово, переведенное как "предполагаемый" в первом случае и "рассматриваемый" во втором, является одним и тем же, и поэтому первая часть предложения в оригинале почти идентична, за исключением пропуска слов "в канне" (исследовать) в переводе Хаука.

Из этого отрывка, приведенного Хауком, Шторм и некоторые другие авторитетные источники поняли, что после обхода Килнесса исследователи наткнулись на горы, которые, как они правильно или ошибочно предположили, принадлежали к тому же хребту, что и другие, с которыми они встретились в Хоп.

Теперь первое, что приходит в голову в этой связи, - это то, что рассматриваемый отрывок уже в более ранний период, чем в любой из дошедших до нас рукописей текста, был настолько искажен, что стал неразборчивым. Вряд ли мы можем рассматривать последнюю половину предложения как глоссарий Хаука: для его работы не характерно вносить столь значительные дополнения к скопированному материалу. Еще меньше мы можем предполагать, что составители Саги об Эрике, у которых никогда не было предубеждений в пользу понимания смысла отрывка, ввели слова 'исследовать'. На самом деле это выглядит так, как будто на очень раннем этапе были предприняты две непоследовательные попытки истолковать фразу, значение которой и без того было сомнительным. Следовательно, это очень опасный отрывок, на котором можно сделать какой-либо важный вывод.

Во-вторых, как уже было высказано, отрывок о Торвальде носит все признаки интерполяции. Это происходит между двумя предложениями, относящимися к возвращению в Страумсфьорд, которые выглядят так, как будто автор саги после отступления подхватывает нить своей основной темы. Это следует сразу после того, что, очевидно, является информацией из свежего источника — отрывка, начинающегося словами "Некоторые мужчины говорят". В ней впервые

неожиданно появляется Торвальд, если мы примем более чистую версию Саги об Эрике (ср. с. 126). Он украшен речью, заимствованной из других источников, формой обращения, не имеющей аналогов в саге. Ближе к концу предлагаемой вставки слова 'они вернулись' дважды повторяются в саге об Эрике. В этих обстоятельствах кажется вполне безопасным рассматривать этот отрывок как не входивший в оригинальную историю.

Но если это так, то рассматриваемое сейчас предложение, в котором упоминаются Хоп и Страумсфьорд, не может относиться к вставленному материалу, а должно быть частью оригинальной саги, и в данном случае оно относится не к топографии путешествия Торвальда, а к связи между Страумсфьордом и Хоп.

В-третьих, кажется маловероятным, что ненаучные исследователи признали бы два конца горного хребта принадлежащими друг другу, если бы их разделяло долгое морское путешествие; фраза "þat staediz mjök svá á" (следовательно, находились близко друг к другу), по-видимому, относится к более тесной связи, такой как две стороны одного и того же холма, которую было бы гораздо легче распознать.

Таким образом, следует сделать следующие выводы:

1. Этот отрывок слишком искажен, чтобы на нем можно было основывать какие-либо важные аргументы.
2. По меньшей мере сомнительно, относится ли это вообще к путешествию Торвальда.

Поэтому то, что следует далее, выдвигается скорее как интересное предложение, чем как жизненно важная часть основного аргумента. Но если предположить, что рассматриваемое предложение относится к связи между Страумсфьордом и Хоп, мы знаем, что горы или холмы были особенностями ландшафта обоих этих мест, и такие особенности нигде конкретно не упоминаются. Если я прав, предполагая, что Страумсфьорд - это пролив Лонг-Айленд, а Хоп - устье или нижние воды Гудзона, то было бы совершенно правильно сказать, что холмы, видимые из одного места, будут видны и из другого. Если, как кажется вероятным, лагерь или база в Страумсфьорде располагались недалеко от острова в его устье, было бы также верно сказать, что любая такая гора находилась бы примерно на одинаковом расстоянии от этого лагеря, независимо от того, приближались ли к ней через пролив Лонг-Айленд или по маршруту к югу от Лонг-Айленда. Поскольку исследователи до первой зимовки в Страумсфьорде ничем другим не занимались, кроме изучения окрестностей, более чем вероятно, что они проплыли достаточно далеко вверх по проливу, чтобы увидеть холмы, которые также видны из долины Гудзона. Таким образом, если бы на эту интерпретацию можно было положиться, она дала бы убедительное подтверждение топографии, предложенной в этой главе, и я чувствую, что это может быть правильным объяснением этого отрывка. Однако безопаснее рассматривать предложение как безнадежно искаженное и прийти к выводу, что информация, которая, по-видимому, в нем содержится, может быть простым приукрашиванием или может выражать ошибочное представление исследователей. Это один из многих моментов, в отношении которых достоверность невозможна, но он в равной степени не может служить веским аргументом против теорий, которые в противном случае были бы приемлемы.

IX. ПОСЛЕДСТВИЯ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

‘И здесь, ’ говорится в Саге Эрика, - эта история заканчивается". Попытка колонизации оказалась неудачной; отныне снега Исландии и Гренландии были предпочтительнее возможности частых столкновений со скрелингами Вайнленда. Похоже, больше никаких попыток к постоянному урегулированию не предпринималось.

Из этого ни в коем случае не следует, что новооткрытые страны остались без посещения. Земля, изобилующая лесом, лежащая всего в нескольких днях плавания от Гренландии, где такой товар был недоступен, почти наверняка должна была привлекать членов маленькой колонии Эрика, во всяком случае, к случайным посещениям. По природе вещей, мы не могли ожидать многого услышать о них. Всегда более или менее изолированная своим опасным побережьем и малоизвестным морем, отделявшим ее от Исландии, Гренландия после 1294 года оказалась почти полностью отрезанной от земли сага норвежским королевским эдиктом, делающим торговлю с бывшей страной монополией короны. Более того, мелкие предприятия колонистов практически не представляли интереса для исландской публики. [104]

Записи в летописях.

Из царящей неизвестности в исландских летописях появляются две попытки вновь посетить Новый Свет. Первый из них, возможно, действительно был задуман как прелюдия к дальнейшим усилиям по колонизации. В 1121 году Эрик, епископ Гренландии, отплыл в Вайнленд. О его намерениях или последующей судьбе ничего не известно, но мы можем представить смелую решимость покончить с единственным препятствием на пути к поселению, обратив скрелингов в христианство. Как бы то ни было, епископ Эрик отправился в путь и так и не вернулся, его епископское кресло было занято через несколько лет. Датский поэт Лискандер (1609) действительно приписывает епископу полный успех как в его миссионерском, так и в колониальном начинании, но доказательств этому нет, и мы должны рассматривать это заявление как поэтическую вольность.

Второй зарегистрированный визит имеет меньшее значение, но, вполне возможно, был более успешным в достижении своих целей. В 1347 году, как сообщается в Летописях, в Исландию прибыл из Гренландии корабль, который поразил исландцев своими исключительно маленькими размерами. Судно сорвалось с якоря, но содержало команду из 17 или 18 человек, которые были в Маркленде, но на обратном пути в Гренландию были вынуждены из-за неблагоприятных погодных условий вернуться в гавань, куда они прибыли.

Вероятно, здесь не упоминается ни одно уникальное предприятие. Лишь несчастный случай, вызвавший визит этого корабля в Исландию, спас это путешествие от забвения. ‘Vixere fortes ante Agamemnona.’

Новая Земля.

Не найдено никаких других четких упоминаний о последующих путешествиях в земли, упомянутые в "Сагах о Вайнленде". Однако в 1285 году в Летописях упоминается открытие "Новой земли", которое по-разному зафиксировано в разных рукописях. следующим образом, в порядке датировки:

1. К западу от Исландии была открыта земля.
2. Были открыты острова Даун.
3. Сыновья Хельги Адальбранд и Торвальд открыли Новую Землю.
4. Сыновья Хельги отплыли в необитаемые районы Гренландии.

Это открытие, по-видимому, вызвало в то время немалый ажиотаж. Король Норвегии заинтересовался и поручил некоему Ландрольфу отправиться в Исландию и организовать экспедицию с исследовательскими целями. Рольф, согласно Летописям, отплыл в Исландию в 1290 году и попытался выполнить свои инструкции, но, похоже, ему не удалось заручиться необходимой поддержкой, и его смерть в 1295 году, по-видимому, положила конец проекту.

Где была эта Новая Земля?

Шторм, следуя четвертой инстанции, решительно выступает за восточное побережье Гренландии. Но, если это правильное решение, трудно понять вызванный им интерес и ажиотаж. Путешествия к необитаемым частям Гренландии не были беспрецедентными, но неизбежно должны были оказаться совершенно убыточными; более того, мы можем усомниться в том, что изолированный выход на сушу на восточном побережье был бы достоин звания открытия Новой Земли. Что было бы объектом дальнейших исследований? Пух вряд ли стал бы достаточным стимулом; исландские гаги, должно быть, тогда, как и сейчас, обеспечивали его в изобилии. С течением времени предполагаемое положение Новой Земли, возможно, сместилось, как мы видели, в конечном итоге это произошло с Furdustrands. (См. Далее по этому вопросу, [стр. 294](#).) Но даже если мы примем за истину то, что сыновья Хельги плыли в направлении Гренландии, вполне возможно, что их унесло куда-то еще. Таким образом, в целом представляется более чем вероятным, что этот намек относится к какой-то части американского побережья, хотя из самого факта, что это было воспринято как новое открытие, кажется невероятным, что речь идет о реальных землях, которые посетили Карлсефни и его предшественники.

Руны Хенен.

Есть еще одно возможное упоминание о путешествии в Уайнленд, хотя оно в любом случае должно было быть неудачным. В Хенене в Рингерике в 1823 году существовал камень с несомненной рунической надписью, которая, к счастью, была скопирована в том же году. Впоследствии камень исчез. Как и в случае со многими руническими надписями, интерпретация сомнительна, но профессор Бугге из Норвегии представил ее следующим образом:

‘Они вышли наружу и пересекли широкие просторы, и, нуждаясь в одежде, чтобы обсохнуть, и пище, направились в сторону Вайнленда, вверх по льду в необитаемой стране. Зло может отнять удачу, так что человек умирает рано’. (См. в "Северных туманах", т. ii, стр. 27.) [\[105\]](#)

Если это действительно ссылка на экспедицию в Винодельческие страны, с которой мы до сих пор имели дело, то ясно, что незадачливые исследователи, должно быть, были отброшены

далеко от своего курса, вероятно, в какую-то часть Гренландии или, возможно, в арктические регионы Канады. Они никогда не могли вернуться в регионы с умеренным климатом, зарегистрированные Лейфом и Карлсефни.

Путешествие Харальда Хаардрааде.

Упоминание Адамом Бременским Вайнленда, о котором уже упоминалось (глава 1, [стр. 98](#)), сразу же сопровождается следующим сообщением о путешествии, предпринятом королем Харальдом Хаардрааде, о котором не сохранилось никаких других записей.

"За этим островом (Вайнландией), - сказал он (король Свейн), - в том океане нет пригодной для жизни земли, но все, что находится за его пределами, полно невыносимых льдов и крошечной тьмы (*immensa caligine*). Об этом, таким образом, свидетельствует Марциан, говоря: "За Туле, на расстоянии одного дня плавания, море замерзло (*concretum*)". Недавно это было испытано самым предприимчивым Харальдом, принцем скандинавов, который, исследуя на своих кораблях широту северного океана, едва благополучно выбрался из ужасной пропасти бездны, повернув назад, когда, наконец, границы земли, где она заканчивается (*deficientis*), потемнели перед его глазами".

Профессор Ингвар Нильсен в статье, озаглавленной *Nordmaend og Skraelinger i Vinland (Norske Geographiske Selskabs Aarbog* за 1904 год), утверждает, что путешествие, о котором здесь говорится, возможно, было еще одной попыткой найти Вайнланд. Он также видит возможную связь с рунами Хенен, поскольку Харальд был родом из Рингерики, откуда, по-видимому, был родом и неизвестный герой надписи. Эта связь, очевидно, слишком причудлива, чтобы воспринимать ее всерьез, хотя, если целью путешествия Харальда была Вайнленд, такая возможность не совсем исключена. Это правда, что о путешествии норвежского короля сообщается в контексте, который тесно связывает его с Вайнлендом, и на первый взгляд кажется маловероятным, что Харальд организовал бы экспедицию столь бесполезного характера, как простое научное исследование Северного Ледовитого океана. С другой стороны, слова "*latitudinem septentrionalis oceani perscrutatus*", по-видимому, предполагают, что целью было исследование Арктики, и, поскольку Адам считает уместными замечания Марциана о море за Туле, у нас нет оснований делать вывод, что путешествие Харальда было более тесно связано с вопросом о Вайнленде. О теории, которая связывает Вайнленд с арктическими регионами, кое-что еще предстоит сказать позже. (См. стр. 294). Здесь мы можем просто заметить, что, по-видимому, нет никаких надежных свидетельств, связывающих путешествие Харальда с Вайнлендом, особенно потому, что связанные с ним события, если они выходят за рамки рассказов моряка, наводят на мысль о льдинах и долгих ночах полярных регионов.

Идеи исландской географии.

География Исландии, сохранившаяся в различных рукописях четырнадцатого и пятнадцатого веков, содержит упоминание о землях, открытых в Америке, которое в полном виде звучит следующим образом:

К югу от Гренландии находится Хеллулэнд, рядом с ним - Маркленд, оттуда недалеко до Вайнленда Доброго, который, по мнению некоторых, связан с Африкой; и, если это так, то внешний океан должен проходить между Вайнлендом и Марклендом. Говорят, что Торфин Карлсефни срубил дерево для "хуса снотры" (ср. Рассказ о книге Флэтей, [стр. 71](#)), а после этого отправился на поиски Вайнленда Доброго и пришел туда, где, как считалось,

находится эта земля, но не исследовал ее и не поселился там. Лейф Счастливец был первым, кто открыл Вайнленд, и тогда он обнаружил торговцев в опасности на море и спас их Божьей милостью; он также ввел христианство в Гренландию, и она процветала, так что там, в Гарде, была установлена епископская резиденция".

Часть этого рассказа утверждает, что основана на информации аббата Николая из Тингейра, который умер в 1159 году. Ссылки на Карлсефни и Лейфа кажутся скорее сбивчивым изложением утверждений, содержащихся в сагах. Вряд ли можно полагаться на то, что они заменят что-либо из записей, с которыми мы имели дело.

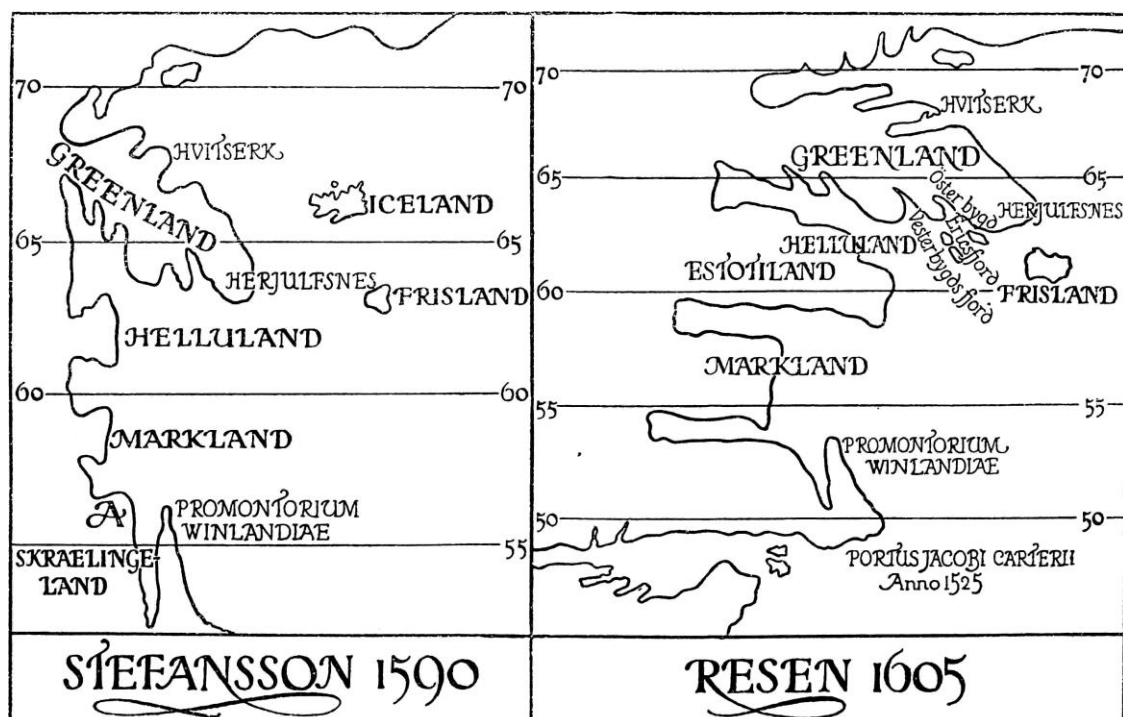
Что касается взаимного расположения трех стран, география не знает ничего точного, за исключением того, что Хеллуланд лежал к югу от Гренландии, как указано в "Саге об Эрике Рыжем". Вероятно, было известно или выведено из информации о климате, что Маркленд и Вайнленд принадлежали к более низким широтам, и, следовательно, ошибка, воспроизведенная в "Саге об Эрике", заключающаяся в представлении о том, что путь между всеми землями проходит равномерно на юг, была общепринятой. Авторы "географии", однако, не придерживаются какой-либо подобной точки зрения. Очевидно, они знали больше о Хеллуланде и Маркленде, чем о Вайнленде, который выглядит так, как будто первый был посещен совсем недавно. Они, очевидно, знали, что Хеллуланд и Маркленд *не* связаны с Африкой, в то время как Вайнленд мог быть. О том, каким образом могла возникнуть такая теория, как связь между Вайнлендом и Африкой, я уже говорил ([стр. 274](#)). Следует заметить, что эта теория упоминается в связи с древней гипотезой о всеохватывающем океане, которая долгое время препятствовала географической и картографической науке.

Ранние карты.

Мы должны дождаться периода, следующего за повторным открытием Америки, для самой ранней известной попытки изобразить Вайнленд и две более северные земли, известные скандинавам, в виде карты. Однако в Королевской библиотеке Копенгагена существует копия, сделанная, по-видимому, около 1590 года, карты, составленной исландцем Сигурдом Стефанссоном около ста лет назад. Карта датирована 1570 годом, но было четко доказано, что это ошибка переписчика и что на оригинальной карте, вероятно, был 1590 год. Здесь воспроизведены общие линии этой карты. Что касается пункта, отмеченного буквой "A", то есть примечание автора, свидетельствующее о том, что он знал о путешествии Фробишера в 1576 году, что само по себе достаточно для того, чтобы показать, что дата 1570 года была ошибкой.

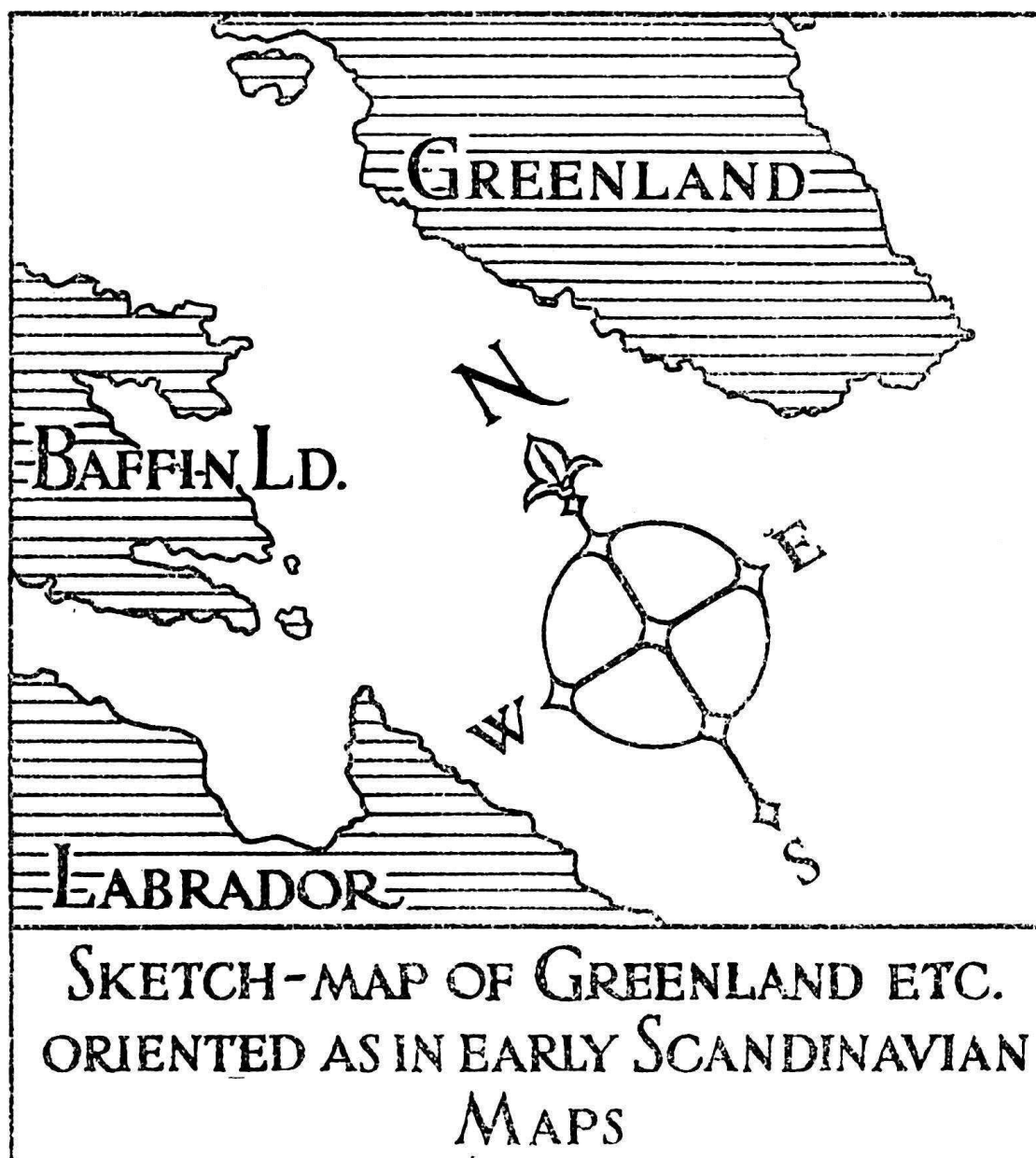
Также существует карта, составленная Хансом Поулсоном Ресеном в 1605 году, которая охватывает ту же территорию и настолько похожа по большинству характеристик, что в целом была принята за простую копию работы Стефанссона, переработанную в свете информации, которую могли предоставить более поздние путешествия. Здесь также воспроизведены соответствующие элементы этой карты.

Теперь, во-первых, при рассмотрении возникает очень большая трудность на пути принятия текущей точки зрения, поддерживаемой Штормом и другими, о том, что карта Ресена основана на карте Стефанссона.

Надпись на работе Ресена гласит:

‘Indicatio Groenlandiae et vicinarum regionum, versus Septentrionem et Occidentem, ex antiqua quadam mappa, rudi modo delineata, *ante aliquot centenos annos*, ab Islandis, quibus tunc erat ista terra notissima, et nauticis nostri temporis observationibus.’

Ошибка в дате на сохранившейся копии карты Стефанссона явно является работой невежественного переписчика, что делает практически несомненным, что оригинал также был датирован; более того, указано, что примечание в точке А, на которое был сделан намек, сделано самим Стефанссоном, и поэтому, по всей вероятности, оно было приложено к оригиналу. В любом случае, она должна была быть сделана примерно в то же время, поскольку автор карты утонул в Исландии вскоре после даты ее изготовления. Поэтому кажется практически невозможным, чтобы Ресен, имея перед глазами такие свидетельства недавнего составления, мог описать как карту, сделанную 'несколько веков назад', произведение, столь близкое по времени к его собственному. На самом деле он не мог прийти к какому-либо подобному выводу, и не было бы смысла ложно приписывать его источнику происхождения, которое умаляет его авторитет. Опять же, хотя ни одна из работ не является шедевром, постановка Сигурда Стефанссона по завершению весьма выгодно отличается от работы Ресена, и поэтому последний автор вряд ли мог заклеить его как *рудри модо делината*. Более

того, форма Хвицерка в Гренландии на карте Ресена более сложная, чем в более ранней работе, и, поскольку у картографа не могло быть современного источника, из которого он мог бы исправить эту особенность, трудно предположить, что его форма заимствована у Стефанссона. Наконец, Ресен вводит на свою карту такие топонимы, как Эриксфьорд, Вестербигдсфьорд и Эстербигд, которые не встречаются в Стефанссоне и не являются производными от работ более поздних первооткрывателей.

Фактически, все доказательства подтверждают вероятность того, что и Ресен, и Стефанссон работали не друг с другом, а оба из общего источника более ранней даты, который вполне мог быть изготовлен, как утверждает Ресен, *ante aliquot centenos annos*, и, если это так, был доколумбовым.

Теперь, если две карты независимы друг от друга, общий источник явно должен содержать не только изображение Гренландии, которое встречается на обеих, но в равной степени и изображение Хеллулэнда, Маркленда и Вайнленда, что демонстрирует, с учетом пересмотра в свете более поздних исследований, почти столь же заметное сходство. Если, таким образом, карта этих земель не основана просто на современной интерпретации саг, то здесь мы имеем свежие свидетельства последующих путешествий, если не в земли, исследованные Карлсефни, то, по крайней мере, в некоторые части Северной Америки, которые были перепутаны с ними.

Гипотеза о том, что формы рельефа просто взяты из прочтения саг, принята Штормом. Трудно, однако, объяснить таким образом такую особенность, как юго-восточное направление от Маркленда к Вайнленду, которое явно противоречит источникам, которым мы следовали. Более того, как будет видно при сравнении с картой на [стр. 291](#), существует поразительное сходство с действительной формой Баффиновой земли и северного Лабрадора, причем очертания последнего полуострова, особенно на карте Ресена, удивительно точны в точках, которые невозможно проследить ни на одной известной мне карте того периода. Указания на залив Унгава и мыс Чидли, в частности, являются объектами, не представленными современными картографами, и хотя Лабрадор слишком мал по сравнению с двумя основными полуостровами Баффиновой Земли, это то, чего можно было бы ожидать от грубых и ранних изображений, которые склонны уделять больше места хорошо известным местам, чем менее известным. В любом случае, совершенно ясно, что и Стефанссон, и Ресен считали, что на их картах изображены Баффинова земля и Лабрадор, и это доказывает, что они лучше знают внешний вид этих населенных пунктов, чем другие картографы того периода, которые, по-видимому, могли извлечь из отчетов исследователей. Таким образом, в целом я склоняюсь к мнению, что эти карты являются свидетельством путешествий в Америку, последующих за теми, о которых у нас есть какие-либо записи.

Что тогда? Должны ли мы отбросить все выводы, к которым пришли до сих пор, и принять выводы лабрадорской школы, которые мы отвергли так без колебаний и по таким серьезным причинам? Ни в коем случае. Вполне соответствует прецеденту, что возникла путаница в определении мест, посещенных ранними исследователями, и что Баффинову землю и Лабрадор, когда их посетили более поздние скандинавы, ошибочно приняли за земли, открытые и описанные их предшественниками. Таким образом, долгое время предполагалось, что открытия Фробишера в *Meta Incognita* были сделаны в Гренландии, в то время как последняя страна, а не та, которая сейчас носит это название, была первоначальным Лабрадором.

Предполагать, что древнескандинавцы, возможно, плохо помнившие саги, должны были отождествлять Лабрадор с Вайнлендом, значит обвинять их не в более грубой ошибке, чем та, которую допускают многие современные критики предмета, которым все относящиеся к делу свидетельства были легко доступны. Читатель вряд ли мог не заметить, что некоторая путаница, о которой здесь говорится, должна была иметь место в очень ранний период. В то время как сами саги ясно говорят о южных широтах и умеренном климате, более поздняя традиция и те записи, которые у нас есть о возможных более поздних путешествиях, указывают на идею о том, что Вайнленд должен был быть найден в Арктических регионах. Так, руны Хенен говорят о "льдах в необитаемых регионах", Адам Бременский связывает Вайнленд с "невыносимым льдом" и замерзшими морями, "Новая земля" отождествляется в более поздних рукописях "Анналов" с дикой природой Гренландии, а Фурдустрандс становится регионом, непригодным для жизни из-за морозов (см. [стр. 227](#)).

Нетрудно понять, как подобные идеи могли возникнуть в Исландии и европейской Скандинавии. Рассматриваемые карты дают нам вероятный ключ к разгадке. Гренландия совершенно неправильно ориентирована, ее южная оконечность направлена на юго-восток, а не на юг, или, как это было бы показано на компасной карте, значительно западнее южной. Картограф, очевидно, был введен в заблуждение названиями "Западное поселение" и "Восточное поселение", присвоенными колониям в Годтаабе и Юлианехабе соответственно, которые на самом деле находятся более или менее на севере и юге по отношению друг к другу. Путаница, вызванная этой неуместной терминологией, сохранялась вплоть до самого недавнего времени. Результатом такой ошибки является внушение начинающим исследователям, что земли, которая на самом деле лежит к западу от Гренландии, можно достичь, плывя в направлении, которое на самом деле является северным. Хотя я предложил другую причину предполагаемого визита Карлсефни в Западное Поселение перед отправлением в свои путешествия, всегда возможно, как говорит доктор Нансен (т. 1, с. 321), что это тоже ошибка автора саги, основанная на вполне естественном предположении, что Западное Поселение находилось строго к западу от Восточного и, следовательно, было ближайшим пунктом к Вайнленду, а не самым удаленным от него. Чрезмерно сокращенное расстояние в саге между Гренландией и Хеллуландом (два дня), возможно, объясняется таким же образом, и в этом случае острова Медвежий на самом деле могут означать Диско. (Ср. глава VIII, [стр. 262](#)). Однако, если это так, то можно было бы предположить, что автор саги имел доступ к отчету какого-то последующего исследователя, который, отплывая из Диско, коснулся или увидел полуостров Камберленд Баффиновой земли, и более раннюю часть отчета о путешествии Карлсефни пришлось бы отвергнуть, поскольку она претендовала на историческое отражение опыта этого исследователя.

Теперь, если из-за неправильного понимания истинной ориентации полуострова Гренландия исландским или норвежским морякам пришла в голову идея, что необходимо следовать вдоль побережья Гренландии, чтобы приблизиться к странам, открытым в Америке, легко понять, как они могли бы сообщить о ледовых и арктических условиях и, возможно, о частях Баффиновой земли и северного Лабрадора, которые, таким образом, могли бы отождествиться с землями, открытыми Лейфом и Карлсефни.

География Исландии, упомянутая выше, создает, как уже говорилось, впечатление, что, хотя страны, отождествляемые с Хеллуландом и Марклендом, были посещены, Вайнленд искали напрасно, и его точное местоположение на момент написания статьи было неизвестно. Это

было бы вполне понятно, если бы более поздние исследователи по указанной выше причине ограничили свои поиски более северными широтами.

Таким образом, хотя эти ранние карты бесполезны как авторитетные источники, с помощью которых мы можем решить проблемы первоначальных путешествий в Вайнленд, я думаю, что они представляют значительный интерес как как свидетельство более поздних путешествий скандинавов в Америку, так и как объяснение того, каким образом могло возникнуть ошибочное представление, связывающее Вайнленд с севером.

Заключение.

Поскольку данные теперь исчерпаны, остается только попрощаться с нашими исследователями. Сравнения вошли в поговорку, и бесполезно привлекать к этому вопросу Колумба и его преемников. Карлсефни и его современники как первооткрыватели родились в неподходящее время. При всеобщем интересе, который ощущался к исследованиям в пятнадцатом и последующих веках, при поддержке королей и государств, развивавших их открытия, прежде всего, при вооружении, неизмеримо превосходящем вооружение туземцев, каким обладали более поздние исследователи, эти простые норвежские моряки могли бы снискать гораздо более широкую известность или даже повлиять на ход истории. Как бы то ни было, их деяния были неважны и вскоре почти, если не совсем, забыты. Сегодня обыватель выглядит недоверчивым или изумленным при одном упоминании о путешествиях в Вайнленд, какими бы достоверными они ни казались изучающему этот предмет. Чуть меньше скептицизма, чуть менее полного забвения - вот и все, что мы попросим от них здесь.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андерсон Р. Б. Америка, открытая не Колумбом. Чикаго, 1874.
- Бэбкок, В. Х. Ранние открытия скандинавов в Америке. Разные коллекции Смитсоновского института, Вашингтон, 1913.
- Бимиш, Н. Л. Открытие Северной Америки северянами. Бостон, 1841.
- Бизли, К. Р. Рассвет современной географии. Лондон, 1901.
- - Статьи "Лейф Эриксон" и "Торфинн Карлсефни" в Британской энциклопедии.
- Bruun, D. Erik den Röde. Копенгаген, 1915.
- Журнал "Корнхилл". Статья в vol. xxvi. Лондон, 1872.
- Де Коста Б. Ф. Доколумбово открытие Америки норманнами. Олбани, 1901.
- Дизеруд, Дж. Норвежские открытия в Америке. Бюллетень Американского географического общества, 1901.
- Дю Шайю, П. Б. Эпоха викингов. Лондон, 1889.
- Фернальд М. Л. Заметки о растениях Вайнленда Доброго. Бостон, 1910.
- Fischer, J. Die Entdeckungen der Normannen in Amerika. Freiburg i. B., 1902. (Английский перевод Б. Соулсби, 1903.)

- Фиске Дж. Открытие Америки. Бостон, 1892.
- Форстер Дж. Б. История путешествий и проч., Совершенных на Севере. Лондон, 1786.
- Халибертон, Р. Г. Статья в "Трудах Королевского географического общества", том vii. Лондон.
- Хьюлетт, М. Гудрид Прекрасная (художественная литература по мотивам саг). Лондон, 1917.
- Хорсфорд Э. Н. Открытие Америки норманнами. Нью-Йорк, 1888.
- - Проблема северян. Кембридж, Массачусетс, 1889.
- - Высадка Лейфа Эриксона на берег. Бостон, 1892.
- Ховгаард В. Путешествия скандинавов в Америку. Нью-Йорк, 1915.
- Хоули, М. Ф. Винланд подтвержден. Проц. и пер. Королевское общество Канады, 1898.
- Ирвинг, Вашингтон. Жизнь и путешествия Христофора Колумба. том iv. Лондон, 1828.
- Jónsson, Finnur. Erik den Röde's Saga og Vinland. Исторический обрывок. Христиания, 1911 год.
- — Opdagelsen af og reiserne til Vinland. Бонус для Nordisk Oldkyndighed и с. Копенгаген, 1915.
- Kolischer, K. A. Zur Entdeckungsgeschichte Amerikas. Mitt. K. K. Geographischen Gesellschaft, Vienna, 1914.
- Лэйнг С. Перевод Хеймскрингла. Лондон, 1844.
- Malte-Brun, C. Précis de la géographie universelle, vol. i, book 18. Париж, 1831-7.
- Моултон и Йейтс. История штата Нью-Йорк. Нью-Йорк, 1824 год.
- Нансен Ф. В северных туманах. Лондон, 1911.
- Neckel, G. Erste Entdeckung Amerikas. Leipzig, 1913.
- Nielsen, Y. Nordmænd og Skrælinger i Vinland. Norske Geografiske Selskabs Aarbog, 1905.
- Олсон, Дж. Э. Северяне, Колумб и Кэбот. Нью-Йорк, 1906.
- - Статья "Винланд" в Британской энциклопедии.
- Rafn, C. Antiquitates Americanae. Бостон, 1837 год.
- Ривз А. М. В поисках Вайнленда Доброго. Лондон, 1895.
- Schroeder. Om Skandinavernes forna upptäcktsresor till Nord Amerika. Упсала, 1818 год.
- Слэтер, преподобный Э. Ф. Путешествия северян в Америку. Бостон.
- Смит, Дж. Т. Открытие Америки норманнами в десятом веке. Лондон, 1839.
- Стинсби, Х. П. Путь норвежцев из Гренландии в Вайнленд. Копенгаген, 1918.
- Шторм, Г. Штудье над Винландсрайзерном. Библиография для Nordisk Oldkyndighed og Historie, Копенгаген, 1887.
- — Islandske Annaler indtil 1578. Христиания, 1888 год.
- - Saga Эрика Рауда. Копенгаген, 1891.
- Thalbitzer, W. Skrælingerne i Markland og Grönland, deres sprog og nationalitet. Oversigt over det Kgl. Danske Videnskabernes Selskabs Forhandling, Copenhagen, 1905.
- - Четыре слова скрелингов из Маркленда в "Саге об Эрике Рыжем". Лондон, 1913.
- Торфей, Т. История древней Винландии. Копенгаген, 1705.
- — Veteris Groenlandiæ Descriptio. Копенгаген, 1706 год.
- Вигфуссон Г. (и Йорк Пауэлл Ф.) Исландский прозаик. Оксфорд, 1879.
- Вигфуссон Г. (и Йорк Пауэлл Ф.) "Происхождение островов". Оксфорд, 1905.

- Вайзе, А. Дж. Открытия Америки до 1525 года. Лондон, 1884.
- Уинзор, Джастин. История Америки (том i). Лондон, 1889.

НАПЕЧАТАНО В АНГЛИИ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ ОКСФОРДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

СНОСКИ:

[1] Далее именуется "Сага об Эрике Рыжем", "Книга Хаука" и "Книга Флэтея". См. Часть II, глава I.

[2] Книга Флэтли.

[3] См. Примечание в конце раздела.

[4] Книга Флэтея. Ср. Часть II, глава I, стр. 108.

[5] Из [опущено в книге Флэтли.

[6] Книга Хаука и сага об Эрике Рыжем.

[7] Итак, в книге Ланднамабока, Хаука и Книге Флэтей: в саге Эрика есть "Хвицерк".

[8] В Книге Флэтей и некоторых текстах Ланднамабока упоминается 'Восточное поселение'. Восточное поселение находилось около Джулианехаба, Западное - около Годтааба. Таким образом, оба находились на западном побережье Гренландии.

[9] Книга Хаука.

[10] Опущено в книге Флэтей.

[11] То, что следует далее, расшифровано только в версии Flatey.

[12] Книга Флэтли.

[13] В книге Флэтли '35'.

[14] В "Ланднамабоке" Хаука и некоторых других текстах есть "Снорри". На самом деле Снорри Торбрандсон, как будет видно, ушел позже.

[15] Должно быть, ошибка в предположении, что этот Вифил был отцом Торгейра и Торбьерна. Даже если мы считаем, что Вифил был схвачен мальчиком и принадлежал к поколению внука Ауд, Олафа Фейлана, мы знаем, что Торгейр и Торбьерн принадлежали к поколению Снорри Годи и Торда Лошадиной Головы, правнуков Олафа Фейлана, поскольку их дочери вышли замуж за сыновей этих людей соответственно. (См. Генеалогическую таблицу, стр. 20.) Более того, позже будет видно, что Торбьерн Вифилсон смотрел свысока на сына рабыни, чего вряд ли было бы, если бы он сам был рабом. (См. *Сообщение*, стр. 32).

[16] то есть заклинание для привлечения духов.

[17] Смотрите примечание в конце раздела.

[18] В этот момент, во время путешествия в Гренландию, Лейф случайно открывает Вайнленд, как указано в этой версии. Подробнее об этом см. в Приложении, стр. 76.

[19] то есть так, как он ранее руководил экспедицией в Гренландию. Финнур Йонссон видит в слове *enn* ("все еще") воспоминание о путешествии Торстейна в "Саге об Эрике"; однако такая интерпретация кажется излишне притянутой за уши.

[20] Написано: 'солнце занимало там место эйкта и место дагмаля в самый короткий день'. См. Часть II, глава V.

[21] В тексте добавляется: 'Эрик Рыжий тоже умер той зимой'. Я склонен считать это утверждение вероятным, но поскольку позже в альтернативной версии часто упоминается Эрик, я опускаю это в рассказе. (См., однако, часть II, глава II, стр. 135.)

[22] Смотрите примечание в конце раздела.

[23] *Skrælingar*.

[24] Смотрите примечание в конце этого раздела.

[25] Это подтверждается Сагой о Гретти, Ребята. 14 и 30, где упоминается некто "Торхолл Гамлисон, виноградарь".

[26] Книга Хаука: "Эрик".

[27] Следуя тексту книги Хаука, в качестве более ясного смысла.

[28] Переписчик "Саги об Эрике" поместил это предложение не так, поместив его перед словами "с большой игрой". Предпочтительнее читать у Хаука.

[29] Книга Хаука: "весна".

[30] Книга Хаука исправляет это на "Торвард, который женился на Фрейдис, внебрачной дочери Эрика Рыжего", но добавляет "и Торвальд Эриксон". Ср. Часть II, глава II, стр. 126.

[31] Множественное число, следовательно, он был с Эриком много лет.

[32] Книга Хаука: "С Торвардом и Торвальдом".

[33] В Саге об Эрике говорится: 'сорок человек из второй сотни'. В книге Хаука есть "сорок человек и сотня". Поскольку исландская сотня равнялась 120, это означает 160 в каждом конкретном случае.

[34] Из [Книги Хаука есть: "Оттуда они долгое время плыли на юг и пришли к мысу" и с.

[35] В книге Хаука; в саге Эрика есть "бьяфал". Слово явно гэльское. Нансен предлагает ирландское слово 'cabhail', обозначающее часть рубашки. Или, возможно, "gioball" = предмет одежды.

[36] Книга Хаука "недавно посеяна".

[37] Книга Хаука: "гаги".

[38] Из [опущено в книге Хаука.

[39] Эти стихи следуют за текстом Книги Хаука, который здесь менее искажен, чем другие.

[40] См. Примечание 39 на предыдущей странице.

[41] Итак, книга Хаука; в сопроводительном тексте "маленькая".

[42] Горит. так много, как будто его засыпали углем.

[43] Следуя книге Хаука, как более понятному тексту.

[44] В книге Хаука их "несколько".

[45] то есть посланный из Хопа в качестве враждебных эмиссаров или шпионов.

[46] Книга Хаука: "ночью".

[47] Книга Хаука: "Гудрид".

[48] Ниже приводится версия этого повествования о смерти Торвальда. (См. Приложение, стр. 77.)

[49] Следуя тексту Хаука. Сага об Эрике гласит: 'Они намеревались исследовать все те горы, которые были в Хоп, и те, которые они нашли'. Это продолжается словами "они вернулись, и наступила третья зима" и проч.

[50] Следуя тексту Хаука.

[51] Книга Хаука, вероятно, правильное "Ирландия".

[52] В книге Хаука приводится иная причина. "Все сочли это таким мужественным предложением, что никто не стал бы возражать".

[53] См. Приложение, стр. 83.

[54] В тексте есть "Карлсефни", очевидная ошибка.

[55] Значение этого слова неопределенно.

[56] Ошибка. Халльфрид была женой Рунольфа и матерью епископа Торлака.

[57] Предсмертная речь, приписываемая здесь Торвальду, очевидно, заимствована из речи Тормода Кольбрунарскальда после битвы при Стиклестаде, где суть гораздо легче уловить. Торвальд имеет в виду, что он пришел в страну, дающую много пищи, иначе он не был бы толстым.

[58] Следуя тексту Хаука, добавляю то, что неразборчиво в другой версии.

[59] Следуя тексту Хаука, другая версия здесь сильно перепутана.

[60] Или: "он господствует над всеми видениями" и т.д.

[61] Я слышал о подобном обычае в наши дни в более отдаленных частях Норвегии, где визиты священника нечасты. Разница лишь в том, что во время заупокойной службы в яму вместо святой воды насыпают землю.

[62] Слово пропущено в СР.

[63] Книга Хаука "Гудрид".

[64] Prolegom. к Стурлунге, стр. xxv.

[65] Prolegom. к Стурлунге, стр. xxxvii.

[66] Ibid., p. xxxi.

[67] См. ниже, стр. 108.

[68] Ранние визиты норвежцев в Северную Америку. Вашингтон, 1913.

[69] Die Entdeckungen der Normannen in Amerika. Freiburg, 1902.

[70] Opdagelsen af og Reiserne til Vinland, Aarbog for Nordisk Oldkyndighed, etc., for 1915.

[71] Prolegom. в Стурлунгу, штат Техас

[72] Аробог для Nordisk Oldkynd. og Hist. 1887.

[73] С тех пор, как была написана эта глава, мое внимание было привлечено к W. "Путешествия скандинавов в Америку" Ховгаарда (1915), в котором защищается книга Флэтли.

[74] Это было написано до появления монографии профессора Стинсби, которая будет рассмотрена позже (стр. 237). Этот автор приводит своих исследователей в залив Святого Лаврентия, но я придерживаюсь своего мнения.

[75] Если верить утверждению Саги о Флоаманне, Эрик, будучи молодым человеком, уже взрослым, находился с Хоконом ярлом в Норвегии в то время, когда последний "захватил королевство", то есть сразу после смерти Харальда Грейфелла (ок. 970). В этом отрывке Эрик упоминается как "исландец", но почти обязательно относится к периоду до эмиграции Эрика из Норвегии.

[76] Согласно Саге о Фостбредре, когда Тормод Кольбрунарскальд посетил Гренландию примерно за пять лет до своей смерти в Стиклестаде (1030), внук Эрика, Торкель Лейфсон, унаследовал Браттахлид.

[77] В Северных туманах, т. ii, стр. 20-21.

[78] В Северных туманах, том i, стр. 335.

[79] В Северных туманах, том i, стр. 346.

[80] В Северных туманах, том i, стр. 359.

[81] См. книгу Стерна "Жизнь птиц Новой Англии", часть II, стр. 362.

[82] В "Северных туманах", т. i, с. 345 и ср. с. 360.

[83] Трактаты Форса, том ii, стр. 61.

[84] В Северных туманах, т. ii, с. 75.

[85] "Тогда здесь были христиане, те, кого норвежцы называют Папар, но потом они ушли, потому что не хотели жить здесь с язычниками, и они оставили после себя ирландские книги, колокольчики и посохи: из чего можно сделать вывод, что они были ирландцами".

[86] У. Г. Гослинг, Лабрадор, стр. 17.

[87] Ср. первое плавание Фробишера в Хаклюте: "И вот с *белой тканью* они провели одну из своих лодок со своими людьми по отмели, гребя вслед за нашей лодкой".

[88] Смотри в "Северных туманах", том ii, стр. 8-10.

[89] Норвежские визиты в Северную Америку, стр. 157.

[90] Максимум, что можно сказать, это то, что звук 'lld', встречающийся в трех из четырех слов, вероятно, был характерен для этого языка. Мистер Талбитцер позволяет себе неограниченный выбор в эскимосском словаре слов, похожих по звучанию на те, что приводятся в саге. Это, очевидно, оставляет место для значительной вероятности чисто случайного сходства. Эквивалентами "Vætilldi" и "Uvægi" у мистера Талбитцера являются "uwätille" и "uwätje", что означает "подождите немного, пожалуйста" и "подождите немного". Нам сказали, что буква "ll" имеет сильное придыхание и может быть представлена буквой "tl". По любопытному совпадению, которое показывает опасность споров на эту тему, эти эскимосские слова звучат почти так же, как их перевод на английский — "ты немного подождешь", "ты ждешь".

[91] В Северных туманах, том i, стр. 354.

[92] Итак, Хаук: в других текстах просто "на запад, в Гренландию".

[93] Ирландские географические названия, том i, стр. 106.

[94] Письма Троила об Исландии, 1780, стр. 118.

[95] Поэтический сборник Бореале, том i, стр. 430.

[96] Это было написано до появления монографии профессора Стинсби, о которой говорится в постскрипуме (стр. 237).

[97] См. Письма Троила об Исландии, стр. 105.

[98] Хотя в Наине есть леса, а раньше их было больше, следует помнить, что между побережьем и открытым морем в этих широтах и около них существует сложный барьер из бесплодных островов.

[99] Ср. Хаклюйт, краткое описание новообретенной земли: 'То, что мы называем новообретенной землей ... это айланд, или, скорее, по мнению некоторых, он состоит из различных айландов и разрушенных земель.

[100] Также возможно, как предполагает г-н Ховгаард, что Карлсефни пришлось плыть на север, чтобы пробиться сквозь лед вокруг побережья.

[101] С момента написания этой статьи я обнаружил, что такое же исправление было предложено Финнуром Йонссоном.

[102] Если только мы не примем историю, рассказанную для объяснения названия, Килнесс. Даже это была бы лишь очень временная высадка на берег.

[103] В Северных туманах, т. ii, стр. 24.

[104] В статье Херлуфа Винге о фауне Гренландии (Meddelelser om Grönland, vol. xxi, с. 322), автор приводит список мехов, которые, по словам архиепископа Трондхjemского Эрика Валкендорфа (около 1516 г.), были получены из Гренландии. Многие из упоминаемых там животных не относятся должным образом к Гренландии, и Винге предполагает, что эти шкуры, возможно, попали в Тронхjem из Америки через Гренландию.

[105] Возможно, со стороны любителя опрометчиво критиковать интерпретацию эксперта, но многочисленные "и" в начале надписи, на мой взгляд, наводят на мысль, что слова между ними должны быть именами людей. Стереотипная форма мемориальной рунической надписи обычно начинается со списка лиц, ответственных за нее, через 'и' (auk = ok). Оригинал, прочитанный Бугге, гласит: "Ок витт ок рурфа ферру ок атс" и т.д.

Примечания переписчика

- Новая оригинальная обложка, прилагаемая к этой книге, находится в общественном достоянии.
- Очевидные опечатки были незаметно исправлены.